

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
Г У М А Н И Т А Р Н О Г О
О Б Р А З О В А Н И Я**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 1

Киров
2018

Главный редактор

В. Т. Юнгблуд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Заместители главного редактора

Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Ответственные секретари

О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:

Исторические науки и археология

В. И. Бакулин, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров); ORCID: 0000-0002-8648-0011;

А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);

Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);

А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров); ORCID: 0000-0001-8135-4043;

Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);

Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);

А. А. Печенкин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);

Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

Филология

О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0002-6159-6261;

Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);

В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);

О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0002-9362-7720;

Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);

Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);

D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);

H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).

Культурология

А. С. Дриккер, д-р культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
ORCID: 0000-0002-8987-7591;

И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);

Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);

Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);

Н. В. Клементьева, канд. культурологии, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);
ORCID: 0000-0001-6625-0510;

А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);

Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован
в «Роскомнадзоре» (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-67555 от 31 октября 2016 г.)
Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Vyatka State University

**HERALD
OF HUMANITARIAN
EDUCATION**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 1

Kirov
2018

Chief editor

V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904

Deputy editor

L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995

N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279

Executive Secretary

O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553

I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,

Editorial board members:

Historical sciences and archaeology

V. I. Bakulin, Dr. of hist. sciences, professor, Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-8648-0011;
A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of Russian Copyright Society, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovarov, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. Institute of Russian history of RAS (Moscow);
A. A. Pechenkin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
D. A. Redin, Dr. East. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg).

Philology

O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. Sciences, prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philological sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubin, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology

A. S. Drikker, Dr. of cultural studies, St. Petersburg State University (St. Petersburg); ORCID: 0000-0002-8987-7591;
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
N. V. Klementyeva, PhD of cultural studies, associated professor, Vyatka State University (Kirov); ORCID: 0000-0001-6625-0510;
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

**Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media
in "Roskomnadzor" (Certificate of registration of mass media PI № FS77-67555 of October 31, 2016)
Founder of the journal "Vyatka State University»**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Юнгблюд В. Т. Культурные контуры образов будущего и гуманитарное знание 9

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Машковцев А. А. Лютеране Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографические характеристики общины14

Кустова Е. В. Женская обитель на переломе эпох: из истории Слободского Спасского девичьего монастыря (1671/72–1764 гг.)21

Судовиков М. С. Из истории купеческой благотворительности в Вятской губернии: взгляд через личность Алексея Яковлевича Прозорова32

Лейбович О. Л. Сколько же было инженеров в СССР в годы второй пятилетки? К вопросу о достоверности советской социальной статистики (Письмо в редакцию).....39

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Новиков М. В. Мотивы массового «красного» международного добровольчества в испанской гражданской войне44

Белевцева С. Н. Развитие теории демократии в конце XX в.: зарубежная историография53

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

Сенникова Л. А., Кайсин А. О., Онуфриенко Ю. А., Жилина М. В., Борисова А. М. Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря64

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Калинина Л. В. Образ Ван Гога в русской языковой презентации (по материалам национального корпуса русского языка).....76

Байкова О. В., Обухова О. Н., Казаков А. В. Фонетические характеристики немецких гласных в спонтанной речи российских немцев Кировской области85

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Хренов Н. А. Российское кино на рубеже XX–XXI вв.: революция и ее роль в формировании коллективной идентичности.....90

Макаркина М. А. Организационная культура как объект культурологического исследования.....97

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Поздеев В. А.</i> Коршунков В. А. Греколатиника: отражение классики. Системный подход к истории и культуре.....	103
<i>Позднякова А. С.</i> Российская революция 1917 года: власть, общество, культура.....	106

CONTENTS

EDITOR'S COLUMN

- Yungblud V. T.* Cultural contours of images of the future
and humanitarian knowledge 9

PROBLEMS OF DOMESTIC HISTORY

- Mashkovtsev A. A.* Lutherans of Perm province in the second half of the XIX –
early XX: socio-demographic characteristics of the community14
- Kustova E. V.* Women's abode at the turn of ages: from the history
of Slobodskoy Spassky convent (1671/72–1764)21
- Sudovikov M. S.* From the history of merchant charity in Vyatka province:
a look through the personality of Alexey Prozorov32
- Leibovich O. L.* How many engineers were there in the USSR during
the Second Five-Year Plan. On the reliability of Soviet social statistics
(Letter to the editorial board).....39

PROBLEMS OF GENERAL HISTORY

- Novikov M. V.* The motives of mass “red” international volunteerism
in the Spanish civil war 44
- Belevtseva S. N.* The advancement of the theory of democracy in the late XX century:
foreign historiography53

PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

- Sennikova L. A., Kaisin A. O., Onufrienko J. A., Zhilina V. M., Borisova A. M.*
Archaeological works on the territory of the Assumption Trifon monastery64

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Kalinina L. V.* The image of Van Gogh in Russian language presentation
(based on the materials of the National corpus of Russian language)76
- Baykova O. V., Obukhova O. N., Kazakov A. V.* Phonetic characteristics
of German vowels in the spontaneous speech of Russian Germans
in the Kirov region85

CULTURAL STUDY

- Khrenov N. A.* Russian cinema at the turn of XX–XXI centuries: revolution
and its role in the formation of collective identity90
- Makarkina M. A.* Organizational culture as an object of cultural research97

REVIEW AND SCIENTIFIC LIFE

<i>Pozdeev V. A. Korshunov V. A. Greek-Latin: reflection of classics.</i>	
Systematic approach to history and culture	103
<i>Pozdnyakova A. S. Russian revolution of 1917: power, society, culture</i>	106

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

УДК 009

doi: 10.25730/VSU.2070.18.001

Культурные контуры образов будущего и гуманитарное знание

В. Т. Юнгблюд

доктор исторических наук, президент ВятГУ,
главный редактор журнала «Вестник гуманитарного образования».
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Аннотация: темпы развития современного мира не имеют аналогов в истории. Экономическая и научно-технологическая глобализация охватила по сути все уголки планеты. Современные исследования трендов, определяющих направленность и скорость развития мира, предлагают уже сегодня приступить к формированию адекватных образов будущего. Эта задача должна решаться путем выработки и внедрения новой образовательной парадигмы, направленной на формирование у людей необходимого для нового витка развития цивилизации набора компетенций. Данная парадигма должна предусмотреть оснащение молодого поколения социокультурными навыками и гуманистическими ценностями, призванными защитить человечество от техногенных угроз и дегуманизации, которыми сопровождается новая технологическая волна. В таких условиях резко возрастает роль гуманитарного образования, которому предстоит решать двойную задачу: обеспечить человеку, с одной стороны, комфортную жизненную среду в мире грядущих новейших технологий, а с другой стороны, защитить от разрушения традиционные ценности и уклады, на которые все более агрессивно воздействует политическая глобализация.

Ключевые слова: навыки будущего, четвертая промышленная революция, культура, история, гуманитарное знание, новая парадигма образования, гуманистические ценности, дегуманизация.

Авторы недавно вышедшего в свет и взбудоражившего научно-образовательное сообщество России доклада «Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире»¹ обращают внимание на глобальные тренды, характерные для всех развитых и развивающихся стран на переходном этапе от индустриального к постиндустриальному обществу. В отличие от большинства подобных прогнозов, этот доклад опирается на убедительную эмпирическую основу и обобщает широкий спектр современных социологических исследований и теорий.

Констатируя небывалые темпы развития новых технологий, авторы доклада предупреждают человечеству в ближайшие десятилетия тотальную цифровизацию, автоматизацию, роботизацию, распространение беспилотного транспорта и гибридного интеллекта. Радикальные изменения в секторе экономики знаний, по их мнению, все в более широких масштабах будут насыщать повседневную жизнь техническими новинками, способными выполнять операции, превосходящие воображение человека. Отмечается, что мир движется в направлении «технологической сингулярности»² и эта реальность должна осознаваться как одна из возможных альтернатив развития человеческой цивилизации.

Образ будущего не так уж часто становился предметом серьезного анализа. Его контуры ранее волновали преимущественно писателей-фантастов и футурологов. И обращались к такого рода текстам, как правило, либо любители чтения – поклонники соответствующего литературного жанра, либо обществоведы, использовавшие всевозможные прогнозы главным образом для того, чтобы придать дополнительные оттенки смысла актуальных событий и процессов. Авторы «Навыков будущего» ставят перед собой совершенно иную задачу. В их исследовании речь идет именно о будущем, к которому нельзя относиться «как к простому

© Юнгблюд В. Т., 2018

¹ Доклад обобщает итоги совместной работы Global Education Futures (GEF), WorldSkillsRussia (WS), International Labor Organization (ILO), Агентства стратегических инициатив и Московской школы управления СКОЛКОВО. См.: Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире / Е. Лошкарева, П. Лукша, И. Ниненко, И. Смагин, Д. Судаков. URL: https://futuref.org/futureskills_ru

² Там же. С. 37.

продолжению настоящего»³. И это будущее наполнено не только умопомрачительными технологиями и большим количеством скрытых и явных угроз, но и социальными проблемами, человеческими чувствами и эмоциями. В нем будут жить люди, рождаться дети, которым придется ходить в школы, а затем и в университеты, усваивать, воспроизводить и развивать знания, соответствующие уже новому качественному состоянию человеческого общества. Именно по этой причине упомянутое исследование заслуживает внимательного прочтения, глубокой рефлексии и общественного обсуждения. В первую очередь это касается научно-педагогического сообщества, поскольку затронутые в докладе проблемы являются фундаментальными для современной науки и призваны задать направление и отформатировать содержание современных реформ образовательной системы на всех ее уровнях.

По своему замыслу «Навыки будущего» не являются уникальным исследованием. Со всем недавно в переводе на русский язык вышел в свет бестселлер К. Шваба и Н. Дэвиса, посвященный технологиям Четвертой промышленной революции. При внимательном чтении бросается в глаза, что технологические параметры будущего общества, направленность перемен и темпы развития индустриальных государств в обоих трудах оцениваются в сопоставимых терминах. Но имеются и различия. Главное из них – роль и место человека в потоке глобальных перемен. Шваб и Дэвис всецело концентрируют внимание на прорывных технологиях и квалифицированной рабочей силе. При этом уточняется, что технологии Четвертой промышленной революции смогут «вторгаться в пространство, которое до сих пор оставалось личным, – в наш разум. Они смогут предугадывать наши мысли и воздействовать на наше поведение. Они способны анализировать происходящее и принимать решения, используя для этого методы и данные, непонятные или слишком сложные для человека. Они могут менять клетки человеческого тела, влияя на еще не родившихся детей»⁴.

Означает ли такая направленность эволюции дегуманизацию будущего? Авторы Четвертой промышленной революции не дают прямого утвердительного ответа на этот вопрос, однако фиксируют правомерность его постановки. При этом отношение к данной проблеме ими формулируется бегло, вскользь, в виде перечня общих пожеланий: «гарантировать, что Четвертая промышленная революция будет разворачиваться в интересах человека и под контролем человека...», «уважать общечеловеческие ценности как таковые, а не рассматривать только с финансовой точки зрения», расширять, а не ограничивать «возможности человечества как значимой силы, способной повлиять на судьбу мира»⁵.

Поскольку осуществление этих пожеланий предполагается через формирование у элиты «нового образа мышления», основанного на принципах, «полезных для Четвертой промышленной революции»⁶, то пригодность для предполагаемого технократического будущего присущих современному образованному классу гуманитарных знаний при таком подходе выглядит довольно сомнительной. В этом плане позиция авторов «Навыков будущего» представляется более оптимистичной. Для того чтобы противостоять очередной технологической волне, они предлагают принять участие в становлении «новой образовательной парадигмы, которая будет способствовать переходу общества к новому социальному и экономическому укладу». При этом разъясняется, что речь идет «о переходе к интегральному образованию, позволяющему в полной мере раскрыть индивидуальный потенциал каждого человека и коллективный потенциал человечества».

Иными словами, для того чтобы защитить людей от самоистребления и «технозависимости», потребуется существенно укрепить главный, а возможно, и единственный защитный панцирь человечества – его «культурный слой», пронизанный гуманистическими ценностями, творческими способностями, знаниями в области истории, филологии, культуры и искусства, а также навыками социальной жизни. Его главными содержательными платформами, очевидно, должны стать языковое разнообразие, полифоничность культур и историческая память. Именно по этой причине XXI в. имеет шанс стать веком не только гуманитарных проблем, но и гуманитарного образования, а разработка и внедрение в сознание всех участников образовательного процесса новой интеллектуальной парадигмы должны стать главной миссией современных университетов.

³ Там же. С. 9.

⁴ Шваб К., Дэвис Н. Технологии Четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2018. С. 29.

⁵ Там же.

⁶ Шваб К., Дэвис Н. Указ соч. Гл. 3.

У процессов глобализации есть не только технологическое, но и социально-политическое измерение. И если развитие научных знаний и наукоемких технологий идет непрерывно и имеет выраженную тенденцию к ускорению, то в сфере мировой политики и межгосударственных отношений ситуация выглядит менее однозначно. «В последние пару лет устойчивый тренд глобализации стал немного сбиваться – мировые надправительственные структуры потеряли прежний авторитет, началось усиление региональных экономических блоков, Великобритания вышла из Европейского Союза...»,⁷ – констатируют авторы доклада. Еще раньше на указанные и подобные им факты обратил внимание российский исследователь В. В. Печатнов: «“Брекзит” в Великобритании, победа Дональда Трампа на выборах в США, усиление позиций национальных популистских партий во многих странах Европы говорят о том, что... либеральный глобалистский мультикультурный проект, который еще недавно, казалось, шел от победы к победе, прокладывая магистральный путь развития всему человечеству, забуксовал, натолкнувшись на серьезные препятствия внутри самого Запада»⁸.

Это наблюдение стало основанием для того, чтобы усомниться в неизбежности триумфа глобализации и отвести России особую роль в противостоянии тотальной либерализации и сохранении традиционных ценностей: «В лагере традиционалистов, – отмечает Печатнов, – большая роль в этой борьбе сегодня принадлежит России, которая возвращается к своим традиционным историческим корням (прежде всего – православию) и не очень восприимчива к постмодернистским идеям. Русской культуре чужд охвативший Запад культ крайнего индивидуализма, гедонизма и морального релятивизма. Поэтому для России отстаивание традиционных ценностей – это и отстаивание своей культурно-цивилизационной идентичности, своего достойного места в мировом сообществе»⁹.

В современной российской истории можно найти немало фактов, подтверждающих этот вывод. Аргументов, опровергающих приведенное утверждение, также немало. Проблемы степени «традиционности» массового сознания и общественных укладов россиян и «несовременности» российского государства заслуживают отдельного разговора. Вопрос о том, как скажутся международные процессы и межгосударственные конфликты на состоянии фундаментальных предпосылок объединения мира – экономических, культурных, научно-технологических, – также остается открытым. Нельзя исключить сценарий, при котором вместо наблюдаемого ныне торможения они приведут к обострению межгосударственной конкуренции и, как следствие, к новому витку в гонке технологий и борьбе за ресурсы. А это значит, что содержание образования и технологии обучения будут претерпевать еще более радикальные и быстрые преобразования, чем прогнозируют современные исследования.

Представленные в очередном номере «Вестника гуманитарного образования» статьи посвящены актуальным проблемам исторического, культурологического и филологического знания.

В разделе, посвященном проблемам отечественной истории, опубликованы материалы, существенно расширяющие знания о степени включенности местной истории в общероссийский исторический контекст. Его открывает статья доктора исторических наук А. А. Машковцева «Лютеране Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографические характеристики общины», в которой представлены новые материалы по истории возникновения и развития религиозных неправославных меньшинств Уральского и Вятско-Камского регионов. Доктор исторических наук Е. В. Кустова в статье «Женская обитель на переломе эпох: из истории Слободского Спасского Девичьего монастыря» продолжает тему истории религиозных конфессий в регионе и знакомит читателя с обустройством первых женских монастырей на Вятской земле в XVIII – начале XX в. Авторы вводят в научный

⁷ *Навыки будущего...* С. 22.

⁸ Печатнов В. В. *Традиционные ценности и проблемы межкультурного диалога // 25 лет внешней политике России : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. Т. 5: Социально-гуманитарные аспекты международных отношений : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред А. В. Мальгина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации ; Рос. ассоциация междунар. исследований (РАМИ). М. : МГИМО - Университет, 2017. С. 31.*

⁹ Там же. С. 35.

оборот новые источники из Государственного архива Кировской области. Заинтересованный читатель получает возможность познакомиться с различными аспектами жизни лютеранской общины и ее вкладом в экономическое развитие региона. Существенное внимание авторы названных статей обращают на характеристики традиционных укладов жизни представителей православных и лютеранских общин, их взаимодействие с местным социумом. Е. В. Кутовой представлен богатый фактический материал об обустройстве женских монастырей в конце XVII в. до начала 70-х гг. XVIII в., их эволюции во время петровских преобразований и в последующее время вплоть до реформ Екатерины Великой. В данном случае ценность статьи для историков существенно возрастает в связи с тем, что речь идет о сравнительно малоизученном хронологическом периоде, когда Вятская земля входила в состав Сибирской, а затем Казанской губерний. Эти исследования органично дополняет статья вятских археологов Л. А. Сенниковой и А. О. Кайсина «Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря», размещенная в рубрике «Проблемы археологии». Статья знакомит читателя с новыми археологическими открытиями на территории Успенского Трифонова монастыря – старейшего монастырского комплекса на Вятской земле. Благодаря недавним находкам авторам удалось подтвердить наличие городского кладбища XV–XVI вв., определить его границы, зафиксировать погребальную обрядность иерархов Русской православной церкви в XIX в.

Исследование жизненного пути видного представителя купеческого мира второй половины XIX – начала XX в. Алексея Яковлевича Прозорова позволяет познакомиться с традициями благотворительности в российской провинции и началом формирования нового облика российского предпринимателя – образованного, гуманистически ориентированного, активного в общественной и политической жизни. Статья об этом видном представителе деловой провинциальной России и меценате подготовлена доктором исторических наук М. С. Судовиковым.

В рубрике «Проблемы отечественной истории» представлены также результаты исследований по истории нашей страны в 1930-е гг. В статье с оригинальным названием «Письмо в редакцию», подготовленной доктором исторических наук О. Л. Лейбовичем, ставится вопрос о достоверности официальной советской статистики в 1930-е гг. Автор приходит к выводу, согласно которому данные о количественном росте советской интеллигенции, в особенности инженерных кадров, сильно завышались и искусственно подгонялись под соответствующие установки высшего партийного и советского руководства.

Тема интернационализации внутренних конфликтов в современной истории международных отношений стала весьма актуальной, прежде всего из-за обострения межгосударственных, межэтнических и межрелигиозных отношений в различных регионах мира, в том числе и на постсоветском пространстве. В связи с этим читателю будет интересна статья известного ярославского специалиста доктора исторических наук М. В. Новикова, размещенная в рубрике «Проблемы всеобщей истории» и посвященная одному из первых крупных интернационализированных внутренних конфликтов первой половины XX в. – гражданской войне в Испании 1936–1939 гг. В работе изучены мотивы, побудившие людей из пятидесяти четырех стран принять участие в гражданской войне в Испании. На основе доступных данных о членах иностранных формирований автор приходит к выводу, что основными мотивами, побуждавшими добровольцев отправиться на эту войну, чтобы встать в ряды республиканской армии, были чувство пролетарской интернациональной солидарности и стойкие антифашистские убеждения.

До настоящего времени не утихают споры вокруг восприятия современным обществом демократических институтов и демократических политических режимов. В связи с этим представляется актуальной статья доцента Курского государственного университета С. Н. Белевцевой, посвященная анализу восприятия представителями научного сообщества американской стратегии «распространения демократии» в западные общества. Статья, также размещенная в рубрике «Проблемы всеобщей истории», представляет интерес как для ученых, преподавателей и студентов, так и для политологов, изучающих методы продвижения определенных политических моделей в различных политических средах.

Рубрика «Проблемы филологической науки» представлена статьей доктора филологических наук Л. В. Калининой, здесь предпринята попытка описания образа человека по материалам Национального корпуса русского языка. Актуальность и новизна исследования обусловлены обращением автора к корпусным данным в целях воссоздания языкового образа конкретного человека. Предметом непосредственного рассмотрения является образ художника Винсента Ван Гога.

Еще одна статья рубрики, написанная учеными Вятского государственного университета под руководством доктора филологических наук О. В. Байковой, посвящена исследованиям фонетических характеристик немецких гласных в спонтанной речи российских немцев, проживающих на территории Кировской области. Авторы приходят к выводу, что в условиях спонтанной речи гласные фонемы немецкого языка характеризуются большей вариативностью, чем при подготовленной речи, например при чтении. Исследование, проведенное авторами статьи, вносит вклад в немецкую диалектологию, обогащая как теорию и типологию островных, сохраняющих архаические черты диалектов, так и теорию и практику научно обоснованной языковой политики и сохранения языка. Результаты исследования могут быть интересны ученым, занимающимся изучением фонетического аспекта немецких островных диалектов.

В рубрике, посвященной проблемам культурологии, рассматривается специфика рецепции революционной эпохи в отечественном кинематографе в контексте эволюции коллективной идентичности, а также весьма интересный культурологический феномен – организационная культура. Читателю будет интересно ознакомиться с выводами доктора философских наук Н. А. Хренова, который в статье, посвященной роли российского кино на рубеже XX–XXI вв., приходит к выводу о том, что сакрализация революции в раннем советском кинематографе определяла отношения между кино и массовой публикой, транслируя в экранных формах иллюзию целого народа о своем историческом призвании и понимании мировой истории.

Слабая изученность культурно-исторических составляющих организационной культуры в России актуализирует исследования в определении связей между «организационной культурой», «корпоративной культурой» и «производственной культурой». Этой теме посвящена статья М. А. Макаркиной «Организационная культура как объект культурологического исследования». Автор приходит к выводу о необходимости более глубокого и подробного анализа культурно-исторических составляющих организационной культуры в России.

С этого номера в журнале вводится рубрика «Рецензии и научная жизнь», в которой будут представлены отзывы на научные работы в области гуманитарных наук, вызвавшие интерес у исследователей. В разделе представлены рецензии на вышедшую в 2018 г. книгу В. А. Коршунова «Греколатиника: отражение классики», подготовленная доктором филологических наук В. А. Поздеевым, и рецензия на коллективную монографию Института российской истории РАН, изданную к 100-летию российской революции, «Российская революция 1917 года: власть общество, культура», подготовленная кандидатом исторических наук А. С. Поздняковой.

Cultural contours of images of the future and humanitarian knowledge

V. T. Yungblud

Doctor of historical sciences, President of VyatSU,
editor-in-chief of the journal "Herald of humanitarian education".
ORCID: 0000-0002-2706-3904. E-mail: valerteod@gmail.com

Abstract: the pace of development of the modern world has no analogues in history. Economic, scientific and technological globalization has in fact spread to all corners of the world. Modern research trends that determine the direction and speed of development of the world, offer today to begin to form adequate images of the future. This task should be solved by developing and implementing a new educational paradigm aimed at creating a set of competencies necessary for a new round of civilization development. This paradigm should provide for equipping the younger generation with socio-cultural skills and humanistic values that should protect humanity from man-made threats and dehumanization, which are accompanied by a new technological wave. In such circumstances, the role of humanitarian education which has to solve the dual problem - to provide a person with a comfortable living environment in the world of future new technologies on the one hand, and to protect from destruction the traditional values and ways of life, which are increasingly aggressively affected by political globalization, on the other hand.

Keywords: skills of the future, the fourth industrial revolution, culture, history, humanitarian knowledge, new paradigm of education, humanistic values, dehumanization.

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 274.5(470.53)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.002

Лютеране Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: социально-демографические характеристики общины

А. А. Машковцев

доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-8135-4043.
E-mail: wikma116@rambler.ru

Аннотация: в имперский период Уральский регион отличался сложным религиозным составом населения. Наряду с православным большинством здесь проживало значительное количество мусульман, старообрядцев, духовных христиан, а также приверженцев языческих верований. История крупнейших конфессиональных групп края достаточно хорошо изучена, чего нельзя сказать о некоторых религиозных меньшинствах, в частности лютеранах. Несколько небольших исследований, посвященных данной деноминации, не позволяют воссоздать все аспекты функционирования Евангелическо-лютеранской церкви на Урале. Так, чрезвычайно слабо изучено социально-демографическое развитие лютеранской общины в Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в., что делает данное исследование актуальным и значимым. Сопоставление демографических характеристик (сословное происхождение, образование, профессиональная занятость и пр.) немцев-лютеран и православного большинства позволяет получить ценный материал для объяснения чрезвычайно важной роли первых в экономическом развитии Урала, несмотря на их крайне незначительный удельный вес в общей численности населения региона. Изучение истории этноконфессиональных меньшинств имеет несомненную практическую значимость, поскольку помогает выстраивать сбалансированную национальную политику на современном этапе.

Ключевые слова: Пермская губерния, Евангелическо-лютеранская церковь, немцы, социальная демография, региональные органы власти.

Урал, с момента вхождения в состав Российского государства, всегда отличался сложным этноконфессиональным составом населения. Несмотря на численное доминирование русского этноса, здесь существенно были представлены тюркские народы (татары и башкиры), а также финно-угры (удмурты, коми-пермяки и пр.). Столь же мозаичной была и религиозная карта региона: наряду с адептами Православной церкви на ней были представлены в значительном количестве мусульмане, старообрядцы различных толков и согласий, духовные христиане (хлысты, молокане, скопцы).

С началом реформ Петра I усилился приток на Урале западных христиан – католиков и протестантов различных деноминаций. В основном это были инженерно-технические кадры, сыгравшие заметную роль в становлении и развитии уральской промышленности. Уточнение характеристик сообщества пермских лютеран представляется необходимым не только для воссоздания максимально полной картины развертывания социально-демографических процессов на Урале в конце XIX – начале XX в., но и для углубления представлений об особенностях социально-экономической истории этого региона. Кроме того, это важно для более глубокого анализа процессов межкультурного диалога, которые по сей день вызывают пристальный интерес у российских и западных исследователей [11, с. 29].

К концу правления Николая I количество лютеран в Пермской губернии было относительно небольшим – 133 чел. (1852 г.) [4, с. 186]. Однако с середины 1850-х гг. происходит

стремительное увеличение их численности. Толчком послужила Крымская война, сопровождавшаяся ростом промышленного производства на Урале. В дальнейшем активному развитию уральской индустрии способствовали масштабные реформы Александра II, вызванные необходимостью глубокой модернизации страны. Промышленным предприятиям, создаваемым в крае или обновлявшим свое производство, необходимы были подготовленные кадры, в первую очередь инженеры и техники высокой квалификации. Данная проблема решалась отчасти за счет приглашения иностранных специалистов, но в основном благодаря переезду на Урал инженерно-технических кадров из центральной и западной частей Европейской России. Среди них было немало немцев-лютеран.

В течение 10 лет (с 1852 по 1862 г.) численность лютеран в Пермской губернии выросла с 133 до 291 чел. [8, с. 111], то есть более чем в два раза. В последующие 15 лет темпы прироста пермских лютеран лишь продолжали возрастать. За это время их количество увеличилось на 346 чел. (в 2,2 раза), достигнув в 1887 г. 637 чел. [9, с. 40].

Наиболее серьезный количественный рост лютеран наблюдался в самом губернском центре и в Екатеринбурге, где располагались значительные промышленные объекты. Именно здесь к 60-м гг. XIX в. сформировались две крупнейшие лютеранские общины края, имевшие собственные храмы: в 1864 г. в Перми возвели кирху св. Марии, а в 1873 г. в Екатеринбурге закончили возведение церкви св. Петра [7, с. 186].

В последующие годы темпы прироста лютеран в Пермской губернии несколько сократились. С 1887 по 1905 г. их количество возросло в 1,7 раза, достигнув 1099 чел. [2, с. 92–93] Тем не менее в Пермской губернии сохранилась устойчивая тенденция к увеличению их численности, тогда как в соседних Казанской и Вятской губерниях с конца XIX в. наблюдался процесс сокращения количества лютеран.

Состав общин пермских лютеран с точки зрения количественного соотношения мужчин и женщин во второй половине XIX – начале XX в. был достаточно стабильным.

Таблица 1

**Состав лютеранской общины
Пермской губернии во второй половине XIX – начале XX в. по признакам пола**
[8, с. 111; 9, с. 40; 2, с. 92–93]

Годы	Мужчины (чел.)	Женщины (чел.)	Соотношение мужского и женского населения (в %)
1862 г.	159	132	55/45
1887 г.	328	309	52/48
1905 г.	592	507	54/46

В течение всего рассматриваемого хронологического периода сохранялся небольшой дисбаланс в пользу мужчин. В этом отношении Пермская губерния была схожа с Казанской, где число лютеран-мужчин всегда превышало количество лютеранок. Но если в Казанской губернии на протяжении всей второй половины XIX в. доля мужчин в общей численности лютеран оставалась на одном, достаточно высоком, уровне – 59%, то в Пермской губернии в 1862 г. она составляла 55%, а к концу XIX в. снизилась до 52%. Однако в начале XX в. демографические тенденции в двух губерниях изменились: в Казанской губернии доля мужчин-лютеран несколько снизилась (до 57% в 1910 г.), а в Пермской, напротив, стала расти, достигнув к 1905 г. 54%. В Вятской же губернии еще на рубеже XIX–XX вв. количество женщин-лютеранок превысило число мужчин, а к 1910 г. вятские лютеранки составляли уже 54% от общего числа адептов данной конфессии.

Половой дисбаланс внутри лютеранской общины Пермской губернии существовал не везде. Особенно он был заметен в крупнейшем центре проживания уральских лютеран – в Екатеринбургском уезде. Так, в 1862 г. здесь на 78 лютеран-мужчин приходилось 61 лютеранка (56% на 44%) [8, с. 110], в 1895 г. на 271 лютеранина приходилось 230 лютеранок (54/46) [1, с. 10–11]. Во втором по численности центре размещения лютеран – Пермском уезде – разницы в численности мужчин и женщин лютеранского вероисповедания либо не было, либо она была крайне незначительной. К примеру, в 1862 г. в Пермском уезде проживало 17 мужчин-лютеран и 17 женщин-лютеранок (50/50) [8, с. 102].

Возрастной состав лютеран Пермской губернии во многом схож с аналогичными показателями у других западных христиан, в частности у католиков.

Таблица 2

**Возрастной состав лютеранской общины Пермской губернии
(на 1897 г.) [10, с. V]**

Возраст (лет)	Пол	
	Мужчины (%)	Женщины (%)
0–9	13,7	16,2
10–19	11,7	12,8
20–29	16,2	23,0
30–39	21,1	17,2
40–49	19,4	12,0
50–59	10,3	10,5
60 и более	7,6	8,3

Главное сходство пермских католиков и протестантов заключалось в том, что у тех и других представители младших возрастных групп занимали относительно небольшой удельный вес в общем составе общин. К примеру, мальчиков-лютеран в возрасте от рождения до 10 лет насчитывалось всего 13,7%, мальчиков-католиков того же возраста – 11,6%. Для сравнения, у православных (составлявших большинство населения губернии) показатель по данной возрастной группе составлял 26,4%, у старообрядцев – 26,7%, у мусульман – 26,4%. Схожая ситуация была и по юношам от 10 до 20 лет. У пермских лютеран удельный вес представителей данной возрастной категории не превышал 11,7%, у католиков – 9,1%, в то время как у православных – 20,5%, старообрядцев – 20,9%, а у мусульман – 21,6% [10, с. V].

У пермских лютеран, так же как и у католиков, наиболее весомый удельный вес составляли мужчины средних возрастных групп (20–29 и 30–39 лет). В совокупности мужчины-лютеране данного возраста составляли 37,3%, а католики – почти половину (49,4%) от общего числа представителей указанных конфессий мужского пола. У православных мужчин 20–39 лет этот показатель составлял лишь 27,7%.

Что касается женщин лютеранского вероисповедания, то относительное большинство составляли женщины 20–29 лет – 23,0%. У православных женщин доля представительниц этой возрастной группы не превышала 16,1%. На втором месте среди пермских лютеранок были женщины 30–39 лет – 17,2% (у православных – 12,7%). Удельный вес представительниц младших возрастов был выше, чем у лютеран мужского пола (от рождения до 20 лет – 16,2% у девочек, 13,7% – у мальчиков), но ниже, чем у православных (25,3%).

В целом, среди пермских лютеран преобладали лица средних возрастных категорий, а удельный вес детей и подростков был существенно ниже общегубернских показателей. В этом отношении пермские лютеране мало отличались от своих единоверцев из других губерний Среднего Поволжья и Приуралья.

Большинство пермских лютеран являлись немцами по языковой принадлежности. Согласно подсчетам О. В. Курило, в конце XIX в. 70% пермских лютеран были немецкоязычными [6, с. 83]. Однако данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. свидетельствуют о том, что эта цифра превышала 83% [10, с. VI].

Социальный статус пермских немцев был достаточно высоким. В 1897 г. в губернии проживали 947 немцев, из них 90 чел. (9,5%) по происхождению являлись потомственными дворянами, а 162 чел. (17,1%) – личными дворянами и чиновниками (а также членами их семей). 59 пермских немцев (6,2%) относились к потомственным и личным почетным гражданам. В совокупности к трем названным привилегированным сословиям относилось 32,8% пермских немцев, то есть примерно 1/3 часть от их общей численности. По данному показателю немцы уступали пермским полякам (53,5%), но значительно превосходили русское большинство края.

Кроме того, пермские лютеране, как и их единоверцы из других губерний Среднего Поволжья и Приуралья, отличались чрезвычайно высоким образовательным уровнем.

Таблица 3

**Уровень грамотности представителей различных конфессий
Пермской губернии в конце XIX в. [10, с. IX]**

Вероисповедание	Пол	
	Мужчины (%)	Женщины (%)
Православные	29,2	10,7
Мусульмане	22,2	15,8
Старообрядцы	21,8	8,3
Католики	77,4	72,1
Лютеране	87,2	85,6

Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. свидетельствуют о том, что 87,2% пермских лютеран мужского пола были грамотными. По этому показателю лютеране занимали лидирующие позиции в губернии, значительно превосходя другие конфессии: православных мужчин (29,2%) – почти в три раза, мусульман (22,2%) и старообрядцев (21,8%) – в четыре раза. Близкий к лютеранам процент грамотных имели лишь католики (77,4%).

Еще более серьезный разрыв в уровне грамотности существовал между женщинами различных вероисповеданий. Пермские лютеранки также занимали лидирующие позиции в губернии – 85,6% из них умели читать и писать. Женщины других конфессий многократно уступали лютеранкам: православные (10,7%) – в 8 раз, мусульманки (15,8%) – в 5,4 раза, старообрядки (8,3%) – в 10,3 раза.

Уровень грамотности пермских лютеран, в целом, соответствовал средним показателям представителей данной конфессии в Волго-Уралье. У пермских мужчин-лютеран он был выше (87,2%), чем у адептов данной религиозной организации в Вятской губернии (83,6%), но ниже, чем у казанских лютеран мужского пола (89,9%). Схожая ситуация была и с пермскими лютеранками: они были лучше образованы (85,6%), чем их казанские единоверцы (84,1%), но уступали по этому показателю вятским женщинам лютеранского вероисповедания (86,9%).

Высокий уровень образования выступал в роли важного социального лифта, позволявшего пермским немцам-лютеранам добиваться значительных карьерных успехов. Согласно переписи 1897 г. в Пермской губернии насчитывалось 947 немцев, из которых 519 чел. (54,8%) относились к категории «самостоятельные», а оставшиеся 428 чел. (45,2%) – к членам их семей (дети, женщины-домохозяйки, престарелые и пр.) [10, с. 184–185].

По профессиональной принадлежности пермские немцы распределялись следующим образом. Из 519 «самостоятельных» немцев 63 чел. (12,1%) занимались «частной деятельностью и службой», 55 чел. (10,6%) жили за счет доходов с капитала и недвижимого имущества, 41 чел. (7,9%) занимались образовательной и воспитательной деятельностью, 34 чел. (6,5%) трудились в области медицины, 30 чел. (5,8%) работали в металлургии, а 22 чел. (4,2%) составляли представители местных административно-полицейских органов. Еще по 20 чел. занимались добычей руды, а также переработкой растительных и животных продуктов, 19 немцев работали на железных дорогах губернии, по 10 чел. были задействованы в химической промышленности, а также в производстве алкогольной продукции (в первую очередь, пива). Земледелием были заняты всего 11 трудоспособных немцев.

В отличие от пермских поляков, немцы были относительно слабо представлены в местной администрации и правоохранительных органах. Однако их присутствие в промышленности (особенно в металлургии и добыче полезных ископаемых) Урала было более чем ощутимо. Достаточно назвать лишь горного начальника Пермских заводов Ф. И. Фелькнера, открывшего огромное Кушайское месторождение серного и медного колчедана, ставшее основой для всей химической промышленности Урала [5, с. 9]. Среди других известных пермских немцев следует упомянуть губернатора Бернгарда Струве, статского советника Адольфа Фолькмана, начальника службы движения Пермской железной дороги Августа Дикхофа, председателя Пермской палаты уголовного суда, статского советника Владимира фон Галлера, владельца крупной типографии Рудольфа фон Кольбаха и др. [3, с. 20]

Пермские лютеране, как и их единоверцы из соседних губерний Среднего Поволжья и Приуралья, являлись преимущественно горожанами.

Таблица 4

**Численность городского и сельского населения
в составе пермской лютеранской общины
во второй половине XIX – начале XX в. [8, с. 111; 9, с. 40; 2, с. 92–93]**

Годы	Численность городского населения (чел.)	Численность сельского населения (чел.)	Соотношение численности городского и сельского населения (в %)
1862 г.	153	138	53/47
1887 г.	476	161	75/25
1905 г.	699	400	64/36

По количеству городского населения пермские лютеране занимали промежуточное положение между Вятской и Казанской губерниями. В Пермской губернии число горожан в общем составе общины варьировалось от 53% (1862 г.) до 75% (1887 г.), что было больше, чем в Вятской губернии, где этот показатель колебался от 34% (1865 г.) до 69% (1913 г.), но существенно меньше, чем в Казанской, где в рассматриваемый период доля лютеран-горожан никогда не опускалась ниже 88% (1897 г.).

В Пермской губернии существовала серьезная диспропорция в размещении лютеран по уездам. На протяжении всей второй половины XIX – начала XX в. лидирующие позиции по количеству представителей данной конфессии занимал Екатеринбургский уезд, где располагались крупные уральские заводы.

Таблица 5

**Распределение лютеран по уездам Пермской губернии
во второй половине XIX – начале XX в.
[8, с. 111; 1, с. 10–11; 2, с. 92–93]**

Уезды	Численность католиков (чел.)		
	1862 г.	1895 г.	1905 г.
Пермский	34	189	334
Верхотурский	64	40	113
Екатеринбургский	139	501	408
Ирбитский	–	–	53
Камышловский	–	9	35
Красноуфимский	2	12	28
Кунгурский	5	–	21
Осинский	5	1	19
Оханский	16	3	15
Соликамский	8	9	49
Чердынский	7	–	4
Шадринский	11	12	20
ИТОГО:	291	776	1 099

В 1862 г. из 291 лютеранина Пермской губернии 139 чел. (47,8%) проживали в Екатеринбургском уезде [8, с. 109–110]. К концу XIX в. численность лютеран в Екатеринбургском уезде выросла до 501 чел., а их доля в общей численности приверженцев данной конфессии в губернии увеличилась до 64,6% [1, с. 10–11]. Однако уже к началу Первой русской революции численность лютеран в Екатеринбургском уезде сократилась почти на 100 чел., составив в 1905 г. 408 чел. [2, с. 92–93] Их доля в общей численности лютеран Пермской губернии упала до 37,1%, что являлось самым низким показателем за весь рассматриваемый период. Столь заметное сокращение екатеринбургских лютеран объясняется последствиями экономического кризиса и последовавшей за ней депрессии, негативно отразившихся на состоянии уральской индустрии. Это привело к оттоку из региона части инженерно-технических кадров, среди которых были и немцы-лютеране.

Вторым центром размещения лютеран был Пермский уезд, в первую очередь, сам губернский центр. В 1862 г. здесь насчитывалось всего 34 лютеранина, что составляло лишь

11,7% от их общей численности в губернии [8, с. 102]. По этому показателю Пермский уезд уступал не только Екатеринбургскому уезду, но и Верхотурскому. К концу XIX в. численность пермских лютеран выросла как в абсолютных показателях, так и в процентах. В 1895 г. здесь проживали 189 лютеран, что составляло 24,3% от их общего числа в губернии [1, с. 10–11]. К началу Первой русской революции численность верующих данной конфессии в Пермском уезде выросла до 334 чел., а их доля в общей численности лютеран края – до 30,4% [2, с. 92].

Достаточно много протестантов проживало в Верхотурском уезде. Количество лютеран здесь в течение рассматриваемого периода выросло с 64 чел. (1862 г.) до 113 чел. (1905 г.). В остальных уездах Пермской губернии их число было относительно небольшим.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. лютеране Пермской губернии представляли собой относительно небольшую, но достаточно влиятельную религиозную общину. Ее этническое ядро составляли немцы, игравшие важную роль в экономике Урала, в первую очередь в горнорудной промышленности. Благодаря существенному вкладу в социально-экономическое развитие региона местные немцы-лютеране на протяжении всего рассматриваемого периода не испытывали никаких дискриминационных ограничений со стороны местной администрации.

Список литературы

1. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1896 г. / под ред. Р. Попова. Пермь : Тип. Перм. губ. стат. комитета, 1895. 252 с.
2. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1905 г. / под ред. Р. Попова. Пермь : Тип. Перм. губ. правления, 1905. 380 с.
3. Вайман Д. И., Черных А. В. Немцы Перми: история и культура. СПб. : Изд-во «Маматов», 2015. 64 с.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV Пермская губерния / сост. штабс-капитан Макшеев. СПб. : Тип. Департ. Генер. Штаба, 1852. 212 с.
5. Замечательные немцы Прикамья. Краткий биографический сборник о некоторых представителях российских немцев Прикамья / сост. В. Ф. Гладышев, Т. А. Дорош. Пермь : Изд. дом «Типография купца Тарасова», 2014. 212 с.
6. Курило О. В. Лютеране в России (XVI–XX вв.). М. : Просветительский фонд «Лютеранское культурное наследие», 2002. 400 с.
7. Немцы в России: историко-документальное издание / отв. ред. Г. И. Смагина. СПб. : Лики России, 2004. 256 с.
8. Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. Пермь : Губернская тип., 1862. 402 с.
9. Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1888 г. / сост. А. И. Прозоровский. Пермь : Тип. Перм. губ. правления, 1887. 431 с.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXXI. Пермская губерния / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб. : Тип. Центр. стат. ком. МВД, 1904. 322 с.
11. Печатнов В. В. Традиционные ценности и проблемы межкультурного диалога // 25 лет внешней политике России : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.) : в 5 т. Т. 5: Социально-гуманитарные аспекты международных отношений. М. : МГИМО-Университет, 2017. С. 29–41.

Lutherans of Perm province in the second half of the XIX – early XX: socio-demographic characteristics of the community

A. A. Mashkovtsev

Doctor of historical sciences, professor of the Department of history and political sciences,
Vyatka State University, Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-8135-4043. E-mail: wikma116@rambler.ru

Abstract: in the imperial period, the Urals region was characterized by a complex religious composition of the population. Along with the Orthodox majority, there lived a significant number of Muslims, Old Believers, spiritual Christians, as well as adherents of pagan beliefs. The history of the largest confessional groups of the region has been thoroughly studied, which can not be said about some religious minorities, in particular the Lutherans. Several small studies on this denomination do not allow us to reconstruct all aspects of the functioning of the Evangelical Lutheran Church in the Urals. Thus, the socio-demographic development of the Lutheran community in the Perm province in the second half of the 19th and the beginning of the 20th century is extremely poorly studied, which makes this research relevant and significant. Comparing a number of demographic characteristics (class origin, education, professional employment, etc.) of the Lutheran Germans and the Orthodox majority, it is possible to explain the extremely important role of the first in the economic develop-

ment of the Urals, despite their extremely small share in the total population of the region. The study of the history of ethnic and religious minorities has undoubted practical significance, since it helps to build a balanced national policy at the present stage.

Keywords: Perm province, Evangelical-Lutheran church, Germans, social demography, regional authorities.

References

1. *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoj gubernii na 1896 g.* – The address-calendar and the memorable book of the Perm province of 1896, eFile by R. Popov. Perm. Typ. of Perm. prov. stat. committee. 1895. 252 p.
2. *Adres-kalendar' i pamyatnaya knizhka Permskoj gubernii na 1905 g.* – The address-calendar and the memorable book of the Perm province of 1905, eFile by R. Popov. Perm. Typ. of Perm. prov. stat. committee. 1905. 380 p.
3. *Vajman File I, CHernyh A. V. Nemcy Permi: istoriya i kul'tura* [The Germans of Perm: history and culture]. SPb. Publishing house "Mamatov". 2015. 64 p.
4. *Voенно-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. T. XIV Permskaya guberniya* - Military statistical review of the Russian Empire. Vol. XIV. Perm province / comp. staff-captain Makshev. SPb. Typ. of Depart. of Gener. Headquarters. 1852. 212 p.
5. *Zamechatel'nye nemcy Prikam'ya. Kratkij biograficheskij sbornik o nekotoryh predstaviteleyah rossijskih nemcev Prikam'ya* – Great Germans of Prikamye. A brief biographical collection of some representatives of the Russian Germans of the Kama region / comp. V. F. Gladyshev, T. A. Dorosh. Perm. Publishing House "Tipografiya Kuptsa Tarasova". 2014. 212 p.
6. *Kurilo O. V. Lyuterane v Rossii (XVI–XX vv.)* [The Lutherans in Russia (XVI–beginning of XX centuries)]. M. Educational Foundation "Lutheran cultural heritage". 2002. 400 p.
7. *Nemcy v Rossii: istoriko-dokumental'noe izdanie* - Germans in Russia: historical and documentary edition / resp. eFile G. I. Smagin. SPb. Faces of Russia. 2004. 256 p.
8. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoj gubernii na 1888 g.* – The memorable book of the Perm province for 1863. Perm. Provincial typ. 1862. 402 p.
9. *Pamyatnaya knizhka i adres-kalendar' Permskoj gubernii na 1888 g.* – The memorable book and address – calendar of the Perm province for 1888 / comp. A. Prozorovskii. Perm. Typ. of Perm. prov. committee. 1887. 431 p.
10. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XXXI. Permskaya guberniya* - The first general census of the population of the Russian Empire, 1897 Vol. XXXI. Perm province / ed. N. Troinitskiy. SPb. Typ. of Center. stat. committee of MIA. 1904. 322 p.
11. *Pechatnov V. V. Tradicionnye cennosti i problemy mezhkul'turnogo dialoga* [Traditional values and problems of intercultural dialogue] // 25 let vneshnej politike Rossii: sbornik materialov X Konventa RAMI. T. 5: Social'no-gumanitarnye aspekty mezhdunarodnyh otnoshenij – 25 years of Russia's foreign policy: collection of materials of the X Russian Association of International Researches Convention (Moscow, December 8–9, 2016). In 5 vol. 5. Vol. 5: Social and humanitarian aspects of international relations. M. Moscow State Institute of International Relationship. 2017. Pp. 29–41.

УДК 908(28-8Вят)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.003

Женская обитель на переломе эпох: из истории Слободского Спасского девичьего монастыря (1671/72–1764 гг.)

Е. В. Кустова

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7478-4424.
E-mail: kustovael@yandex.ru

Аннотация: история русского женского монашества XVII–XVIII вв. – тема в отечественной историографии почти не изученная по причине узости источниковой базы. Статья посвящена одной из первых вятских женских обителей в г. Слободском – ее столетней истории во время сложного перехода от досинодального к синодальному периоду. Благодаря введению в научный оборот новых источников из Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Кировской области впервые комплексно освещены различные аспекты жизни обители. Обнаружена точная дата основания монастыря, которая опровергает сложившееся в историографии мнение о его создании в первой половине XVII в. Среди предпосылок его основания показана роль почитаемого образа Спаса Нерукотворного. Рассматриваются личности строителя-основателя и первых игумений монастыря. Анализируются вопросы «выживания» обители в ходе реализации Петровских реформ, влияние на ее жизнь пожаров. Поскольку монастырь был «мирским», особо отмечена роль местного сообщества в его развитии, укреплении его материального уровня в сложных исторических условиях. В то же время, отмечена положительная роль в поддержании вятских монастырей в Петровскую эпоху сибирского губернатора, личность которого в исторических исследованиях имеет преимущественно негативную оценку. Проанализирован социальный состав монашествующих, затронуты проблемы сокращения их численности и нехватки служащего духовенства. В заключение тезисно представлена судьба монастыря после секуляризации 1764 г., его закрытия и возрождения.

Ключевые слова: женское монашество, Вятская и Великопермская епархия, церковная реформа Петра I, секуляризация.

История женских средневековых монастырей в России редко привлекает внимание исследователей. Причина кроется не в только большей значимости мужских монастырей в церковной, культурной, социальной, экономической, а порой и в политической жизни регионов, но и в скудности источников, связанных с женскими обителями. Они почти не получали в пожалование или в качестве вкладов земли и иную недвижимую собственность, по этой причине крайне сложно обнаружить их упоминания в актовых материалах. Приходо-расходных книг, как правило, они не вели из-за отсутствия грамотных монахинь-казначеев. К этому можно прибавить, что далеко не все переписи XVII в. учитывали женское население. В результате возникают «белые пятна» в истории русского средневекового монашества. Создание полноценной картины формирования и развития женских монастырей досинодального периода невозможно без кропотливого изучения отдельных обителей, понимания факторов и условий их создания, особенностей их повседневной жизни. В равной степени важен анализ конкретных монастырей для понимания причин упадка монашеской жизни в XVIII в. в ходе реформ Петра I и Екатерины II, результатом которых стало закрытие большинства российских обителей.

Женское монашество развивалось в Вятском крае вслед за мужским и отчасти от него зависело [33, с. 61–75]. Если первый мужской монастырь в регионе был основан в 1580 г., то монахини здесь стали появляться не позднее начала XVII в. «Черные старицы», «черницы», «старицы»¹ встречаются в вятских дозорных и писцовых книгах первой половины столетия. В 1615 г. они проживали при приходских церквях Котельнич, Слободского, Шестакова, а также в Истобенском, Медянском, Юрьевском погостах [47, л. 313, 354, 634, 672, 716, 748 об.]; в 1629 г. – в трех уездных вятских городах (Котельнич, Орлов, Слободской) [44, л. 211, 276 об.], в

© Кустова Е. В., 2018

¹ Если в отношении «черных стариц» и «черниц» нет сомнений в том, что они являлись монахинями, то просто «старицы» могли ими не быть.

1646 г. – в Слободском, Шестакове, в Гостевском, Сырьянском и Юрьевском погостах [36, л. 332, 451, 662, 935 об., 1116–1116 об.] Обычно они жили недалеко от приходского храма, духовенству которого в той или иной степени подчинялись, получая от него пропитание. Из известных девяти вятских женских монашеских общин только две впоследствии стали монастырями – в городах Слободском и Котельниче.

Женские монастыри создавались с гораздо большими трудностями, чем мужские. После основания в 1620-е гг. ружного² Хлыновского девичьего монастыря на долгое время создание женских обителей в Вятском крае приостановилось. Следующий монастырь возник только спустя столетия в расположенном в 30 верстах от Хлынова г. Слободском.

Ранняя история Слободского Спасского девичьего монастыря практически не изучена. Пожалуй, лучшей книгой по теме стал изданный ГАСПИ КО сборник статей по истории Христорождественского монастыря в г. Слободском, который стал преемником Спасской обители [50]. Но даже в предложенных статьях история Спасского монастыря XVII – первой половины XVIII в. умещается в нескольких предложениях. Краткость сведений по истории обители была связана с тем, что «акты, хранящиеся в монастырском архиве, сгорели во время бывшего пожара в 1742 г., истребившего все здания монастыря» [25, л. 166].

Традиционно в историографии временем основания обители считается первая половина XVII в., но, как правило, без обоснований и ссылок на источники. Дореволюционные авторы – свящ. Василий Кибардин и С. М. Кедрова – относили ее основание к первой четверти XVII в. [30, с. 205; 31, с. 12]. Указанная дата была заимствована ими, возможно, из монастырских документов XIX – начала XX в., в которых не всегда достоверно отражались сведения предшествующих столетий. Так, в ведомости Слободского женского монастыря 1911 г. сообщалось, что каменная двухэтажная Спасская церковь с тремя престолами (в том числе в честь Смоленской Божией Матери и Параскевы Пятницы) была построена в первой четверти XVII в. [25, с. 166], хотя сохранившиеся документы Вятской духовной консистории с уверенностью позволяют датировать ее XVIII столетием.

Протоиерей Андрей Замятин считал временем создания монастыря вторую половину столетия [28]. Что же касается современных исследователей, то Л. Б. Безверхова [2, с. 7] и диакон Дмитрий Чураков [51, с. 81–82] полагают, что монастырь появился в 1630-е гг. Чураков опирается, в частности, на Сказание о Спасском «Нерукотворенном» образе в г. Хлынове, в котором содержатся сведения об исцелении монахинь Слободской обители. Так, 8 января 1646 г. исцелила сухую руку после молитвы к чудотворному образу Спасителя инокия Слободского монастыря Евдокия Костяева. Также речь шла о Капитолине Чигилевой, которую родные привезли в Слободской Спасский монастырь для пострижения. По словам Сказания, она страдала водянкой и получила исцеление в Хлынове в сентябре 1648 г. [32, с. 10–11, 18–19] Судя по этим данным, монастырь в Слободском существовал уже в 1646–1648 гг. Чтимую же икону Спаса – список с чтимого образа Спаса «за золотой решеткой», по предположению Чуракова, мог пожаловать царь Михаил Федорович в 1630-е гг. Более же точную дату определить, как полагает автор, нельзя, поскольку архив монастыря сгорел в пожаре.

Тем не менее сохранившиеся источники позволяют не только проследить процесс рождения монастыря, но и установить точную дату его создания. Основными источниками здесь выступают дозорные, писцовые и переписные книги, описи и актовые материалы.

Наиболее ранним документом, который говорит о наличии в Слободском некой старицы, возможно, монахини, является Дозорная книга г. Слободского 1615 г. К тому времени самой старицы Ирины уже не было, в городе пустовала ее келья. В 1629 г. в Слободском указывалось, что у городских храмов в кельях живут, помимо нищих, три черницы – Пелагея, Киликия Ковригина и Олена, которые питались «от церкви Божией» [27, с. 478–479; 49, с. 4].

Отсутствие монастыря приводило к появлению практики пострижения женщин в мужском монастыре. При этом пребывали они, вероятно, у себя дома, но получали обеспечение от мужской обители. По крайней мере, известно об одном подобном случае. В августе 1637 г. Василий Юмин вложил в Слободской Богоявленский монастырь часть пожни стоимостью в 6 руб. при условии, что настоятель его жену Пелагею пострижет в монашество и в великую схиму. А в случае ее смерти за монастырский счет ее похоронят и запишут о ее поминовении в синодик [1, с. 19].

Важной представляется писцовая книга 1646 г. Переписчик обнаружил «внутри города» «12 келей, а в них живут черные старицы нищие, питаютца христовым именем, бродят по миру»

² Т. е. получающего от казны ругу – определенное царем жалование.

[36, л. 662]. Важно отметить, что женской обители в указанном году еще не существовало. Откуда же могли появиться сведения о монастыре в «Сказании» о Хлыновском Спасском образе? Диякон М. Кудрявцев в 1886 г. опубликовал рукопись «Сказания» из библиотеки Новоспасского монастыря г. Москвы, где хранился известный вятский образ. Рукопись была прислана в 1828 г. вятским епископом Кириллом, бывшим архимандритом Новоспасского монастыря. Прибыв на Вятку в 1827 г., он посчитал своим долгом собрать сведения о Хлыновском образе Спаса Нерукотворного. Духовенство или вятский епископ, переписывая записи XVII в. об исцелениях по молитвам к иконе, которые хранились в Вятском кафедральном соборе, по-видимому, внесли в них уточнения, что монахини из г. Слободского были из Спасского монастыря.

Когда же был основан женский монастырь в Слободском? Впервые его описание встречается в переписной книге 1678 г.: «Монастырь вново девичь, а в монастыре церковь во имя Святова образа нерукотвореннаго» [45, л. 7–7 об.]. Обращает на себя внимание, что монастырь указан «вново» – т. е. как появившийся недавно.

Окончательно помогают утвердиться в том, что монастырь был основан в 1670-х гг., сведения, обнаруженные автором в Российском государственном архиве древних актов. В описи Вятского архиерейского дома начала XVIII в. приведен список хранившихся там грамот. В числе прочих была патриаршая грамота 7180 (1671/72) года «о строении в Слободском городе девича монастыря и о поставлении в нем чудотворного Спасова образа» [37, л. 20 об.].

Грамота говорит не только о времени создания монастыря, но и о связи его с почитаемым образом. Вероятно, речь идет об иконе Спаса Нерукотворного, описание которой сохранилось в документах XIX в. Судя по монастырским описям этого времени, на иконе «...вверху на ризе... два ангела, на коих два маленькие венчика серебряные золоченые... мерою в длину 1 аршин, 2 вершка и в ширину 13 вершков» (80*57,8 см). По словам свящ. Василия Кибардина, образ пользовался «особенным благоговейным почитанием» в монастыре. Это был «точный снимок и одинаковой меры с древней чудотворной иконы, находящейся в Москве у Спаса за золотой решеткой. На ней серебропозлащенная риза, украшенная бирюзой и другими камнями» [31, с. 9]. «Спас за золотой решеткой» был привезен в Москву из Рима в 1472 г. византийской царевной Софьей Палеолог. Образ почитался чудотворным. В 1635–1636 гг. царь Михаил Федорович построил в Кремле Верхоспасскую домовую церковь, в иконостасе которой была установлена икона Спаса. После 1670 г. площадка между царскими теремными покоем и храмом стала закрываться медной позолоченной решеткой, отчего образ получил название «за Золотой решеткой» [35, с. 39–40]. Можно предположить, что список с этой иконы был отправлен царем в г. Слободской – но для новой ли вятской обители или нет – вопрос остается открытым.

Документы позволяют говорить также и об основателе женской обители. В 1686 г. келарь Хлыновского Успенского Трифонова монастыря Ильи (Семакин)³ приобрел у слободского священника Якова Поторочинова огород, расположенный около монастыря, «под келейное строение игумении с сестрами» [42, л. 427об. – 428 об.]. Источник называет келаря «бывшим строителем» Слободского женского монастыря. Обычно в источниках XVI–XVII вв. так называли настоятелей, которые не были игуменами или архимандритами. Случаи управления женских обителей настоятелями мужских известны, когда речь шла о «приписных», зависимых монастырях. В очень редких случаях строителями могли называться и те, кто «устраивал», «строил» монастырь. В любом случае связь Ильи (Семакина) с основанием женской обители в Слободском несомненна.

Сведения о монастырском храме отрывочны. Переписные книги 1678 и 1710 гг. указывают церковь во имя «Нерукотворенного образа Спаса» [45, л. 7; 48, л. 260 об.]. По-видимому, храм первоначально был деревянным. В. В. Зверинский упоминает о сгоревших в 1681 г. кельях монастыря. Пострадал ли при этом храм – неизвестно [29, с. 293].

По мнению известного вятского архивиста начала XX в. В. Шабалина, при создании обители деревянная Преображенская церковь в Слободском была обращена в монастырскую – и по ее названию монастырь стал именоваться Спасским (Преображенским) [26, л. 13]. Однако подобное мнение ошибочно. Во-первых, монастырь именовался Спасским не в честь Преображения Господня, а в честь образа Спаса Нерукотворного. Кроме того, перепись 1678 г. одновременно указывает и на Спасский, и на Преображенский храмы.

Каменный храм появляется в обители во время действия известного петровского указа, запрещавшего каменное строительство в провинции, дабы в кратчайшие сроки возвести но-

³ Подробнее о нем см.: [34, с. 62–67].

вую столицу. В 1723 г. преосв. Алексей благословил в Спасском девичьем монастыре построить каменную церковь «о два партамента» (этажа). В 1725 г. в ней был освящен придел в «верхнем партаменте» во имя Тихвинской Божией Матери [22, л. 79]. По ведомостям 1727 г., Слободской Спасский монастырь имел две церкви: каменную с трапезной и деревянную, – а также деревянные «колокольницу», ограду, кельи и хозяйственные постройки [3].

В июле 1740 г. Спасского девичьего монастыря поп Моисей с церковным старостой Фомой Поповым и «приходскими людьми» сообщали, что «в нижнем партаменте церковь теплая вместо ветхой деревянной теплой же по желанию их построена и к освящению готова». Поэтому просили ее освятить во имя Смоленского образа Богородицы и для совершения богослужений дать антиминос. Церковь освящал по архиерейскому благословию архимандрит Слободского Богоявленского монастыря Герасим [22, л. 90].

В 1727 г. сообщалось, что служба «бывает повсядневная одна» [38, л. 1631–1631 об.]. В монастырском храме женской обители, по церковной традиции, служило белое духовенство. В 1678 г. это был поп «Савин Лусников», дьячок «Фетка Кирилов сын Винокуров» и пономарь «Фетка Алексеев сын Бородин» [45, л. 7–7 об.].

К 1710 г. церковный причт расширился. При храме упоминаются со своими семействами «поп Тимофей Яковлев сын Поторочинов», отец которого в свое время продал землю келарю Илье для построения келий для женской обители, «дьякон Дмитрий Савин сын Лучников», вероятно, сын священника, упомянутого в переписи 1678 г., дьячок «Карп Дмитриев сын Шаньгин», пономарь «Артемей Григорьев сын Юмин» и «сторож Карп Игнатьев сын Вахрушин», каждый из которых жил в собственном доме [48, л. 260 об.].

Спустя 17 лет священнослужители в монастыре сменились («поп Исая Потутов, дьякон Федор Пупышев»), но причт оставался прежним («дьячек Карп Шангин, пономарь Артемий Юмин») [38, л. 1631–1631 об.]. Светских служителей при монастыре не имелось [3].

При этом духовниками обители, по-видимому, являлись иеромонахи Слободского Богоявленского монастыря. Так, в ведомости 1735 г. «иеромонах Митрофан вместо дочерей своих духовных игумении Пелагии с сестрами по их прошению руку приложил» [20, л. 99].

Сведения о сестрах обители досинодального времени почти не сохранились. Редкие имена монахинь рубежа XVII–XVIII вв. встречаются в приходной книге Слободского мужского монастыря. В синодик записали об упокоении старицы Анны (Невеницыной), а также родных и близких старицы Веры и игумении Анны. В тех же книгах упоминается старица Ираида, которая пекла просфоры для обеих монастырей г. Слободского – и женского, и мужского [40, л. 105 об., 155, 191, 218 об., 235; 41, л. 8 об.].

Численность обители почти не менялась. Если в 1724 г. в монастыре было 20 стариц, в 1735 г. – 21 монахиня. Сословный состав тоже был достаточно стабильным: треть выходцев – из посадских, и две трети – из крестьян (6 и 14 в 1724 г., 7 и 14 в 1735 г.). Единственное видимое изменение, о котором свидетельствуют монастырские ведомости, – «старение» сестер в послепетровское время. Если в 1724 г. в возрасте от 30 до 59 лет было 14 монахинь, 60 и старше – 6, то к 1735 г. пропорция принципиально изменилась: 7 и 14 стариц соответственно [18, л. 73–75 об.; 20, л. 96–99]. Из последних многие не могли себя обеспечивать по причине как старости, так и болезней. Например, о монахине Пелагее (Скрябиной) сообщалось: «...рукоделия никакого не имеет того ради, что от рождения своего правой руки не имеет» (1724) [18, л. 75].

Преимущественно пожилой возраст монахинь наряду с отсутствием земель и мастерских создавал серьезные трудности для обеспечения сестер. Слободской монастырь, как и большинство остальных женских обителей этого времени, был вынужден выживать за счет пожертвований, о чем свидетельствует «Перечневая выписка из приходных и расходных денежных и хлебных книг» Вятской епархии 1703 г. Игуменья Анна и казначея старица Екатерина сообщали, что «приходных и расходных книг не бывает и никаких вотчин и угодей и крестьян и бобылей и заградных жителей нет, питаемся мы игуменья с сестрами... милостынею, а на церковную утварь на свечи, и на ладан, и на церковное вино собираем от подаяния православных христиан» [39, л. 23 об.].

На несколько лет положение улучшилось благодаря новому сибирскому губернатору князю М. П. Гагарину (1711–1719). 19 ноября 1711 г. он «приказал на Вятке в Слобоцком городе Новодевичья Спасского монастыря его царьского величества богомолицам монахиням игуменье с сестрами выдать великого Государя жалования ис таможенных и кабацких сборов по десять рублей на год повсягодно» [43, л. 49]. Ружное жалование по его указанию стали по-

лучать еще несколько вятских монастырей, обратившихся к губернатору с просьбой о помощи. Однако спустя несколько лет вспоможение от казны прекратилось вместе с громкой отставкой Гагарина и его казнью.

После этого положение для слободской обители стало критическим. По петровским указам бродяжничество и попрошайничество строго наказывались, поэтому просить милостыню монахиням было запрещено. В сентябре 1724 г. игуменья монастыря Пелагея сообщала, что по царскому указу велено было давать им жалование из вятских питейных сборов монахиням 20 руб., а попу с причетниками – 6 руб. в год. С учетом того что в монастыре было 20 монахинь и 5 священно-церковнослужителей, на каждого должно было приходиться примерно по рублю годового жалования. Однако, по словам игуменьи, указанного жалования они не получают, вотчинами не владеют, «и оттого де они скудны и гладны, а монахинь в том монастыре дватцать человек и со игуменью, а для прошения милостыни не токмо де им монахиням, но и нищим бельцам ходить по городом не повелено, а бельцы мужеска и женска полу определены в богадельни и даецца им жалование... а им богомолицам чем впредь и ныне питатца, о том как де его императорского величества указ повелевать будет. Того ради сие ведение предлагают, чтоб им нищим от того всем гладом не помереть» [19, л. 160]. Но некоторые старицы, не страшась наказания, продолжали просить милостыню [18, л. 74 об.]. В ведомостях 1727 г. вновь сообщалось о том, что «ныне онаго жалованья им не даецца и питаютца ныне подаением от христоролюбивых людей с великою нуждою» [3, с. 190].

Положение могло поправить присоединение по царскому указу 1725 г. к Слободскому Котельничского Введенского монастыря. Вместе с 10 монахинями в ведение слободской обители перешло 2 двора, за которыми числилось 7 крестьянских душ. На монастырской земле работали половники из половинного хлеба (половину урожая, не считая семян для посева, они отдавали монастырю). Насколько это могло обеспечить обитель? По словам игуменьи, после объединения монастырей 30 сестрам необходимо в год 90 четвертей хлеба и 90 руб. на пищу, покупку соли, прочих запасов, одежды и обуви, 28 руб. на церковные потребности, ремонт, постройки, 20 руб. и 25 четв. хлеба – священнику с причтом. Всего 138 руб. и 115 четв. хлеба. Однако деревенька с двумя дворами давала менее 18 четв. хлеба (15,5%), а иных источников доходов, помимо пожертвований, монастырь не имел [3, с. 191–193]. Более того, судя по ведомости 1735 г., объединение монастырей осталось лишь на бумаге, так как спустя 10 лет они продолжили раздельное существование [20, л. 96–99].

В это непростое время монастырем управляли две игуменьи – Анна (упом. 1703–1705) и Пелагея (ок. 1720 – после 1735). О первой сведений почти не сохранилось, кроме того, что она сообщала о бедственном положении обители [20, л. 97; 39, л. 23 об.]. Больше известно о второй благодаря ведомостям монастыря 1724 и 1735 гг. Параскева, как звали ее в миру, происходила из семьи духовного звания. Она родилась в 1650-е гг. в Вобловицком погосте (если верить ведомости 1724 г.) [18, л. 73] или в г. Слободском (в 1646 г. там проживали ее родители). Ее отец Анисим Митрофанов сын Кошурников стал священником в Вознесенской церкви Сырьянского стана (упом. 1678 г.), его брат – служил в Никольском храме того же стана (упом. 1646, 1678 гг.). Брат Параскевы Терентий был крестьянином, жил в «погосте Всесвятцком⁴ над речкою Осетровкою» [36, л. 670 об., 931; 45, л. 57, 368, 386 об., 415]. К 1678 г. она была замужем за Стефаном – сыном священника Вобловицкой Спасской церкви Димитрия Тимофеева сына Серебряникова и воспитывала годовалого сына Петра [46, л. 989]. Муж ее служил в Вобловицком погосте становым подьячим [18, л. 73].

За 20 лет она, вероятно, стала вдовой и решила уйти в монастырь. Пострижена она была ок. 1708 г. (по сведениям 1735 г.) или ок. 1713 г. (по ведомости 1724 г.) в Слободском монастыре [18, л. 73; 20, л. 96]. В противоречивых ведомостях 1735 г. она указана как игуменья при пострижении монахинь около 1715 и 1718 гг. Но в тех же ведомостях сообщалось, что она стала игуменией при вятском епископе Алексии 15 лет назад (т. е. около 1720 г., притом что Алексей был назначен на вятскую кафедру в январе 1719 г.) [20, л. 98–98 об.]. Епархиальное начальство характеризовало ее следующим образом в 1724 г.: «Дело имеет к церкви Божии подвижное, а рукоделия никакого не имеет» [18, л. 73]. Последний раз она упоминается в ведомости монастыря в июле 1735 г. [20, л. 96].

Одним из серьезных испытаний в годы ее управления обителью стали петровские указы, запрещавшие постригать в монашество всех, кроме вдового духовенства и отставных сол-

⁴ Сырьяно-Всесвятское, ныне с. Всехсвятское Белохолуницкого района.

дат. 18 мая 1735 г. из Вятской духовной консистории игуменье Пелагее с сестрами пришло указание о том, чтобы по указам 8 января 1723 г., 5 февраля 1724 г. и 1 ноября 1725 г. никого не постригать, а «шатающихся монахов» передавать в духовные приказы [21, л. 22].

Хотя петровские указы действовали уже 10 лет, реальный контроль над ними начался лишь с 1735 г. Это привело не только к волне «расстрижений», но и к постепенному «вымиранию» монастырей. К 1745 г. в женских монастырях Приуралья оставалось 95 монахинь (в 1725 г. их было 225). Что же касается Слободской Спасской обители, если в 1725–1735 гг. здесь было около 20 монахинь (без учета Котельничского монастыря), то в 1742–1745 гг. оставалось только 5 стариц [17, л. 12 об., 24 об.].

Постриги для женских монастырей были фактически запрещены и стали исключением из правил. За период с 1735 по 1764 г. известно лишь два прошения о пострижении в Слободском Спасском монастыре, хотя это не исключает существования иных единичных примеров.

В послепетровское время постриги совершали, как правило, по решению Синода. Некоторые послабления были даны указом Синода от 7 марта 1741 г., разрешившим постригать не только священно- и церковнослужителей, но и представителей податных сословий с отпускными письмами, а также разночинцев с паспортами. 12 января 1742 г. в Вятской духовной консистории рассматривалось прошение Чистянского стана крестьянина Саввы Деньгина и его жены Натальи Андреевой дочери Лесниковой о пострижении ее «за расслабленную болезнию по желанию ее, а по увольнении одного мужа ее Савы в монашеский чин, в Слободском... девичьем монастыре». Было указано ее освидетельствовать, «подлинно ли она болна и движения собою не имеет и монашеский чин воспринять желает ли, и муж ее Сава в монастырь отпускает ли, и с таким ли уговором, как он в прошении своем написал, что по жизнь ее поить, кормить и платьем одевать будет», взять с него в том письменное обязательство. В случае соблюдения всех условий разрешалось ее постричь. При этом делалась ссылка на святоотеческие правила, по которым больных жен по их желанию и при согласии мужей разрешалось постригать в монашество, но запрещалось при этом мужу, пока жена будет жива, жениться на другой [7, л. 28–28 об.].

9 ноября 1751 г. вдова слободского Николаевской церкви попа Семена Шмелева «Анна Иванова дочь» просила постричь ее «по самопроизвольному желанию, а не ис какой страсти и принуждения за старостию и дряхлостию» в Слободском Спасском девичьем монастыре. Любопытно, что при решении консистория ссылалась уже не на указ 1741 г., а на более ранние и строгие узаконения – Духовный регламент (ст. 42, где возраст для пострижения женщин был определен не менее 60 лет) и на указ от 10 июня 1734 г., по которому подтверждался петровский запрет на монашеские постриги за исключением вдового духовенства и отставных военных. За пострижение монахини в девичьих монастырях грозил штраф 500 руб. и ссылка в «тягчайшие работы». Однако, несмотря на грозные последствия, консистория дала свое разрешение с учетом того, что вдове исполнилось 73 года и она попадая, следовательно, духовного звания. Но указала постричь ее после искуса (испытательного срока), о чем игумену Слободского Богоявленского монастыря Герасиму был послан указ [11, л. 705–705 об.].

Помимо сокращения численности монастыря бедствия обрушились и на монастырские стены. Серьезным испытанием для обители стал пожар 1742 г. По описанию очевидцев, 14 мая в 10-м часу в г. Слободском сгорели деревянные церкви и колокольни, дома посадских, а на каменных храмах погорели крыши и главы. Больше всего пострадал девичий монастырь. 15 июня вятскому владыке была представлена ведомость с указанием монастырского имущества, уничтоженного огнем. Она позволяет представить не только ущерб, нанесенный обители, но и внутренний вид и жизнь монастыря до пожара.

На каменной церкви сгорели железный позолоченный крест, глава и курма⁵, обитые белым железом, 22 окна. В придельном храме, освященном в честь образа Тихвинской Божией Матери, огонь уничтожил престол, жертвенник, «одежды» на них, обитое красным сукном горнее место, резные позолоченные царские врата и иконостас, четыре образа с серебряными и позолоченными окладами – Троицы, Богоматери Владимирской, митр. Филиппа, вмч. Екатерины; 14 местных образов, писанных на красках без окладов, казенной сундук с 80 руб., три пуда воска, полпуда сканных свеч, пять больших лампад и пять меньшего размера с местными свечами, четыре лампы белого железа, два выносных подсвечника белого железа, крылосы, лавки, пол, двери, косяки, папёрть с лестницами и рундуками.

⁵ Курма – крыша храма в виде куба с четырьмя выпуклыми скатами, имеющая килевидное сечение с расширением над основанием.

Огонь не пощадил медное паникадило весом 7 пудов и два по 4 пуда каждое. В ризнице сгорело церковное облачение: шесть камчатых риз, два штофные стихаря, оплечье под золотом, восемь стихарей камчатых, шесть орарей, в том числе один золотой и пять шелковых. Монастырь лишился своей библиотеки, состоящей из 29 книг, преимущественно богослужебных (Апостол, 12 Миней месячных, две Триоди, Толковое Евангелие недельное, два Октая, Пролог годовой, два служебника, два каноника, три требника, две Псалтыри, одна со следованием, Часослов).

Во втором теплом нижнем приделе каменной церкви во имя Смоленского образа Божией Матери в алтаре сгорели престол, жертвенник, «одежды» на них, царские врата, образ Троицы с серебряным позолоченным окладом, шесть местных образов, писанных на красках без окладов, шесть медных лампад с местными свечами, семь окон, лавки, двери, косяки. Огонь уничтожил и все деревянные монастырские постройки – ветхую церковь, ограду, «колокольницу» с пятью колоколами весом 35 пудов. Не обошлось и без людских жертв: сгорели 10 деревянных келий, «а в них две монахини да три вдовы» [16, л. 3 об. – 4 об.].

Восстановлением монастыря после пожара занималась настоятельница монахиня Марина (упом. 1742–1745). В первую очередь, необходимо было разместить оставшихся без крова стариц. 24 мая 1742 г. настоятельница доносила преосвященному Вениамину, что после пожара осталось пять монахинь, «которым и жить стало негде, а за нуждою живут по мирским домам, а вновь келей ныне вскоре за скудостью построить нечем». 7 июня вятский епископ указал настоятельнице Хлыновского Преображенского монастыря монахине Ульянии принять слобожанок с условием, что те в кратчайшие сроки возведут для себя келии в Слободском [16, л. 6].

Спустя пять лет церковь восстановили. 5 июня 1747 г. Спасский монастырь просил об освящении каменной холодной церкви во имя Тихвинской Божией Матери. Во время пожара в ней иконостас, образы, престол и жертвенник сгорели «без остатку», вынесли только антиминс с престола, который хранился в том же монастыре в теплой церкви Смоленской Божией Матери. 26 октября от пребывавшего в столице владыки пришло позволение освятить храм ключарю Троицкого большого собора Дионисию [8, л. 314, 569].

Активно помогали восстанавливать монастырь слобожане, среди которых было немало богатых купцов. Так, в июне 1753 г. купец г. Слободского «Потап Семенов сын Шмелев» просил выстроить за свой счет новую каменную «колокольницу» в Спасском монастыре вместо сгоревшей в 1742 г., а под ней больничную келью [13, л. 181].

Пострадавшие храмы на протяжении нескольких лет были украшены иконами. Правда, не все новые иконы были высокого художественного уровня. В 1759 г. заказчик Слободского духовного правления протопоп Тимофей и иконописец Евсей Кузнецов сообщали в Вятскую духовную консисторию, что в холодной Спасской церкви девичьего монастыря «иконное художество» «средственно», «безразмерно», требует поправки [24, л. 5].

Духовная жизнь монастыря была тесно связана с богослужением, которое по традиции в монастырях совершалось ежедневно. Но в Спасской обители периодически возникали проблемы из-за недостатка в городе служащего духовенства. В январе 1745 г. настоятельница Марина сообщала в духовную консисторию, что в монастыре нет священника, и просила о поставлении в священники женского монастыря диаконского сына Данила Пупышева или об определении к церкви другого священника. Попытка найти «свободных» священников в приходских храмах г. Слободского успехом не увенчалась. Поэтому архиерей определил на год в женский монастырь вдового попа Афанасия Пашкина, который в Трифоновом монастыре готовился к пострижению. Это был уважаемый в городе человек: о его пострижении просили власти г. Слободского, в частности члены магистрата, а также «первенствующие граждане» [5, л. 47]. Благочестивого священника 14 июня 1748 г. определили настоятелем (без пострига!) Богословского Подгородного монастыря, где спустя полгода он принял постриг [9, л. 293, 660, 660 об.]. Женский монастырь вновь остался без священника. В те же годы умер пономарь Артемий Юмин, прослуживший в обители более 30 лет. Не стало и настоятельницы.

Отсутствие духовника и настоятельницы негативно сказалось на внутренней жизни обители. 12 августа 1748 г. заказчик духовного правления г. Слободского протоиерей Петр доносил в Вятскую духовную консисторию, что в Слободском девичьем монастыре за неимением игумении без позволения консистории церковным старостой монастыря и посадскими купцами «напущено жен, мужей имеющих... живут непостоянно, много упиваются, бранятся... и тем оному монастырю немалое приводят поречение, а монашескому чину укоризну». Сло-

бодского Богоявленского монастыря архимандриту Герасиму с протоиереем Петром было указано обстоятельно расследовать ситуацию с монастырем и принять необходимые меры [4, л. 266–266 об.].

К сожалению, нехватка белого духовенства приводила к тому, что не всегда удавалось найти достойных священно-церковнослужителей для служения в монастыре. С 1749 по 1763 г. священником в монастыре был поп Артемий Симонов [23, л. 23, 44, 98]. Если он лишь однажды был отмечен в нетрезвом состоянии (1754) [4, л. 714 об.], то диакон Гавриил Бабайлов в нем обнаруживался неоднократно, за что был наказан при собрании духовенства г. Слободского «плетьми нещадно», а о трезвой жизни был обязан подпиской [14, л. 333]. Пономарь Лука Пашкин в 1751, 1755 и 1756 гг. в «высокоотрожественные дни» не был на службе. В последнем случае было указано наказать его плетьми «нещадно» и отправить в Слободской монастырь в труды на месяц [4, л. 426, 789; 14, л. 54].

Тем не менее, несмотря на возникавшие порой проблемы, сам монастырь оставался духовным центром, куда на исправление присылали тех, кто совершил нравственные проступки. По крайней мере, известно пять подобных случаев в Слободском Спасском монастыре в 1750-е гг. Так, за блуд накладывалась епитимия – год жизни в монастыре; если речь шла о кровосмешении – от трех до пяти лет. Помимо монастырских трудов человек должен был посещать все службы, которые в монастырях обычно совершались ежедневно, исповедоваться во все большие посты – четыре раза в год, и если духовные власти допускали – то и причащаться. За серьезные проступки причащать разрешалось только при смерти или по окончании всего срока епитимии. Накладывались ограничения и на выход за монастырские стены [10, л. 714; 11, л. 357 об. – 358; 12, л. 609–610].

За «доброе поведение» или по особым личным обстоятельствам (например, из-за оставленных дома малолетних детей) срок епитимьи на несколько месяцев мог сократиться [14, л. 273]. В некоторых случаях за епитимийцев хлопотали сами монастырские власти. Так, в 1757 г. священник Артемий Симонов и настоятельница монахиня Анастасия сообщали, что крестьянская дочь Ирина Мокрецова почти пять лет провела «в тягчайших монастырских трудах... никуда не исходно». Хотя срок епитимии еще полностью не закончился, «она жития и состояния находилась доброго, и ко всякому церковному пению ходила повсягодно, и каждого года во все четыре поста на исповедь приходила». Консистория пошла на уступки и разрешила ей, если она пожелает, остаться в монастыре, а если захочет выйти замуж, то отпустить ее домой [15, л. 331–331 об.].

История Спасской обители завершилась внезапно для ее насельниц. В результате секуляризации церковных земель при Екатерине II практически все женские монастыри в крае были закрыты. В Вятской и Великопермской епархии штатным стал только Хлыновский Преображенский девичий монастырь. Остальные обители указано было упразднить, их храмы обратить в приходские, а монахинь перевести в Хлыновский и Уфимский монастыри. Пять монахинь Слободского Спасского монастыря были переведены в Уфу [23, л. 125–126]. Тем не менее история Спасской обители на этом не завершилась. Из-за крестьянской войны Пугачева в 1775 г. власти были вынуждены вернуть насельниц обратно в г. Слободской, но уже вместе с сестрами Уфимской обители. Здесь был образован Христорождественский женский монастырь, просуществовавший до 20-х гг. XX в.

Столетняя история монастыря отразила традиционный цикл развития женского монашества в регионе на стыке Средневековья и Нового времени. Если формирование обители было обусловлено преимущественно местными факторами, то ее упадок и закрытие – официальной политикой. Слободской Спасский монастырь появился на волне подъема монастырского строительства в Приуралье последней трети XVII в. Предпосылками его создания стали открытие Вятской и Великопермской епархии, живущие при приходских храмах монахини, а также почитаемый образ Спаса Нерукотворного. Сложность существования обители, вызванная отсутствием земель и иных постоянных источников дохода, обусловила ее тесную связь с «миром». Не успев достигнуть своего расцвета, в годы Петровских реформ монастырь оказался на грани закрытия вследствие запрета пострижения в монашество и политики объединения «малобратственных монастырей». Но, несмотря на резкое сокращение численности монахинь в послепетровское время, монастырь просуществовал благодаря поддержке местного сообщества вплоть до секуляризации церковных земель в 1764 г.

Список литературы

1. Акты и грамоты Богоявленского монастыря и др. // Труды Вятской ученой архивной комиссии (ТВУАК). 1915. Вып. 1. Отд. 2.
2. *Безверхова Л. Б.* Архитектурно-планировочное развитие Слободского Христорождественского женского монастыря с XVII до начала XX в. // Слободской Христорождественский женский монастырь : сб. очерков. Киров, 2011.
3. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии в первой четверти XVIII ст. (по указу Синода 1725 г.). Сообщ. В. Шабалин // ТВУАК. 1912. Вып. 1-2. Отд. 2.
4. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4.
8. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9.
9. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10.
10. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12.
11. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 13.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 14.
13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 15.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 18.
15. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 19.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 13.
17. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 42.
18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 7.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41.
21. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 5.
22. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 10.
23. ГАКО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1а.
24. ГАКО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 3.
25. ГАКО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 51.
26. ГАКО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 6.
27. Дозорная книга 1615 года Хлыновского уезда (город Слободской) // Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Киров, 2007.
28. *Замятин А. А.* Город Слободской и его святые храмы // Вятские губернские ведомости. 1895. № 48.
29. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. СПб., 1890.
30. *Кедрова С. М.* Христорождественский монастырь в городе Слободском Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 203-219.
31. *Кибардин В., свящ.* Описание Христорождественского женского монастыря, что в городе Слободском Вятской епархии. СПб., 1875.
32. *Кудрявцев М., диак.* Чудотворный Нерукотворенный образ Спасителя, что в Московском Новоспасском монастыре. М., 1886.
33. *Кустова Е. В.* Формирование женского монашества в Приуралье в XVII – первой четверти XVIII вв. // Российская история. 2016. №2. С. 61-75.
34. *Кустова Е. В.* Ревностный келарь (к биографии Ильи Семакина) // Герценка: Вятские записки. Вып. 19. Киров, 2011.
35. *Мохова Г. А.* Чудотворные иконы Нерукотворного Образа Спасителя на Вятской земле. Иконография. Формы почитания // Герценка : Вятские записки. Вып. 17. Киров, 2010.
36. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Орлов. № 1 (сообщено А. Л. Мусихиным).
37. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55.
38. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 187.
39. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 665.
40. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6347.
41. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6433.
42. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2144.
43. РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28.
44. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 90 (сообщено А. Л. Мусихиным).
45. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 339 (сообщено А. Л. Мусихиным).
46. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 521 (сообщено А. Л. Мусихиным).
47. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1029 (сообщено В. А. Любимовым).
48. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1034 (сообщено А. Л. Мусихиным).

49. Слободской город и посад по книге писма и меры Ивана Борисовича Доможирова да подъячаго Ивана Кокушкина 7137 (1629) года // ТВУАК. 1907. Вып. 1. Отд. 2.

50. Слободской Христорожественский женский монастырь : сб. очерков. Киров, 2011.

51. Чураков Д. Н., диак. К вопросу об уточнении даты основания Христорожественского женского монастыря г. Слободского // Обретение святых : сб. материалов V Межрегион. церк.-науч. конф. Киров, 2013.

Women's abode at the turn of ages: from the history of Slobodskoy Spassky convent (1671/72–1764)

E. V. Kustova

Doctor of historical sciences, associate professor of the Department of national history,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7478-4424. E-mail: kustovael@yandex.ru

Abstract: the history of Russian female monasticism XVII–XVIII centuries. – there is poorly studied in the Russian historiography theme because of the narrowness of its source base. The article is devoted to one of the first Vyatka women's monasteries in Slobodskoy – its centenary history in the difficult period of transition from the Middle ages to The new age. The author introduced into scientific use of new sources from the Russian state archive of ancient acts and the State archive of the Kirov region. As a result, for the first time, various aspects of the monastery's life were comprehensively consecrated. The author discovered the exact date of foundation of the monastery. The documents refute the traditional view of the foundation of the monastery in the first half of the XVII century. The premise of its creation was the revered icon of the Spas. The author reveals the identity of the founder builder and the first abbess of the monastery. The paper analyzes the issues of "survival" of the monastery in the implementation of Peter's reforms, the construction of churches, the impact of fires. Since the monastery was "communal", the role of the local community in the development of the monastery, maintaining its material level in difficult historical conditions was emphasized. At the same time, a positive role in maintaining the Vyatka monasteries in the first quarter of the XVIII century of the Siberian Governor Gagarin was noted. Traditionally, his personality in historical research has a negative assessment. The article analyzes the social composition of monastics, touches upon the problems of reducing their number and shortage of clerics. In conclusion, the thesis presents the fate of the monastery after the secularization of 1764, its closure and revival.

Keywords: female monasticism, Vyatskaya and Velikopermskaya diocese, church reform of Peter I, secularization.

References

1. *Akty i gramoty Bogoyavlenskogo monastyrya i dr.* – Acts and letters of the Epiphany monastery etc. // Proceedings of the Vyatka Scientific Archive Commission. 1915. Issue 1. Dep. 2.
2. *Bezverhova L. B. Arhitekturno-planirovochnoe razvitie Slobodskogo Hristorozhdestvenskogo zhenskogo monastyrya s XVII do nachala XX v.* [Architectural and planning development of the Slobodskoy Christ's Nativity convent from the XVII century until the early XX century // *Slobodskoj Hristorozhdestvenskij zhenskij monastyr'* : sb. ocherkov – Slobodskoy Christ's Nativity convent: collection of essays. Kirov. 2011.
3. *Vedomost' o Vyatskom arhierejskom dome i o monastyryah Vyatskoj eparhii v pervoj chetverti XVIII st. (po ukazu Sinoda 1725 g.). Soobshch. V. Shabalin* – Statement of the Vyatka Bishop's house and the monasteries of the Vyatka diocese in the first quarter of the XVIII century. (by decree of the Synod in 1725). Reported by V. Shabalin // *TVUAK* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archive Commission. 1912. Iss. 1–2. Dep. 2.
4. State archive of the Kirov region (GAKO). 237. Inv. 1. File 1.
5. GAKO. F. 237. Inv. 1. File 7.
6. GAKO. F. 237. Inv. 1. File 18.
7. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 4.
8. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 9.
9. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 10.
10. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 12.
11. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 13.
12. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 14.
13. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 15.
14. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 18.
15. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 19.
16. GAKO. F. 237. Inv. 76. File 13.
17. GAKO. F. 237. Inv. 76. File 42.
18. GAKO. F. 237. Inv. 81. File 5.
19. GAKO. F. 237. Inv. 81. File 7.

20. GAKO. F. 237. Inv. 81. File 41.
21. GAKO. F. 430. Inv. 1. File 5.
22. GAKO. F. 430. Inv. 1. File 10.
23. GAKO. F. 431. Inv. 1. File 1A.
24. GAKO. F. 431. Inv. 1. File 3.
25. GAKO. F. 431. Inv. 1. File 51.
26. GAKO. F. 1404. Inv. 1. File 6.
27. *Dozornaya kniga 1615 goda Hlynovskogo uezda (gorod Slobodskoj)* – Watch book of 1615 of Hlynov County (the town of Slobodskoy) // *Lyubimov V. A. Staraya Vyatka. Kvartal za kvartalom* [The Old Vyatka. District by district]. Kirov 2007.
28. *Zamyatin A. A. Gorod Slobodskoj i ego svyatyte hramy* [Slobodskoy town and its Holy temples] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka province news. 1895, No. 48.
29. *Zverinskij V. V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryah v Rossijskoj imperii* [Material for historical and topographical research on Orthodox monasteries in the Russian Empire]. Vol.1. SPb. 1890.
30. *Kedrova S. M. Hristorozhdestvenskij monastyr' v gorode Slobodskom Vyatskoj eparhii* [Nativity of Christ in the town Slobodsky of Vyatka diocese] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan statements. 1905, No. 4, pp. 203–219.
31. *Kibardin V., svyashch. Opisanie Hristorozhdestvenskogo zhenskogo monastyrya, chto v gorode Slobodskom Vyatskoj eparhii* [Description of the Nativity of Christ convent in the town of Slobodsky of Vyatka diocese]. SPb. 1875.
32. *Kudryavcev M., diak. CHudotvornyj Nerukotvorennij obraz Spasitelya, chto v Moskovskom Novospasskom monastyre* [Wonderworking Virnicle image of the Savior in the Moscow Novospasskiy monastery]. M. 1886.
33. *Kustova E. V. Formirovanie zhenskogo monashestva v Priural'e v XVII – pervoj chetverti XVIII vv.* [Formation of female monasticism in the Urals in the XVII-first quarter of the XVIII centuries] // *Rossijskaya istoriya* – Russian history. 2016, No. 2, pp. 61-75.
34. *Kustova E. V. Revnostnyj kelar' (k biografii Il'i Semakina)* [Zealous steward (biography of Ilya Semakin)] // *Gercenka: Vyatskie zapiski* – Gertsenka: Vyatka notes. Vol. 19. Kirov. 2011.
35. *Mohova G. A. CHudotvornye ikony Nerukotvornogo Obraza Spasitelya na Vyatskoj zemle. Ikonografiya. Formy pochitaniya* [Wonderworking icons of the Virnicle image of the Savior on the land of Vyatka. Iconography. Forms of veneration] // *Gercenka : Vyatskie zapiski* – Gertsenka: Vyatka notes. Vol. 17. Kirov. 2010.
36. Russian State archive of ancient acts (RGADA). 137. Orlov. No. 1 (reported by L. Musikhin).
37. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 55.
38. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 187.
39. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 665.
40. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 6347.
41. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 6433.
42. RGADA. F. 615. Inv. 1. File 2144.
43. RGADA. F. 1113. Inv. 1. File 28.
44. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 90 (reported by L. Musikhin).
45. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 339 (reported by L. Musikhin).
46. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 521 (reported by A. L. Musikhin).
47. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 1029 (reported by V. A. Lyubimov).
48. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 1034 (reported by L. Musikhin).
49. *Slobodskoj gorod i posad po knige pisma i mery Ivana Borisovicha Domozhirova da pod"yachago Ivana Kokushkina 7137 (1629) goda* – Slobodskoy town and Posad by the book of writing and measures of Ivan Borisovich Domozhirov and clerk Ivan Kokushkina 7137 (1629) // *TVUAK* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archive Commission. 1907. Vol. 1. Dep. 2.
50. *Slobodskoj Hristorozhdestvenskij zhenskij monastyr' : sb. ocherkov* – Slobodskoy Nativity of Christ convent: collection of essays. Kirov. 2011.
51. *CHurakov D. N., diak. K voprosu ob utochnenii daty osnovaniya Hristorozhdestvenskogo zhenskogo monastyrya g. Slobodskogo* [To the question about the exact date of the founding of Nativity convent of town Slobodskoy // *Obretnenie svyatyh : sb. materialov V Mezhtregion. cerk.-nauch. konf.* – Indwelling of the Holy: materials of the V Interregional church- scient. conf. Kirov. 2013.

УДК 947(28-8Вят)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.004

Из истории купеческой благотворительности в Вятской губернии: взгляд через личность Алексея Яковлевича Прозорова

М. С. Судовиков

доктор исторических наук, профессор, директор Кировского областного краеведческого музея.
Россия, г. Киров. E-mail: direktormuz43@mail.ru

Аннотация: в статье рассказывается о развитии купеческой благотворительности в российской провинции через биографию видного представителя делового мира второй половины XIX – начала XX в. Алексея Яковлевича Прозорова (1842–1914). Являясь продолжателем предпринимательских традиций своей семьи, торгуя сельскохозяйственной продукцией на рынках Европы, этот купец ярко проявил себя как в экономической сфере, так и в общественных делах, снискав уважение и почет у современников. А. Я. Прозоров внес ощутимый вклад в социально-экономическое развитие Вятской губернии; он являлся членом Вятского благотворительного общества – большие пожертвования вносил на содержание богаделни в г. Вятке, помогал населению в неурожайные годы. В июле 1892 г. император Александр III удовлетворил ходатайство Вятской городской думы о присвоении А. Я. Прозорову звания почетного гражданина г. Вятки. Общероссийское звучание его имя приобрело благодаря деятельности в Петербурге. Алексей Яковлевич избирался председателем Санкт-Петербургского биржевого комитета, являлся членом Клуба общественных деятелей, членом партии «Союз 17 октября», был членом III Государственной думы. А. Я. Прозоров стал воплощением нового облика предпринимателя – образованного, гуманистически ориентированного, активного в общественной и политической жизни.

Ключевые слова: Вятская губерния, Архангельск, Санкт-Петербург, купечество, торговля, благотворительность, А. Я. Прозоров.

Получившая наибольшее развитие в России во второй половине XIX – начале XX в. купеческая благотворительность прошла путь от стихийных и часто разовых пожертвований до постоянных и масштабных акций, носивших организованный характер. Традиционными ее видами были пожертвования на нужды церкви, на открытие и содержание приютов, богаделен, образовательных учреждений. Во многом благодаря купечеству в России сложилась разветвленная сеть учреждений социальной помощи, позволявшая эффективно бороться с бедностью.

В благотворительную деятельность, хотя она и не являлась основным профессиональным занятием купцов, в той или иной степени была втянута значительная часть регионального делового мира. С размахом ее осуществляли представители разных национальных культур, купцы, записанные как в первую, так и во вторую гильдии, проживавшие и в губернских, и в уездных городах.

История благотворительности сохранила имена не только отдельных персоналий, а целых семейств, которые оставили заметный след в развитии социальной сферы той или иной местности. В Вятской губернии – обширной и многонациональной территории на северо-востоке европейской России – к таковым относились Стахеевы, Ушковы, Булычевы, Клобуковы, Гусевы, Синцовы и др. Весьма многогранной была деятельность представителей династии Прозоровых.

В исторической литературе полно описана деятельность Якова Алексеевича Прозорова (1816–1881) – главы семейства благотворителей и меценатов г. Вятки [20; 17], но еще недостаточно изучена деятельность его сына – купца Алексея Яковлевича Прозорова (1842–1914), хотя это была фигура не менее известная в общероссийском масштабе.

Алексей Яковлевич Прозоров родился в г. Архангельске: «Месяца августа 13-го числа у вятского 2-й гильдии купца Якова Алексея Прозорова и законной его жены Пелагеи Семеновичи дочери, обоих православных, в первом браке, родился сын Алексей, крещен того же месяца 16-го числа...» – записано в метрике кафедрального Свято-Троицкого собора за 1842 г. [21]

В северном портовом городе купец Яков Прозоров, отец Алексея, находился по коммерческим делам. С давних пор Архангельск был притягательным местом для вятского купечества, и в нем торговали еще предки Якова Алексеевича – хлыновские посадские люди, чьи

имена известны с XVII столетия [17]¹. «Фамилия Прозоровых – фамилия распространенная среди крестьян Якимовагинской волости Вятского уезда...» – отмечал летописец династии А. А. Прозоров [20, с. 7].

Деловой и общественной активностью отличался Семен Антонович Прозоров (1739–1811), прадед Алексея Яковлевича. Семен Прозоров вел записную книжку, в которой называл себя купцом и упоминал о поездках в крупные российские торговые города – Архангельск, Казань, Соликамск и др. Семен проявлял себя и в общественной деятельности – избирался заседателем магистрата, занимался церковной благотворительностью. Детей у С. А. Прозорова и его жены Феклы было 17, но до зрелого возраста дожили только трое – две дочери и сын Алексей [20, с. 7].

Торговая деятельность стала профессиональным занятием сына Семена Антоновича – Алексея (род. в 1780 г.), состоявшего сначала в третьей, а затем во второй купеческой гильдии [9]. В Вятке у А. С. Прозорова был небольшой дом с двумя амбарами при нем. Алексей закупал рожь, овес, муку, лен, льняное семя и отправлял свой товар в Архангельский порт. Он был дважды женат: от первого брака у Алексея Семеновича родился сын Александр – в будущем крупный слободской купец, городской голова и благотворитель, от второго – пять сыновей: Афанасий, Петр, Николай, Федор, Яков и две дочери: Елизавета и Серафима.

Расцвет купеческой династии Прозоровых был связан с деятельностью Якова Алексеевича, который свои капиталы накапливал, торгуя хлебом, льном, куделью, конским волосом, щетиной. Через Архангельский и Петербургский порты эти товары шли за границу, в основном в страны северной Европы. С именем Я. А. Прозорова связан подъем в экспортной торговле Вятской губернии – он самостоятельно, без посредников в лице иностранцев и их агентов, вывозил местную продукцию в европейские государства [6].

Отправляемые из России товары под клеймом Якова Прозорова, в особенности льняные, быстро получили известность в Бельгии, Англии и продавались там «по самой высокой цене» [7]. В 1860-е и в 1870-е гг. его ежегодные торговые обороты достигали двух-трех миллионов рублей. В этот период Яков Алексеевич имел звания – коммерции советника, потомственного почетного гражданина, купца 1-й гильдии [19].

Своей деятельностью он охватил практически все направления общественной жизни – городское управление, экономику, образование, церковь, культуру. В 1859–1862 гг. Прозоров был городским головой в Вятке.

Яков Алексеевич успешно занимался благотворительностью, имевшей широкие масштабы. На свои средства он устроил богадельню, пожертвовал дома городскому и епархиальному женскому училищам, ремесленному приюту, открыл дом призрения для детей бедных граждан, благоустроив Вятскую Владимирскую церковь, являвшуюся семейным храмом купца.

Супруга Якова Алексеевича Прозорова, Пелагея Семеновна, была уроженкой г. Лальска Вологодской губернии (из рода Угрюмовых). Выдержанная, обходительная, «она внушала к себе общее уважение», – вспоминал современник [20, с. 10]. П. С. Прозорова любила театральное искусство, и в местном театре, устроенном ее мужем, у нее была своя ложа.

В такой обстановке и воспитывался Алексей Яковлевич, являвшийся старшим сыном в семье Я. А. и П. С. Прозоровых (у них были еще дети: сыновья Александр и Владимир, рано умершие; сестры Ольга – рано умерла, Зинаида и Юлия [12]).

С самого детства Алексей помогал заниматься торговыми делами отцу, как это принято было в купеческих семьях, и образование он получил соответствующее своим занятиям: в 1862 г. окончил курс Московского коммерческого училища, причем был в нем одним из успешных учеников и по завершении обучения получил малую золотую медаль. Яков Алексеевич Прозоров видел необходимость и в овладении его сыном английским и немецким языками, позволившими ему в дальнейшем без особых трудностей общаться с европейскими предпринимателями.

Алексей Яковлевич жил в атмосфере дома Я. А. Прозорова, наполнявшей деловым настроением и временем отдыха, и общение с родственниками, и в целом бытовой уклад всей семьи, что тоже сформировало у Алексея определенные ценностные ориентиры.

В начале 1870-х Яков Алексеевич с семьей переехал в роскошный особняк, получивший название «красный замок» (сохранился до наших дней, совр. ул. Ленина, 104 в г. Кирове). Дом

¹ В книге В. И. Кощеевой основателем этой династии называется Фирс Кириллов Прозоров (род. в 1666 г.) и упоминается о деятельности его сыновей Александра, Тимофея, Антона.

Прозоровых считали за честь посещать «все лица выдающиеся в городе или приезжие и принадлежащие к высшему служебному миру» [20, с. 10], в нем устраивались парадные завтраки, обеды и ужины. Этими банкетами руководила семья купца; Яков Алексеевич выходил только к началу застолья, находясь до этого в своем кабинете.

Как-то в кабинет Прозорова-старшего зашел его племянник Александр, ставший впоследствии автором мемуаров, и застал Якова Алексеевича сидящим в широком кресле перед письменным столом с трубкою в руках. «Вот, ты видел, – сказал Прозоров, – от меня сейчас вышли рабочие и мой служащий – торговый приказчик. Вот этих людей я ценю, они труженики, и результат их труда – реальная польза; а те, в тех комнатах, что гудят и веселятся – это одна вывеска. Вот посмотри: у меня лакей Михайло – франт, в течение дня раз пять переменяет одежду, видный собой, прекрасный выездной с каретой и докладом, а цена ему грош. Так научись, глядя на них, следовать примеру первых, а не гнаться за вторыми» [20, с. 10]. Эти слова явились хорошим поучением для молодого родственника, и о них он не забывал всю жизнь. Все это сызмальства видел, впитывая в себя, и Алексей.

Он и сам в нужный момент поучал молодого родственника: «Отец как-то меня, в возрасте лет 12-ти, когда я был на зимнем вакале, – пишет А. А. Прозоров, – послал в Вятку к дяде за деньгами. Я должен был получить несколько тысяч. Получив от Алексея Яковлевича пачки денег, я их сложил в саквояж и продолжал разговор. Минут десять спустя он просит меня деньги ему возвратить, я вынул и отдал. Считает деньги – недостача, явление для меня непонятное. Доведя меня до слез, говорит, что, получая деньги, надо считать, что он с целью дать мне же урок нарочно вынул несколько кредиток, которые тотчас и вложил. Это был мой первый урок коммерческой грамоты. Позднее мой отец то же проделывал, посылая со мной деньги в контору из верхнего этажа в нижний, но я был уже осмотрительнее и не попадался впросак» [20, с. 11].

В 1865 г. Алексей выезжал в Англию и Германию, и его поездка укрепила влияние Прозоровых за границей [8]; торговыми операциями этой семьи были охвачены и Бельгия, и Голландия, и Франция. А. Я. Прозоров стал для своего отца надежным помощником в ведении торговых дел, олицетворяя собой купца новой эпохи – века капитализма.

Будучи современником великих реформ Александра II, коренным образом менявших не только экономический, но и социальный облик России, Алексей Яковлевич не оставался в стороне от многих общественных дел, прежде всего благотворительных, участвовал в работе управленческих и судебных органов. В его послужном списке 1860–1880-х гг. должности: в Вятском детском приюте – почетного старшины, в Доме призрения детей бедных граждан г. Вятки – почетного попечителя; он был также почетным мировым судьей Вятского судебного мирового округа, членом Вятского уездного по крестьянским делам присутствия, почетным членом комитета детского приюта Его Императорского Высочества принца Ольденбургского [11]. В ноябре 1882 г. А. Я. Прозоров получил орден св. Станислава 3-й степени за особые труды и заслуги, оказанные Российскому обществу Красного Креста.

Имя Алексея Яковлевича находим в документах по истории Вятского благотворительного общества, открытого в губернском центре в мае 1873 г. Вместе с матерью П. С. Прозоровой и супругой А. Н. Прозоровой он входил в состав совета этого учреждения, а Яков Алексеевич был почетным членом.

Средства благотворительного общества складывались из ежегодных членских взносов и различных пожертвований, и одно из первых значительных пожертвований (1 200 руб.) было сделано как раз Я. А. Прозоровым «для ежемесячных выдач бедным» [18]. Помимо обеспечения пособиями бедных жителей г. Вятки благотворительные капиталы шли и на внесение платы за обучение их детей, и на содержание детей-сирот, людей пожилого возраста, и на лечение больных.

Под надзором общества находились ночлежный приют, убежище для вдов и девиц, Прозоровский ремесленный приют, дом призрения малолетних детей, дешевая столовая, дом трудолюбия и т. д. В течение десятилетий Прозоровы проявляли самое живое участие в его работе, и то, что оно стало крупнейшим на северо-востоке Европейской России центром социальной помощи и защиты бедных, – их несомненная заслуга. И Алексей Яковлевич, и Антонина Николаевна, его супруга, со временем также стали почетными членами Вятского благотворительного общества.

Что касается А. Н. Прозоровой, в девичестве Мосоловой, то она имела дворянское происхождение и, «выйдя замуж за коммерсанта, брак свой считала несколько низким для себя», «но благодаря ее воспитанию и образованию неприятное чувство ее сглаживалось и делалось

незаметным» [20, с. 11]. По воспоминаниям, Антонина Николаевна «дом свой старалась поставить на возможную высоту, привлекая к себе все высшее, выдающееся, что имело влияние на всю ее дальнейшую жизнь» и «обладала, кажется, всем, что требуется для светской жизни: играла хорошо на рояле, при слабом, но приятном голосе пела и отличалась особенной, ей свойственной манерой оказывать внимание окружающим и располагать к себе», а супруг ее – Алексей Яковлевич – «старался возможно возвыситься» [20, с. 11]. Как бы то ни было, они воспитывали в Вятке троих детей – дочь Ольгу, родившуюся в 1870 г., и сыновей-погодок Якова (1872 г. р.) и Алексея (1873 г. р.).

В конце 1870-х гг. жизнь Прозоровых кардинально меняется: Яков Алексеевич вместе со своим семейством уезжает на жительство в Петербург. Перед отъездом он пожертвовал Вятскому благотворительному обществу и городу почти целый квартал домов по ул. Вознесенской – Спасской (совр. ул. Ленина – Спасская), ряд других построек, а некоторым бедным дал пожизненный пенсион.

В столице Прозоровы жили в собственном особняке в престижной части города – на Английской набережной. Торговые дела этой семьей велись под фирмой «Яков Прозоров с Сыном», контора которой располагалась сначала на Михайловской площади столицы. «...Уехав из Вятки, имея звание коммерции советника, затем, последовательно получая ордена Анны и Владимира, он в конце жизни был возведен в потомственное дворянское сословие...» – писал о своем дяде А. А. Прозоров [20, с. 16].

Однако в Петербурге глава семьи – Яков Прозоров – прожил недолго, в феврале 1881 г. он умирает «после продолжительной и тяжелой болезни». Похоронили Якова Алексеевича в палатке Федоровской церкви Александро-Невской лавры. Родной город с болью отозвался на его смерть: «В ночь на 4-е февраля в Петербурге скончался 64 лет от роду коммерции советник Яков Алексеевич Прозоров, известный всему здешнему краю щедрый благотворитель и добрый человек...» – сообщали «Вятские губернские ведомости» [3]. В другом номере этой газеты был помещен развернутый очерк его жизни и деятельности, в котором Яков Алексеевич назывался «одним из почетнейших граждан г. Вятки» [4].

После смерти Я. А. Прозорова его дела продолжил Алексей Яковлевич, ставший главой фирмы. Он, как и прежде, вел торговлю хлебом, льном и пенькой, продолжал заниматься благотворительностью. В Петербурге, Вятке, на родине матери – в Лальске вершились им добрые дела, которые не могли оставаться незамеченными.

В неурожайные годы начала 1890-х газеты писали о том, что Прозоровы вносили внушительные суммы на нужды населения «неурожайных уездов» Вятской губернии: осенью 1891 г. в кассу местного управления Российского общества Красного Креста поступили «от вдовы дворянина Пелагеи Семеновны Прозоровой 2 000 руб. и статского советника Алексея Яковлевича Прозорова 3 000 руб.» [5].

Чуть ранее, в марте 1891 г., Вятская городская дума вынесла благодарность А. Я. Прозорову за пожертвование на содержание богадельни для призрения престарелых и бедных граждан г. Вятки, причем, как было отмечено, деньги для нужд этого учреждения отчислялись ежегодно по 500 руб. сначала Яковом Алексеевичем, а затем его сыном, всего на сумму 14 000 руб. [13, с. 47–48]

В том же году, 24 октября, на заседании думы вятский городской голова И. А. Сухов сообщил гласным, что некоторые из них по случаю юбилея «торговой фирмы статского советника А. Я. Прозорова и ввиду беспримерных и обильных пожертвований для г. Вятки и его населения», сделанных Я. А. и А. Я. Прозоровыми, предлагают «поднести» Алексею Яковлевичу звание почетного гражданина города Вятки. Дума поручила управе подготовить «по этому предмету особый доклад» [13, с. 161–162].

Этот доклад был сделан уже через несколько дней – 28 октября 1891 г. – на экстренном заседании Вятской городской думы. «...Множество солидных пожертвований покойного Якова Алексеевича и уважаемого Алексея Яковлевича в течение полувековой торговой их деятельности свидетельствовали и свидетельствуют их любовь к родному городу Вятке, теплую отзывчивость на запросы ее жизни и заботу о нуждах ее беднейшего населения», – говорил И. А. Сухов и далее перечислял «памятники их щедрой благотворительности в г. Вятке», то есть рассказал об основных благотворительных делах Прозоровых [13, с. 182].

Вслед за этим «городская дума единогласно постановила: ходатайствовать в установленном порядке о присвоении статскому советнику Алексею Яковлевичу Прозорову звания почетного гражданина г. Вятки как одному из лучших бывших своих сограждан,

всегда тепло и обильно отзывавшемуся на всякое доброе дело на пользу родного города Вятки» [13, с. 183].

Было также решено отправить в столицу А. Я. Прозорову телеграмму: «Радуюсь... полувековому преуспеянию Вашей фирмы, достоуважаемый Алексей Яковлевич, Вятская городская дума почла за честь ходатайствовать о присвоении Вам звания почетного гражданина г. Вятки и приветствовать бывшего своего согражданина и пожелать процветания фирмы и впредь» [13, с. 184].

Окончательный вердикт по делу вынес император: 9 июля 1892 г. Александр III «высочайше соизволил» на присвоение А. Я. Прозорову звания почетного гражданина города Вятки [10]. В июле же об этом уведомил вятского губернатора А. Ф. Анисина министр внутренних дел И. Н. Дурново, а на сентябрьском заседании Вятской городской думы было решено внести соответствующую запись об А. Я. Прозорове в имевшуюся в управе книгу почетных граждан [14].

Алексей Яковлевич заботился о развитии Вятки и в последующее время. В февральском журнале заседаний Вятской городской думы за 1895 г. сообщалось о поездке местной депутации в Петербург, где решался вопрос о железнодорожном строительстве Пермь-Котласской железной дороги и, как отмечалось в журнале, «наши высокочтимые почетные граждане А. Я. Прозоров и Н. А. Троицкий со своей стороны весьма любезно оказывали нам всевозможное содействие в достижении цели на пользу нашего города» [15]. Приезжал он и в Вятку, в частности, будучи председателем совета Волжско-Камского коммерческого банка для ревизии местного отделения [2].

В Петербурге А. Я. Прозоров состоял чиновником особых поручений при Министерстве торговли и промышленности, заседал в различных совещательных органах правительственных учреждений, с 1906 г. являлся председателем совета съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства.

Кроме того, он стал одним из учредителей Северного телеграфного агентства, был председателем правлений петербургского общества стекольного производства «И. Ритинг», Камчатского торгово-промышленного общества, страхового общества «Россия», полным товарищем Русского товарищества котиковых промыслов, входил в правление акционерного общества Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры и т. д.

Его знали и как члена совета Санкт-Петербургского коммерческого училища, почетного мирового судью Лужского округа (он имел земли в Лужском уезде столичной губернии). В 1897 г. Алексей Яковлевич единогласно избирается председателем Санкт-Петербургского биржевого комитета [16].

В Петербурге у А. Я. Прозорова пополнилась семья – появились на свет сын Борис и дочь Евгения. На общем дворе с отцовским домом Алексей Яковлевич приобрел особняк по ул. Галерной. «Спустя несколько лет после смерти дяди мне с женой пришлось быть в Петербурге... Алексей Яковлевич тогда был уже председателем биржевого комитета и имел чин действительного статского советника. Обширный кабинет его, весь отделанный узорчатыми темно-ореховыми фанерками, производил внушительное впечатление. Антонина Николаевна приобрела более важный, церемонный и официальный вид и добивалась представительства во дворец...» – писал об этом периоде жизни А. Я. Прозорова его двоюродный брат [20, с. 16].

В начале XX столетия Алексей Яковлевич окунулся в водоворот бурной политической жизни, захлестнувшей Россию. В период Первой русской революции он становится членом петербургского Клуба общественных деятелей – первого политического клуба в стране и членом партии «Союз 17 октября». Затем, в сентябре 1911 г., был избран в члены III Государственной думы от Санкт-Петербурга. В Думе А. Я. Прозоров входил во фракцию октябристов и состоял членом нескольких комиссий.

В то же время новый век начинался для семьи Прозоровых с трагедий. Летом 1902 г. на Дальнем Востоке, в устье р. Камчатки, при попытке оказать помощь тонущим рыбакам погиб сын Алексей – выпускник Петербургского университета, заведовавший котиковым промыслом в Охотском море, на которого Алексей Яковлевич возлагал большие надежды по ведению семейного бизнеса; позже от болезни и переживаний по брату умерла дочь Евгения; старший сын Яков, воспитанник Николаевского кавалерийского училища, офицер, имея слабый характер, пристрастился к праздной и беззаботной жизни [20, с. 17]. На фоне всех этих испытаний произошел разрыв А. Я. Прозорова с супругой.

Жизненные обстоятельства подорвали здоровье и жизненные силы Алексея Яковлевича. Он скончался 22 января 1914 г. и был похоронен в Исидоровской церкви Александро-Невской

лавры. В Вятке панихида по Прозорову была отслужена в нескольких местах: в родовой Владимирской церкви, зале заседаний городской думы, помещении отделения Волжско-Камского коммерческого банка. Гласные Вятской городской думы почтили его память «вставанием».

Биография Алексея Яковлевича Прозорова дополняет новыми интересными фактами картину деятельности российского купечества в целом. Успешно сочетая профессиональные занятия с благотворительностью, он стал воплощением нового облика делового человека в стране – образованного, гуманистически ориентированного, активного в общественной жизни. Постоянное участие в благотворительной деятельности вывело А. Я. Прозорова на путь признания и уважения со стороны современников.

Список литературы

1. Барышников М. Н. Деловой мир России : историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 284.
2. Вятская речь. 1914. 24 янв. (№ 19).
3. Вятские губернские ведомости. 1881. 11 февр. (№ 12).
4. Вятские губернские ведомости. 1881. 25 февр. (№ 16).
5. Вятские губернские ведомости. 1891. 26 окт. (№ 86).
6. ГАКО (Государственный архив Кировской области). Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 2 об.
7. ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 3.
8. ГАКО. Ф. 582. Оп. 28. Д. 39. Л. 3 об.
9. ГАКО. Ф. 582. Оп. 44. Д. 258. Л. 11 об.; ГАКО. Ф. 630. Оп. 8. Д. 213. Л. 130-б; ГАКО. Д. 485. Л. 83; и др.
10. ГАКО. Ф. 582. Оп. 99. Д. 111. Л. 9.
11. ГАКО. Ф. 628. Оп. 2. Д. 1106. Л. 309 об. – 310.
12. ГАКО. Ф. 628. Оп. 8. Д. 5. Л. 33 об. – 34, 120 об. – 121.
13. Журналы Вятской городской думы за 1891 год. Вятка, 1892.
14. Журналы Вятской городской думы за 1892 год. Вятка, 1893. С. 184.
15. Журналы Вятской городской думы за 1895 год. Вятка, 1896. С. 32.
16. История С.-Петербургской биржи / сост. А. Г. Тимофеев. СПб., 1903. С. 233, 235–236 и др.
17. Кошечева В. И. История династии Прозоровых. Меценатство и благотворительность : монография. Киров, 2015.
18. Отчет Вятского Благотворительного Общества за 1875 год. Вятка, 1876. С. 2.
19. Памятная книжка Вятской губернии на 1870 год. Вятка, 1870. Отд. III. С. 25.
20. Прозоров А. А. Город Вятка и его обыватели : мемуары. Киров, 2010.
21. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3937. Л. 7.

From the history of merchant charity in Vyatka province: a look through the personality of Alexey Prozorov

M. S. Sudovikov

Doctor of historical sciences, professor, Director of the Kirov Regional Lore Museum. Russia, Kirov.
E-mail: direktormuz43@mail.ru

Abstract: the article describes the development of merchant charity in the Russian province through the biography of a prominent representative of the business world of the second half of the XIX – early XX century Alexei Yakovlevich Prozorov (1842–1914). As a successor of the entrepreneurial traditions of his family, trading in agricultural products in the markets of Europe, this merchant clearly showed himself in the economic sphere and in public Affairs, gaining respect and honor among his contemporaries. A. Y. Prozorov has made a significant contribution to socio-economic development of the Vyatka province; he was a member of the Vyatka charitable society - he made large donations for the maintenance of the almshouse in Vyatka, helped the population in lean years. In July 1892, Emperor Alexander III granted the petition of the Vyatka city Council to confer the title of honorary citizen of Vyatka to A. Y. Prozorov. All-Russian sound of his name acquired through activities in St. Petersburg. Alexey Yakovlevich was elected Chairman of The St. Petersburg stock exchange Committee, was a member of the Club of public figures, a member of the party "Union October 17", was a member of the III state Duma. Prozorov became the embodiment of a new image of the entrepreneur – educated, humanistically oriented, active in public and political life.

Keywords: Vyatka province, Arkhangelsk, St. Petersburg, merchants, trade, charity, A. Prozorov.

References

1. Baryshnikov M. N. *Delovoj mir Rossii : istoriko-biograficheskij spravocnik* [Business world of Russia: historical and biographical guide]. SPb. 1998. P. 284.
2. *Vyatskaya rech'* – Vyatka speech. 1914. 24 Jan. (No. 19).
3. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial sheets. 1881. February 11. (No. 12).
4. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial sheets. 1881. February 25. (No. 16).
5. *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka provincial sheets. 1891. 26 Oct. (No. 86).
6. State Archive of the Kirov Region. 582. Inv. 28. File 39. Sh. 2 turn.
7. State Archive of the Kirov Region. 582. Inv. 28. File 39. Sh. 3.
8. State Archive of the Kirov Region. 582. Inv. 28. File 39. Sh. 3 turn.
9. State Archive of the Kirov Region. 582. Inv. 44. File 258. Sh. 11 turn.; State Archive of the Kirov Region. 630. Inv. 8. File 213. Sh. 130-b; State Archive of the Kirov Region. File 485. Sh. 83; and others.
10. State Archive of the Kirov Region. 582. Inv. 99. File 111. Sh. 9.
11. State Archive of the Kirov Region. F. 628. Inv. 2. File 1106. Sh. 309 vol. – 310.
12. State Archive of the Kirov Region. F. 628. Inv. 8. File 5. Sh. 33 turn. – 34, 120 turn. – 121.
13. *ZHurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy* – Magazines of Vyatka municipal Duma for the year 1891. Vyatka. 1892.
14. *ZHurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy* – Magazines Vyatka municipal Duma for the year 1892. Vyatka, 1893. P. 184.
15. *ZHurnaly Vyatskoj gorodskoj dumy* – Magazines Vyatka municipal Duma for the year 1895. Vyatka, 1896. P. 32.
16. *Istoriya S.-Peterburgskoj birzhi* – History of St. Petersburg stock exchange / comp. A. G. Timofeev. SPb. 1903. Pp. 233, 235–236 et al.
17. *Koshcheeva V. I. Istoriya dinastii Prozorovyh. Mecenatstvo i blagotvoritel'nost': monografiya* [History of the dynasty of Prozorovs. Patronage and charity: monograph]. Kirov. 2015.
18. *Otchet Vyatskogo Blagotvoritel'nogo Obshchestva za 1875 god* – Report of the Vyatka Charitable Society for 1875. Vyatka. 1876. P. 2.
19. *Pamyatnaya knizhka Vyatskoj gubernii na 1870 god* – The memorable book of the Vyatka province in 1870. Vyatka. 1870. Dep. III. P. 25.
20. *Prozorov A. A. Gorod Vyatka i ego obyvateli : memuary* [The city of Vyatka and its inhabitants: memoirs]. Kirov. 2010.
21. Russian state historical archive. 1343. Inv. 39. File 3937. Sh. 7.

Сколько же было инженеров в СССР в годы второй пятилетки? К вопросу о достоверности советской социальной статистики (Письмо в редакцию)

О. Л. Лейбович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и философии, Пермский государственный институт культуры. Россия, г. Пермь.
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Аннотация: в письме в редакцию ставится вопрос о достоверности официальной советской социальной статистики в 1930-е гг. Для нее было характерно стремление представить новое общество более образованным, нежели оно было на самом деле. Лукавая цифра доминировала не только в экономической статистике, но не в меньшей степени в статистике социальной. В высших партийных кругах в 1950–1960-х гг. выражалось сомнение и в точности подсчетов, и в их методике. В закрытых собраниях говорили о прямой фальсификации предоставляемых ЦСУ данных.

Выдвигается гипотеза о том, что данные о количественном росте советской интеллигенции, в особенности инженерных кадров, являются завышенными в соответствии с политическими установками высшего партийного руководства. В отчеты о количественном составе инженерно-технического персонала были включены работники, имеющие начальное и неполное среднее образование, так называемые практики. Заполняя переписной лист, такой практик называл себя инженером. Исследователи социальной истории 1930-х гг. обратили внимание на то, что люди, закончившие краткосрочные курсы, приписывали себе среднее, а то и высшее образование. Данные первичного учета инженерно-технического персонала на предприятиях оборонной промышленности в Перми позволяют скорректировать результаты переписи 1939 г.

Ключевые слова: СССР, социальная статистика, советская интеллигенция, инженеры.

В 1950-е гг. в советских правительственных кругах выявилось скептическое отношение к количественным данным об экономике, спрятанным, по словам А. И. Микояна, «...за семью печатями в ЦСУ у товарища Старовского» [1, с. 324]. Из уст в уста передавали истории, как экономические показатели Программы партии 1961 г. были высосаны из пальца. Академик Т. Ойзерман на склоне лет вспоминал свой диалог с А. Н. Косыгиным. Он все добивался у будущего премьера: «Но цифры-то откуда взяли? Ведь это же должно было через Вас проходить?» «Нет, – говорит он, – со мной не советовались». «А вот Вы мне показали свой доклад, там другие цифры». А он отвечает: «Ну так что ж, ясно, что мы не выполняем то, что написано». Я говорю: «Так откуда же эти цифры?» Он молча указывает пальцем на потолок» [12]. В протокольной записи заседания Президиума ЦК КПСС читаем у того же А. И. Микояна: «Подсовывали цифры, Старовский путает» [15].

Заметим, что В. Н. Старовский, управлявший в те годы ЦСУ СССР в ранге министра, отнюдь не был номенклатурным выдвиженцем, переброшенным на эту должность из иного ведомства. Он проработал в статистике всю свою сознательную жизнь – около пятидесяти лет [23]. В. Н. Старовский был дисциплинированным партийцем и знал, что цифры отнюдь не главное. Задача статистики – измерять закономерности социалистического развития [22, с. 280]. Формулировать закономерности было партийной прерогативой, а в 1930–1950-е гг. – исключительно сталинской. В области хозяйства их содержание сводилось к постоянно увеличивающимся темпам экономического роста, достоинствам плановой организации и преимуществам обобществленного сельскохозяйственного производства. В 1952 г. Сталин сформулировал основной экономический закон социализма: «Существенные черты и требования основного экономического закона социализма можно было бы сформулировать примерно таким образом: обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [21, с. 40]. Стало быть, ЦСУ должно было цифрами иллюстрировать реализацию основного закона: показывать, как совершенствуется социалистическое производство, внедряется высшая техника, растет благосостояние советских граждан. В интеллигентской среде в самом начале 1960-х гг. повторяли байку, будто бы «...перед подготовкой доклада о построении коммунизма к 1980 году Хру-

щев затребовал у тогдашнего шефа Госкомстата Старовского цифры о реальном состоянии советской экономики. Но, несмотря на настойчивые требования, цифры Старовского все время были "подлакированными". "Если я вам расскажу о реальной ситуации, вы же меня посадите!"» [16]. Естественно, здесь мы имеем дело с апокрифом, но выразительно и главное достоверно передающим отношение собеседников к официальной статистике.

Кроме доктринальных причин, побуждающих подверстывать цифры к партийным установкам, были основания сугубо практические. Хозяйственные организации обязаны были выполнять в срок производственные программы. В противном случае их руководителей ждали неприятности вполне весомые: от партийных взысканий и выговоров вплоть до увольнения с должности и предания суду. За успехи в выполнении и перевыполнении плана щедро награждали: и премиями, и орденами, и дополнительными фондами на жилищное строительство и развитие культурно-бытовой сферы. В такой ситуации директора заводов учились манипулировать цифровыми показателями. Председатель ВСНХ в 1926 г. заметил: «Я утверждаю, что цифры, которые дают нам тресты, раздуты, они фантастичны. Та отчетность, которую мы собираем, есть фантастика, квалифицированное вранье. Дело в том, что у нас нет ответственности за цифры» [8, с. 497].

В 1987 г. в журнале «Новый мир» была опубликован большой фельетон «Лукавая цифра». В нем авторы – экономист и газетный работник – открыто поставили под сомнение достоверность официальной статистики и в части прироста национального дохода страны за прошедшие полвека, и в части текущего состояния дел в народном хозяйстве СССР. Объясняли они господство «лукавых цифр» неверной методикой измерения экономических показателей в подвижном рублевом эквиваленте – при помощи линейки с постоянно меняющимися делениями, а также экономическими интересами директорской корпорации: «Липу фабрикуют не из спортивного интереса. От нее ждут пользы – почета, премий. Статистических показателей много, но значение их для руководителя предприятия различно. От одних ему ни жарко ни холодно. Для чего, скажем, исказить отчет о потребления электроэнергии? До недавних пор за этот показатель никто не спрашивал, да и теперь спрос невелик. Ищите измерители "нейтральные", считайте по ним – и вы будете близки к цели. Однако если тот же показатель стал директивным, ему опять мало веры» [18].

Заметим, что сомнения, касающиеся экономической статистики, отнюдь не распространились на статистику социальную. Между тем информация о численности населения, о росте образовательного уровня советских граждан производилась и распространялась по тем же самым правилам. После VIII чрезвычайного съезда Советов (декабрь 1936 г.) стало известно: в СССР происходит постоянное сближение друг с другом трех больших социальных групп: рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции [19, с. 119–147]. Заметим, что за полтора года до этого события в г. Перми был привлечен к партийной, а затем и уголовной ответственности молодой инженер, в том числе и за то, что «...утверждал, что колхозники являются самостоятельным классом...» [6, с. 1а]. В этом тройственном союзе по мере развертывания культурного строительства постоянно возрастал удельный вес интеллигенции вместе с ее общественным статусом: «Все наши люди состоят из интеллигенции, это надо вбить в голову, – разъяснял партийному активу И. В. Сталин. – Интеллигенция у нас должна быть солью земли. <...> Все наши кадры – это интеллигенты, и они должны стать солью земли, и они могут стать» [9, с. 464].

В более дипломатичной форме эти оценки были воспроизведены на XVIII съезде партии: «Для новой интеллигенции нужна новая теория, указывающая на необходимость дружеского отношения к ней, заботы о ней, уважения к ней и сотрудничества с ней во имя интересов рабочего класса и крестьянства. <...> Мы хотим сделать всех рабочих и крестьян культурными и образованными, и мы сделаем это со временем» [20, с. 338–339].

Вряд ли можно усомниться в том, что эти директивные указания были приняты во внимание советскими статистиками. Так же как и в экономических расчетах, они следовали партийной линии, иначе говоря, производили расчеты и подсчеты в соответствии с ожиданиями властных инстанций, меняя границы социально-учетных групп, затушевывая различия в объемах потребления и в уровне образования внутри них и пр. Так, в 1970–1980-е гг. в состав рабочего класса включали работников торговли и сферы обслуживания [7, с. 85]. В 30-е гг. такую же операцию производили с инженерно-техническими работниками – ИТР – новой советской элитой эпохи индустриализации: «Партийное членство и высшее образование стали двумя главными каналами для попадания в элиту. Политика позитивной дискриминации в образовании чрезвычайно облегчила вхождение в советскую элиту представителей рабочего класса» [24, с. 47].

В состав этой группы включали техников и т. н. инженеров-практиков, зачастую с начальным образованием или малограмотных. В статистическом сборнике, выпущенном к 20-летию Октябрьской революции, численность инженеров, занятых в народном хозяйстве СССР, равнялась 253 000 человек [2, с. 23]. В современной литературе об истории высшего образования в СССР некритично воспроизводятся учетные данные 1930-х гг. о количестве студентов вузов, выпуске дипломированных инженеров. Утверждается, что «в целом за довоенный период было подготовлено 1 208,2 тыс. чел. с высшим и 1 790,3 тыс. чел. со средним специальным образованием...» [5]. В сборнике материалов о Всесоюзной переписи 1939 г. в Уральском регионе опубликованы количественные данные об инженерах с высшим образованием, занятых на предприятиях вновь организованной Пермской области: 1 755 человек [13, с. 162].

Заметим, что на промышленных предприятиях все довоенное время наблюдался дефицит инженерно-технического персонала, особенно в начале 1930-х гг. К декабрю 1930 г. «...дефицит кадров специалистов с высшим образованием превышал 50 тысяч человек, что было больше общего числа инженеров, работавших в промышленности и на транспорте» [10].

В 1934 г. от завода № 172 им. Молотова в Ленинград была отправлена группа вербовщиков с приказом найти специалистов с высшим или средним образованием. Взяли всех, даже инженера Воскресенского, несмотря на возраст – 82 года, генеральский чин в прошлом и участие в правлении Обуховского завода [4, с. 100–101].

Стоит обратиться к материалам первичного учета – сводкам ОНУ (отделов найма и увольнения) на заводах Наркомата оборонной промышленности (НКОП), как возникают сомнения в точности учета. Возьмем для примера пермский завод № 10 им. Дзержинского 14-го главного управления НКОП. С 1934 г. он входил в список 69 наиболее важных предприятий оборонного комплекса в стране [14, с. 1]. В Перми в этот список вошли всего четыре завода. На заводе им. Дзержинского на 1 сентября 1937 г. работали 76 дипломированных инженеров [17, с. 55]. В следующем году было принято на завод пять молодых специалистов, а уволено только по компрометирующим материалам семь человек [11, с. 27]. Новым директором завода в октябре 1937 г. был назначен С. Я. Бодров, в 1935 г. получивший диплом о высшем образовании, по сути дела – молодой специалист [3]. На иных оборонных заводах г. Перми было занято около 300 инженеров. Даже если добавить железнодорожный транспорт, химический комбинат в Березниках, шахты Кизела, все равно количество инженеров в материалах переписи представляется завышенным не менее чем вдвое.

Не пора ли провести перерасчет по первичным материалам вузов, предприятий, ведомств, чтобы выяснить реальную картину численности инженерно-технического персонала в 1930-е гг. и не повторять «лукавую цифру» от В. Н. Старовского?

Список литературы

1. XX съезд Коммунистической партии Советского Союза 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. Т. 1. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1956.
2. 20 лет Советской власти : стат. сб. М. : ЦУНХУ Госплана СССР, 1937. С. 23.
3. Бодров Сергей Яковлевич // Министерство обороны Российской Федерации (Минобороны России) : энцикл. URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12665@morfdictionary>
4. В бюро Молотовского городского комитета ВКП(б) от члена ВКП(б) чл. б. № 0402336 Аликина П. Н. 5.02.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 643/1. Оп. 1. Д. 11996. Т. 3. (Премудров П. К.).
5. Волков С. Интеллектуальный слой в советском обществе // Русский исторический журнал. 1999. Т. 2. № 1. С. 19–53. URL: <http://swolkov.ru/ins/031-1.htm>.
6. Выписка из протокола № 57 заседания бюро Пермского Горкома ВКП(б) от 13 января 1935 года. 16.02.1935 // ПермГАСПИ (Пермский государственный архив социально-политической истории). Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26705. (Юфит Л. Б., Мацук А. О., Полесицкий Д. А.). Т. 1.
7. Галкин А. А. Тенденции изменения социальной структуры // Социологические исследования. 1998. № 10.
8. Дзержинский Ф. Э. На борьбу с болезнями управленческого аппарата. Речь на совещании ответственных работников ВСНХ СССР. 9 июля 1926 // Дзержинский Ф. Избранные произведения. Т. 2. М. : Политиздат, 1977.
9. Из выступления И. В. Сталина. 1 октября 1938 // Краткий курс истории ВКП(б). Текст и его история: в 2 ч. / сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. Ч. 1. М. : Полит. энцикл. : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014.
10. Из истории высшего авиационного образования в России. URL: <https://mai.ru/common/history/years.php>.

11. Именной список инженеров, уволенных с завода № 10 им. Дзержинского с 1 января по 10 августа 1938. 19.08.1938 // ГАПК. Ф. Р-42. Оп. 2. Д. 332 (руководящий материал по вопросам найма и увольнения).
12. Интервью с академиком Т. И. Ойзерманом, 2004 год. 12 марта // Русуниверс. Логосфера // URL: <https://www.runivers.ru/philosophy/chronograph/361955/>.
13. Мотревич В. П. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года. Уральский регион : сб. материалов. Екатеринбург : Изд-во Гуманит. ун-та, 2002.
14. Постановление ЦК ВКП(б) 11.07.1934 // ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. Р-42. Оп. 2. Д. 42 (Приказ НКТП и постановление ЦК ВКП(б) об организации и порядке найма рабочих и ИТР на заводах. 17. 07. 1934).
15. Рабочая протокольная запись В. Н. Малина заседания Президиума ЦК КПСС 13–14 октября 1964 г. URL: http://hrono.ru/dokum/196_dok/19641014plenum.php.
16. Ростовский М. Полет «кукурузника» // Известия. 2003. 30 сент.
17. Сведения о наличии инженеров, техников и мастеров на 1.09.1937 г. по заводу № 10 им. Дзержинского, г. Пермь // ГАПК. Ф. Р-42. Оп. 2. Д. 328.
18. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 181–201. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_186.htm.
19. Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР : доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 14. М. : Писатель, 1997.
20. Сталин И. В. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 года // Сталин И. В. Соч. Т. 14. М. : Писатель, 1997.
21. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР. М. : Госполитиздат, 1952.
22. Старовский В. Н. Экономическая статистика // Большая Советская энциклопедия. 1-е изд. М. : Сов. энцикл. – ОГИЗ, 1933. Т. 63.
23. Старовский Владимир Никонович 03.05.1905 – 20.10.1975 // URL: <http://pomnipro.ru/memoriyapage/21564/biography>.
24. Шпаковская Л. Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 1.

How many engineers were there in the USSR during the Second Five-Year Plan. On the reliability of Soviet social statistics (Letter to the editorial board)

O. L. Leibovich

Doctor of historical sciences, professor, Head of the Department of culturology and philosophy,
Perm State Institute of Culture. Perm, Russia. E-mail: oleg.leibov@gmail.com

Abstract: the letter to the editorial board raises the question of the reliability of official Soviet social statistics in the 1930s. It was characterized by the desire to present a new society more educated than it really was. The cunning figure dominated not only in economic statistics, but not to a lesser extent in social statistics. In the higher party circles in 1950 – 1960 the doubt was expressed both in the accuracy of the calculations and in their methodology. In closed meetings talked about direct falsification of the data provided by the Central Statistical Office. A hypothesis is advanced that the data on the quantitative growth of the Soviet intelligentsia, especially the engineering personnel, are overstated in accordance with the political guidelines of the highest party leadership. In reports on the quantitative composition of engineering and technical personnel, workers with primary and incomplete secondary education, the so-called practices, were included. By filling out the questionnaire, such a practitioner called himself an engineer. Researchers of social history of the 1930s. paid attention to the fact that people who completed short-term courses, attributed themselves an average, and even higher education. The data of the primary accounting of engineering and technical personnel at the enterprises of the defense industry in Perm allow to correct the results of the 1939 census.

Keywords: USSR, social statistics, Soviet intelligentsia, engineers

References

1. XX s"ezd Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Soyuzo 14–25 fevralya 1956 goda. Stenograficheskij otchet – XX Congress of the Communist party of the Soviet Union 14-25 February 1956. Verbatim record. Vol.1. M. State publ. of polit. lit. 1956.
2. 20 let Sovetskoy vlasti : stat. sb.- 20 years of Soviet power: stat. comp. M. Central Department of national economic accounting of State planning Committee of USSR. 1937. P. 23.
3. Bodrov Sergej Yakovlevich – Bodrov Sergey Yakovlevich // Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii (Minoborony Rossii) : ehncikl.- Ministry of defence of the Russian Federation: encyclopedia. Available at: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=12665@morfDictionary>

4. *V byuro Molotovskogo gorodskogo komiteta VKP(b) ot chlena VKP(b) chl. b. № 0402336 Alikina P. N. 5.02.1937* – To the Bureau of Molotov city committee CPSU(b) from a member of the CPSU (b) membership card No. 0402336 Alikin P. N. 5.02.1937 // *PermGASPI* – Perm State Archive of Political History. F. 643/1. Inv. 1. File 11996. Vol. 3. (Premudrov P. K.).
5. *Volkov S. Intellektual'nyj sloj v sovetskom obshchestve* [Intellectual layer in the Soviet society] // *Russkij istoricheskij zhurnal* – Russian historical magazine. 2001 Winter 1999. Vol. 2. No. 1. Pp. 19–53. Available at: <http://swolkov.ru/ins/031-1.htm>.
6. *Vypiska iz protokola № 57 zasedaniya byuro Permskogo Gorkoma VKP(b) ot 13 yanvarya 1935 goda. 16.02.1935* – Extract from the protocol № 57 of the meeting of the Perm city committee of the CPSU(b) on January 13, 1935. 16.02.1935 // *PermGASPI* – Perm State archive of socio-political history. F. 643/2. Inv. 1. File 26705. (L. B. Yufit, A. O. Matsuk, D. A. Polesitskiy). Vol.1.
7. *Galkin A. A. Tendencii izmeneniya social'noj struktury* [Tendencies of changes of the social structure] // *Sociologicheskie issledovaniya* – Sociological researches. 1998, No. 10.
8. *Dzerzhinskij F. EH. Na bor'bu s boleznymi upravlencheskogo apparata. Rech' na soveshchanii otvetstvennykh rabotnikov VSNH SSSR. 9 iyulya 1926* [On the fight against diseases of the administrative apparatus. Speech at a meeting of senior officials of the USSR Supreme Soviet. 9 Jul 1926] // *Dzerzhinsky, F. [Selected works. Vol. 2]* M. Politizdat. 1977.
9. *Iz vystupleniya I. V. Stalina. 1 oktyabrya 1938* – From the speech of I. V. Stalin. October 1, 1938 // *Kratkij kurs istorii VKP(b). Tekst i ego istoriya: v 2 ch.* – Short course of history of the CPSU (b). The text and its history: in 2 parts / comp. by M. V. Zelenov, D. Brandenberger. Part 1. M. Political encyclopedia: Fund “Presidential center of B. N. Yeltsin”. 2014.
10. *Iz istorii vysshego aviacionnogo obrazovaniya v Rossii* – From the history of higher aviation education in Russia. Available at: <https://mai.ru/common/history/years.php>.
11. *Imennoj spisok inzhenerov, uvolennykh s zavoda № 10 im. Dzerzhinskogo s 1 yanvarya po 10 avgusta 1938. 19.08.1938* – Name list of the engineers laid off from the factory № 10 n.a. Dzerzhinsky from January 1 to August 10, 1938. 19.08.1938 // *GAPK* – State Archive of Perm region. F. P-42. Inv. 2. File 332 (guidance material on recruitment and dismissal).
12. *Interv'yu s akademikom T. I. Ojzermanom, 2004 god 12 marta* – Interview with academician T. I. Oizerman, 2004. 12 March // *Rusunivers. Logosfera* – Rusunivers. Logosphere // Available at: <https://www.runivers.ru/philosophy/chronograph/361955/>.
13. *Motrevich V. P. Vsesoyuznaya perepis' naseleniya SSSR 1939 goda. Ural'skij region : sb. materialov* [All-Union census of the USSR in 1939. Ural region: collection of materials]. Ekaterinburg. Publishing house of Humanit. University. 2002.
14. The resolution of the Central Committee of the CPSU(b) 11.07.1934 // State archive of Perm region. F. P-42. Inv. 2. File 42 (Order and the decision of the CPSU (b) on the organization and recruitment of workers and engineers in factories. 17.07.1934). (in Russ.)
15. *Rabochaya protokol'naya zapis' V. N. Malina zasedaniya Prezidiuma CK KPSS 13–14 oktyabrya 1964 g.* – Working protocol record by V. N. Malina of the meeting of the Presidium of the CPSU Central Committee 13–14 October 1964 Available at: http://hrono.ru/dokum/196_dok/19641014plenum.php
16. *Rostovskij M. Polet «kukuruznika»* [Flight of "maize"] // *Izvestiya* – News. 2003. 30 Sept.
17. *Svedeniya o nalichii inzhenerov, tekhnikov i masterov na 1. 09. 1937 g. po zavodu № 10 im. Dzerzhinskogo, g. Perm'* – Information on the presence of engineers, technicians and craftsmen at 1. 09. 1937 in the factory № 10 n. a. Dzerzhinsky, Perm // *GAPK*. P-42. Inv. 2. File 328.
18. *Selyunin V., Hanin G. Lukavaya cifra* [Crafty figure] // *Novyj mir* – New world. 1987, No. 2, pp. 181–201. Available at: http://www.situation.ru/app/j_art_186.htm.
19. *Stalin I. V. O proekte Konstitucii Soyuza SSR : doklad na CHrezvychajnom VIII Vsesoyuznom s'ezde Sovetov 25 noyabrya 1936 goda* [On the draft of Constitution of the USSR: report at the Extraordinary VIII all-Union Congress of Soviets on November 25, 1936] // *Stalin I. V. Sochineniya* [Works]. Vol. 14. M. Publishing house Pisatel'. 1997.
20. *Stalin I. V. Otchetnyj doklad na XVIII s'ezde partii o rabote CK VKP(b) 10 marta 1939 goda* [Speech at the XVIII party congress on the work of the Central Committee of the CPSU(b) on March 10, 1939] // *Stalin I. V. Soch.* [Works]. Vol. 14. M. Pisatel'. 1997.
21. *Stalin I. V. EHkonomicheskie problemy socializma v SSSR.* [Economic problems of socialism in the USSR]. M. Gospolitizdat. 1952.
22. *Starovskij V. N. EHkonomicheskaya statistika* [Economic statistics] // *Bol'shaya Sovetskaya ehnciklopediya* – The Great Soviet encyclopedia. 1st ed. M. Sov. encycle. – Ogiz. 1933. Vol. 63.
23. *Starovskij Vladimir Nikonovich 03.05.1905 –20.10.1975* – Starovsky Vladimir Nikonovich 03.05.1905 – 20.10.1975 // Available at: <http://pomnipro.ru/memorypage21564/biography>
24. *SHpakovskaya L. L. Sovetskaya obrazovatel'naya politika: social'naya inzheneriya i klassovaya bor'ba* [Soviet education policy: social engineering and class struggle] // *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* – Journal of social policy studies. 2009, vol. 7, No. 1.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 940.53/.54(460)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.006

Мотивы массового «красного» международного добровольчества в испанской гражданской войне*

М. В. Новиков

доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
Россия, г. Ярославль. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация: в статье рассматривается актуальная проблема добровольчества в ходе вооруженного конфликта – гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Предпринята попытка выявления мотивов, которые побудили сорок тысяч добровольцев из пятидесяти четырех стран принять участие в гражданской войне на стороне Испанской Республики. Дается характеристика социального состава добровольцев, на восемьдесят процентов состоявшего из представителей рабочего класса. Подчеркивается наличие большого количества интеллектуалов из западных стран – писателей, журналистов, художников, в среде которых родилось понятие добровольчества в Испании как «крестового похода левых», – проекта, в основе которого лежал «чистый» идеализм его участников. Отмечается, что основными мотивами участия в войне для представителей рабочего класса было чувство пролетарской интернациональной солидарности с трудящимися Испании и стойкие антифашистские убеждения. Антифашизм также был главенствующим мотивом многочисленных представителей левой интеллектуальной элиты из западных стран. Для добровольцев из стран с фашистскими и авторитарными режимами одним из важных мотивов была борьба за свободу и демократию. В числе менее значимых мотивов называются стремление сделать политическую карьеру в случае успешного участия в гражданской войне, психологическая несовместимость с традиционным западным обществом, возможность для безработных найти себе применение в Испании в качестве солдата республиканской армии, наконец, имели место отдельные случаи авантюризма и меркантилизма. Подчеркивается важное военное и морально-психологическое значение добровольческого движения в ходе борьбы за демократию против фашизма в Испании.

Ключевые слова: гражданская война, антифашизм, добровольчество, рабочий класс, интеллектуалы.

Гражданская война – массовая вооруженная борьба между гражданами одного и того же государства, имеющая значительную временную и географическую протяженность, как правило, возникает на рубеже эпох [9, с. 91–97], гражданские войны являются способом разрешения антагонистических социально-политических, религиозных противоречий. На добровольческих началах в них принимает участие наиболее активная часть граждан страны. Часто во внутренние конфликты вовлекаются граждане других государств. Почему эти люди берут в руки оружие, что заставляет их рисковать собственной жизнью, благополучием своей семьи, каковы мотивы их участия в конкретной гражданской войне? Ответам на эти вопросы и посвящена данная статья.

Возникнув как чисто внутренний конфликт между сторонниками «традиционной» и «новой» Испании, гражданская война 1936–1939 гг. стремительно интернационализировалась, приобретая общеевропейское и даже мировое значение как конфликт между демократией и фашизмом¹. Испанская республика, будучи буржуазно-демократической, тем не менее, из-за участия в антифашистской борьбе СССР и Коминтерна квалифицировалась ее против-

© Новиков М. В., 2018

* Выполнено по гранту РФФИ 14-18-01833-П

¹ Альтернативную точку зрения см.: Родригес Л. Сталин и гражданская война в Испании. 2016. 17 июля.
URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>

никами как «красная» по аналогии с большевистской Советской Россией, соответственно, все иностранные добровольцы, независимо от их политических убеждений, также считались «красными».

Происхождение идеи о создании добровольческих воинских частей из иностранцев на территории Испанской Республики остается неясным, но появилась она одновременно с первыми призывами об оказании республике интернациональной помощи. Первое воинское подразделение – центурия «Тельман» – из иностранных добровольцев возникло стихийно, вскоре после начала мятежа, в центурию записались спортсмены из разных стран, прибывшие в Барселону для участия в Народной Олимпиаде.

Массовое и стихийное добровольческое движение возникло во Франции, прежде всего, в силу географического фактора. Десятки французов и эмигрантов, принадлежавших к различным социальным группам и партиям, легально и нелегально пересекали франко-испанскую границу, создавали небольшие вооруженные отряды для борьбы с мятежниками [13, с. 128–129].

Первые немецкие антифашисты прибыли в Испанию сразу после начала мятежа и приняли участие в сражениях под Ируном и на Арагонском фронте. 30 августа 1936 г. по инициативе коммуниста Ганса Баймлера 70 немецких антифашистов под звуки «Интернационала» направились из Барселоны на фронт. В первой же окопной стенгазете они обозначили мотивы своего участия в испанской гражданской войне: «Наша часть – это боевой отряд германского Народного фронта. В ее составе сражаются коммунисты, социал-демократы и беспартийные. У всех нас одна великая цель, за которую борются все, без различия партийной принадлежности, – разгромить фашизм» [6, с. 199].

В августе-сентябре 1936 г. коммунистические партии Германии, Италии, Франции и других стран взяли на себя организационную сторону добровольческого движения [18, с. 289]. Только 18 сентября 1936 г., после того как Сталин принял судьбоносное для Испанской Республики решение о поставках оружия², Коминтерн одобрил резолюцию о «компании поддержки борьбы испанского народа», пункт 7 которой гласил: «Перейти к вербовке добровольцев с военным опытом из трудящихся всех стран с целью отправки их в Испанию» [1, с. 263]. Центром вербовки добровольцев Коминтерн выбрал Париж, вся организационная работа была возложена на руководителей французской и итальянской коммунистических партий. Добровольцы из стран Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы пробирались сюда тайными тропами, британские, американские и канадские добровольцы – на пароходах через Ла-Манш и Атлантический океан по экскурсионным билетам. В Париже из них организовывали группы для переправки в Испанию. Основных маршрутов было два: в Марсель, затем на судах до Барселоны или Валенсии, или на поезде до Перпиньяна, а затем нелегально пешком через франко-испанскую границу [1, с. 268–269; 27, с. 310; 30; 32; 33; 35; 37].

Из добровольцев в Испании представителями Коминтерна были сформированы шесть бригад и ряд других подразделений. Они были созданы как ударные части республиканской Народной армии. Не было ни одной крупной наступательной или оборонительной операции Народной армии в 1936–1938 гг., в которых бы не принимали участие иностранные добровольцы. Свой боевой путь они начали 9 ноября 1936 г. в самый критический момент битвы за Мадрид и закончили в сентябре 1938 г. [18, с. 288]. За время гражданской войны через интернациональные бригады прошло более 40 тысяч добровольцев из 54 стран³, причем чуть более половины из них состояли в рядах коммунистических партий, около 10% принадлежали социал-демократическим партиям и антифашистским организациям, остальные были беспартийными [16, с. 45].

Что касается их социального статуса, то, как пишет Э. Бивор, «80 процентов британских добровольцев были рабочими, занимавшимися физическим трудом, либо уволившимися, либо безработными... Одни рады были сбежать от бездействия и безработицы, у других за спиной были уличные бои с фашистами Мосли, как и у их французских товарищей, дравшихся с

² Подробнее см.: Шубин А. Сталин и гражданская война в Испании. 2016. 17 июля. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157926.html>

³ Наиболее точные, но не окончательные цифры по странам: Франция: 8 962, Польша: 3 113, Италия: 3 002, США: 2 341, Германия: 2 217, Балканские страны: 2 095, Великобритания: 1 843, Бельгия: 1 722, Чехословакия: 1 066, страны Прибалтики: 892, Австрия: 872, Скандинавские страны: 799, Нидерланды: 628, Венгрия: 528, Канада: 512, Швейцария: 408, Португалия: 134 и т. д. [1, с. 264–265].

“Аксьон Франсез” и с “Огненными крестами”» [1, с. 266]. У них редко брали интервью журналисты, о них мало писали, да и сами они не стремились к публичности. «С фотографий, – пишет Э. Бивор, – на нас глядят бритые застенчивые люди, с короткими стрижками, комкающие в руках кепки» [1, с. 266].

В числе добровольцев было много представителей среднего класса западных стран, включая левых интеллектуалов – поэтов, писателей, художников, журналистов и т. д. Благодаря их креативности и способности рефлексировать в медийном пространстве мы гораздо больше информированы о мотивах их добровольчества, об их боевом пути, иногда гибели, об их послевоенной судьбе, чем о представителях рабочего класса [38].

Можно предположить с большой долей вероятности, что из 40 тыс. добровольцев не более одной тысячи попали в поле зрения журналистов и писателей или опубликовали воспоминания о своем участии в испанской войне и совсем немногие из них представили на всеобщее обозрение истинные мотивы, приведшие их в Испанию.

Коминтерн, будучи организатором добровольческого движения в Испании, стремился к тому, чтобы представить это движение как яркое проявление пролетарского интернационализма, считая стремление к солидарности главным мотивом участия добровольцев в испанской войне⁴.

Гарри Поллит, лидер британских коммунистов, выступая в Лондоне на митинге, посвященном памяти погибшего в Испании журналиста, писателя, коммуниста Ральфа Фокса, подчеркивал: «Сбылась мечта Маркса и Энгельса – мечта, окрылявшая их, когда они создавали I интернационал, – о том, что настанет день, когда возникнет единая мировая партия, которая сможет мобилизовать лучших людей в каждой стране на помощь товарищам в других странах, ведущим борьбу со смертельным врагом. Товарищи, интернациональная бригада, покрывшая себя таким почетом и славой в Испании, – это подлинная международная армия» [22, с. 83].

Приверженность пролетарскому интернационализму как мотив добровольчества часто сочеталась с антифашистскими убеждениями представителей рабочего класса. Так, немецкий доброволец Ханс Маассен отмечал в своих воспоминаниях, что «одни, как я, – таких было большинство – бросились на помощь Испанской Республике из чувства пролетарской солидарности, движимые антифашистскими убеждениями, другие – из любви к демократии и свободе, третьи – побуждаемые религиозными чувствами» [14, с. 67].

Большинство добровольцев верно квалифицировали гражданскую войну в Испании как вооруженную схватку сторонников демократии и адептов фашизма, отсюда наиболее часто повторяющимся мотивом добровольчества было стремление принять личное участие в этой антифашистской войне.

В письме британского добровольца Альберта Паркера его девятилетней дочери подчеркивается: «Из всех стран мира рабочие люди, подобно мне, прибыли в Испанию, чтобы преградить здесь путь фашизму. Здесь можно встретить французов, немцев, итальянцев и англичан, рабочих людей, борющихся бок о бок с испанскими рабочими. Наша цель – преградить дорогу фашизму, ибо, выиграй он здесь войну, он продвинется вперед и в Англии. Таким образом, хотя нас с тобой разделяет много миль, я борюсь с целью оградить от фашизма тебя и всех детей в Англии, а также трудящихся всего мира» [21, с. 91].

В ходе своей пятой поездки в Испанию Поллит встретил лейтенанта Вильяма Грегори из комсомольской организации Ноттингема, только что оправившегося после очередного ранения. На вопрос, что его привело в Испанию, Вильям ответил: «Я был служащим. Я ненавижу фашизм, я чертовски хотел схватиться с ним. Поэтому я приехал сюда» [24, с. 99].

Во время очередной поездки в Испанию Поллит встретил «старого канадского товарища по имени Вильямсон», 58 лет, который был тяжело ранен в предыдущих боях и в тот момент быстро шел на поправку. В ответ на предложение продолжить лечение до полной реабилитации Вильямсон заявил: «Я хочу вернуться назад на фронт и продолжить то дело, из-за которого я приехал сюда, я должен задать перцу фашистам» [23, с. 64].

В доме для выздоравливающих Поллит встретил еще одного британского добровольца Джорджа Уоткинса, проходившего реабилитацию после тяжелого ранения. Будучи шестнадцатилетним подростком, он заявил, что ему 22, чтобы поехать в Испанию. На вопрос, не

⁴ Подробнее см.: Мещеряков М. Т. Судьба интербригад в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 18–41.

слишком ли он молод для участия в вооруженной борьбе, Уоткинс ответил: «Да, но я решил поехать сюда бороться с фашизмом, и это мне удалось» [23, с. 65].

Тот факт, что антифашистские убеждения были главным мотивом добровольчества, подтверждается материалами интервью британских добровольцев М. Левине, С. Уайлда, Дж. Брауна, Дж. Лиссена, Дж. Пита, Д. Гумена, представленных в книге «Дорога в Испанию. Антифашисты в войне 1936–1939 гг.». Один из них, С. Уайлд, подчеркивал: «Я должен был что-то сделать, чтобы остановить фашизм, поэтому, когда в Испании вспыхнула война и началось формирование интернациональных бригад, я решил, что мое место там» [36, с. 24]. Такого же мнения придерживается американский доброволец Э. Ошерофф: «В 1937 г. я поехал в Испанию сражаться, будучи уверен, что если мы не остановим фашизм там, в Испании, это приведет к катастрофе» [10].

В сборнике документов «Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны» приведена подборка писем добровольцев из разных стран. Вот выдержки из них: «Я уезжаю в Испанию, чтобы бороться в республиканских войсках против фашизма» (письмо швейцарского рабочего); «Мы находимся здесь не из каких-либо эгоистических соображений, а для того, чтобы помочь испанскому народу и всем миролюбивым передовым силам победить фашизм» (письмо скандинавских добровольцев); «Я прибыл в Испанию для того, чтобы помочь героическому народу разгромить фашистское зверье» (письмо американского студента) [15, с. 473–493].

Для многих добровольцев из стран с фашистскими и авторитарными режимами главным мотивом участия в испанской войне была борьба за свободу и демократию. Польский доброволец Антон Коранек, помощник командира интернациональной бригады, в разговоре с испанскими крестьянами, которые вообще никогда и ничего не слышали о поляках, на вопрос, почему поляки здесь, в Испании, ответил: «Мы знаем, что вы тут боретесь за свободу, и приехали вам помочь» [3, с. 77]. Польские добровольцы из числа эмигрантов-горняков во Франции, в их письме 15 подписей, также заявили о своем намерении сражаться за свободу: «Мы, польские горняки, решили сменить кирки на винтовки для борьбы с фашизмом. Мы едем в Испанию с уверенностью, что Испанская Республика должна победить. Мы не хотим оставаться бездеятельными в этой великой борьбе за свободу» [3, с. 79].

Еще одно коллективное письмо-призыв польских добровольцев к своим согражданам: «Товарищи! Мы единодушно заявляем, что мы не одурачены никакими агентами, что мы поехали в Испанию по собственному желанию и полностью сознавали, с какой целью едем. Товарищи! Мы, польские добровольцы, без различия политических убеждений призываем вас: Откройте глаза, подайте мозолистую братскую руку испанскому народу! Нельзя медлить ни одной минуты, так как здесь, под Мадридом, где находимся и мы, польские добровольцы, международный фашизм должен найти свою могилу» [3, с. 79].

В апреле 1937 г. польские добровольцы из интернациональной бригады им. Домбровского направили воззвание рабочим и крестьянам, всем трудящимся, всем демократам Польши: «Мы, сыны польского народа: людовцы, коммунисты, социалисты, католики и беспартийные, рабочие и крестьяне, из Польши и польской эмиграции – прибыли сюда, следуя пути польских демократов... На земле Испанской Республики мы подняли наше знамя борьбы “За нашу и вашу свободу”» [29, с. 82].

Доброволец хорватской национальности в интервью югославской газете, издаваемой в Чикаго, заявил: «Я всегда был большим сторонником республики и гражданских свобод, а в особенности сочувствовал каталонцам и баскам. Их судьба мне всегда казалась похожей на судьбу хорватов и словен. И они были долго угнетаемы монархией и диктатурой, как и мы, хорваты... В Испании идет борьба не только за свободу Каталонии и басков, но также и за национальное освобождение хорватского народа. Если фашизм победит в Испании, он укрепитя и в Югославии» [2, с. 65].

Одним из мотивов добровольчества были религиозные убеждения. Ирландский доброволец М. Келли пишет в своем письме: «Мы здесь известны под именем отряда Джемса Конолли. Мы на 75% католики и горды тем, что боремся, а если нужно, умираем в борьбе против Франко и его фашистских союзников... Я не член компартии, я только антифашистский борец. Но на основании того, что я видел здесь, в Испании, я скажу без колебания, что товарищи коммунисты – вместе с другими революционерами, которых я вижу здесь, на стороне правительства, – единственные истинные христиане в Испании» [21, с. 88].

Мотивы добровольчества стали одним из аспектов информационной войны сторонников и противников Испанской Республики. Последние пытались представить дело таким образом, что

добровольцы, якобы, были обычными наемниками и поехали в Испанию ради больших денег. Коммунисты, якобы, по словам директора ФБР Гувера, обещали добровольцам «золотые горы». Это была откровенная ложь, которая вызывала возмущение добровольцев. В борьбе с этой клеветой в среде левых англо-саксонских добровольцев-интеллектуалов появилось сравнение движения интернациональных бригад с крестовыми походами Средневековья – имелся в виду мотив бескорыстия и чистого идеализма как главный и в том, и в другом случае.

Британский доброволец-интеллектуал Дж. Гэрни, получивший тяжелое ранение в Испании, написал книгу воспоминаний под характерным названием – «Крестовый поход в Испании». Автор подчеркивал, что добровольцы не получали ни денег, ни наград, лишь удовлетворение от своего идеализма. По его мнению, добровольческое движение можно сравнить лишь с крестовыми походами, хотя здесь, в Испании, у добровольцев были более высокие мотивы. «Крестовый поход, – подчеркивал Гэрни, – направлялся против фашистов, которые являлись для нашего поколения сарацинами» [31, р. 18].

С Гэрни солидарны добровольцы англо-ирландского батальона, написавшие коллективное письмо в газету «Дейли Уоркер», адресованное общественности Великобритании и Ирландии: «Мы пришли сюда по нашей собственной воле, зрело обдумав все последствия этого шага. Мы здесь в Испании не ради денег, а исключительно для того, чтобы помочь героическому испанскому народу защитить свободу и демократию своей страны» [21, с. 86].

Группа добровольцев из Чехословакии, Германии и Австрии, всего около 20 человек, написала аналогичное письмо в чехословацкую газету «Роте фане», в котором с возмущением отвергли клевету правых о, якобы, их меркантильных интересах в Испании: «Мы явились в Испанию не для того, чтобы получать деньги. Мы убеждены в том, что защита испанской демократии означает в то же время защиту чехословацкой демократии» [21, с. 89].

Мотив чистого идеализма просматривается в письме добровольца из Ливерпуля своей жене, в котором он пишет, что «при виде ужасающей бедности здешнего народа я более чем когда-нибудь убедился в том, что правильно поступил, присоединившись к добровольцам» [21, с. 87].

Об этом же повествует пример еврейской семьи из Палестины. Получив весть о гибели в Испании своего сына Исаака Иоффе, отец Исаака сказал второму сыну Соломону следующие слова: «Соломон, теперь ты должен будешь поехать, чтобы заменить твоего брата. Ведь там одним бойцом стало меньше. Пока война не окончена, никто не должен оставаться в стороне» [8, с. 179].

Среди других мотивов называются расчеты отдельных добровольцев-коммунистов в случае успеха в Испании сделать карьеру в своих компартиях [30, р. 4–5]; были добровольцы, которые отправились в Испанию, потому что были в тот момент безработными и имели хорошую военную подготовку [36, р. 143], были и такие, кто испытывал дискомфорт в традиционном обществе и отправлялся в Испанию для решения личных проблем [36, р. IX]. Следует отметить, что проявления указанных мотивов были многочисленными.

По мнению Бивора, англосаксонские интеллектуалы романтизировали испанский рабочий класс, считая его совсем другим, более чистым, отличным от собственного, и поэтому испанский конфликт манил их предвкушением новых эмоций, отличных от «затхлой домашней банальности», возможностью искупить остро ощущаемую перед рабочим классом вину за свою привилегированность и материальное благополучие. В то же время, по мнению Бивора, «хватало, наверное, среди добровольцев и тех, кто подался в Испанию за острыми ощущениями, но это не дает права сомневаться в бескорыстности мотивов интербригадовцев. Они видели в фашизме мировую угрозу, а в интербригадах – лучший способ борьбы с ним. Испания воспринималась как поле сражения, на котором решается судьба будущего» [1, с. 268].

Английский писатель Эрик Блэр, известный нам под псевдонимом Джордж Оруэлл, типичный средний англичанин «по происхождению, социальной психологии, коренным верованиям, даже по художественным вкусам», левый интеллектуал и антифашист по убеждениям, добровольцем уехал в Испанию и в течение нескольких месяцев, до получения тяжелого ранения, сражался в рядах 29-й дивизии, сформированной испанской левой коммунистической партией – ПОУМ. В книге «Памяти Каталонии», написанной после возвращения в Англию, Оруэлл с позиции участника событий рассказывает об одной из самых мрачных страниц истории гражданской войны – об уничтожении ПОУМ⁵, поддерживавшей контакты с Троцким и тем самым

⁵ Подробнее см.: Preston P. *The Spanish Holocaust*. N.Y.; L., 2012, P. 383–427.

вызвавшей гнев Сталина. В центре повествования не только судьба самого Оруэлла и его жены, но и еще одного добровольца из Бельгии – Жоржа Коппа, проделавшего путь от рядового бойца до майора 29-й дивизии и исчезнувшего в одной из секретных тюрем НКВД.

Говоря о мотивах его участия в гражданской войне, Оруэлл подчеркивал: «Этот человек принес в жертву все: семью, гражданство, средства к существованию – единственно ради того, чтобы поехать в Испанию сражаться с фашизмом. Поскольку из Бельгии он выехал без разрешения и к тому же, будучи резервистом бельгийской армии, поступил на службу в иностранную армию, а еще до этого был причастен к нелегальному изготовлению боеприпасов для испанского правительства, на родине его ждало, если бы он туда вернулся, несколько лет тюремного заключения» [19, с. 381].

Эрнест Хемингуэй выехал в Испанию в качестве корреспондента Североамериканского газетного отделения. На вопрос о мотивах поездки он ответил, что попытается так изобразить войну, «чтобы все увидели и возненавидели ее в такой же степени, в какой ее может ненавидеть очевидец» [30, с. 232]. Как только Хемингуэй понял природу фашизма, он захотел обрушиться на него всей силой, отдав этому делу и свою популярность, и свои деньги. В речи на II Конгрессе писателей в Нью-Йорке он сказал: «Фашизм – это ложь... когда фашизм отойдет в прошлое, у него не будет никакой истории, кроме кровавой истории убийств» [11].

Герой романа Хемингуэя «По ком звонит колокол» (1940) Роберт Джордан, университетский преподаватель, собирательный образ американского добровольца в Испании, очень просто объясняет мотивы своего участия в гражданской войне. На вопрос «Ты коммунист?» он отвечает – «Нет, я антифашист. – С каких пор? – С тех пор как я понял, что такое фашизм» [26, с. 151]. В диалоге со своим «Я» Роберт Джордан подчеркивает: «Ты не настоящий марксист, и ты это знаешь. Ты просто веришь в Свободу, Равенство и Братство. Ты веришь в Жизнь, Свободу и Право на Счастье. И не вдавайся в диалектику» [26, с. 384].

Левые интеллектуалы сражались с фашизмом в Испании не только с помощью винтовки, но и, подобно Хемингуэю, писательским, журналистским пером. Британский журналист Артур Кестлер, ставший впоследствии известным писателем, был приговорен франкистами к смертной казни за то, что, исходя из антифашистских убеждений, он добросовестно исполнял свои обязанности, не скрывая от читателей страшной правды о преступлениях фашистов в Испании. Он провел несколько месяцев во франкистской тюрьме, ожидая смертного приговора, и лишь благодаря энергичным протестам демократической общественности и британского правительства его обменяли на пленного фашиста [5, с. 409].

В тюрьме А. Кестлер написал книгу «Испанское завещание», состоящую из двух частей – правды о гражданской войне и рефлексии тюремной жизни. По словам Лиона Фейхтвангера, «читая эту книгу, написанную в тюрьме, ощущаешь воздух, атмосферу испанской войны в гораздо большей степени, чем при чтении многих отчетов, написанных на свободе... Книга рассказывает об испанских событиях и об участии автора в борьбе испанского народа» [7, с. 251].

Популярный во Франции журнал «Эроб», в состав редакционной коллегии которого входили Ромэн Роллан, Луи Арагон, Жан Кассу, Ж.-Р. Блок и др., опубликовал статью Кассу под названием «Объединить», в которой автор пишет: «Мы стремимся к защите Испании. Действенная солидарность связывает нас между собой. Фашизм хочет ввергнуть в пропасть наши надежды, помешать осуществлению наших планов. Тем более необходима бдительность. Фашизм вынуждает нас делать выбор между волей к единству и отчаянием. Мы хотим единства» [4, с. 250–251].

Добровольческое движение в Испании носило массовый характер. Зачастую прибывавшие нелегально из других стран добровольцы не имели рекомендаций и документов, установить их происхождение было чрезвычайно трудно. Не удивительно, что в этом большом деле присутствовали мотивы авантюризма и мародерства. Интересным феноменом также стало лже-добровольчество, отраженное в рассказе писательницы Марии Остин.

Сюжет рассказа таков: «Он», чтобы создать себе репутацию героического человека, едет, якобы, в Испанию, но, не доезжая до границы, выходит из поезда и целый месяц живет в глухой деревушке, развлекаясь любовным романом с крестьянской девушкой. Затем «он» возвращается в Париж, многозначительно молчит и, наконец, с чужих слов пишет блестящий очерк об Испании. Как сказано в послесловии, «рассказ Марии Остин разоблачает тех псевдодрузей испанской демократии, которые под маской “любви” к героическому испанскому народу стремятся устраивать свои личные дела» [12].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что добровольческое движение в поддержку Испанской Республики возникло стихийно. В силу объективных причин в тот период возглавить его мог только Коммунистический Интернационал. Коминтерну удалось из разноплеменной, политически неоднородной и многоконфессиональной массы добровольцев создать боеспособные воинские части, которые сыграли заметную роль в войне, но гораздо серьезнее было их морально-психологическое значение [20, с. 324–390]. У добровольцев были разные мотивы, побуждавшие их оставить родных и близких в своих странах и взять в руки оружие. Сохранившиеся источники в виде опубликованных писем, интервью, воспоминаний, журналистской и писательской рефлексии свидетельствуют, что для добровольцев-коммунистов важное значение имело чувство пролетарского интернационализма, для добровольцев другой политической ориентации главным мотивом было желание уничтожить фашизм в Испании, не допустить его распространения в их родные страны. Многие приехали отстаивать идеалы свободы и демократии. Для некоторых добровольцев-интеллектуалов были характерны в числе дополнительных мотивов психологическая несовместимость с традиционным западным обществом, предвкушение новых эмоций и острых ощущений в романтизируемой ими Испании, чувство вины перед рабочим классом за собственную привилегированность и материальное благополучие. «Чистый» идеализм большинства добровольцев («крестовый поход левых») был в незначительной степени разбавлен авантюризмом и меркантилизмом.

Список литературы

1. Бивор Э. Гражданская война в Испании 1936–1939 / пер. с англ. А. Кабалкина. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. 720 с.
2. Движение солидарности в помощи испанскому народу // Коммунистический Интернационал. 1937. № 2. С. 61–67.
3. Из писем польских бойцов интернациональной бригады // Коммунистический Интернационал. 1937. № 1. С. 77–79.
4. Интернациональная литература. 1937. № 5.
5. Интернациональная литература. 1938. № 2–3.
6. Интернациональная литература. 1938. № 4.
7. Интернациональная литература. 1938. № 5.
8. Интернациональная литература. 1938. № 10.
9. Коды массовой культуры: российский дискурс : коллективная монография / под науч. ред. Т. С. Злотниковой, Т. И. Ерохиной. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2015. 240 с.
10. Комсомольская правда. 1975. 15 янв.
11. Литературная газета. 1938. 15 февр.
12. Литературная газета. 1938. 26 сент.
13. Малай В. В. Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа: международные аспекты конфликта. М. : Наука, 2011. 291 с.
14. Маассен Х. Сыновья Чапаева / пер. с нем. М. : Прогресс, 1966. 392 с.
15. Международная солидарность трудящихся в борьбе с фашизмом, против развязывания второй мировой войны (1933–1937). М. : Сов. Россия, 1961. 552 с.
16. Мещеряков М. Т. Интернациональные бригады в Испании // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 37–54.
17. Мещеряков М. Т. Судьба интербригад в свете новых документов // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 18–41.
18. Новиков М. В. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. : монография / 2-е изд., испр. и доп. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2007. 320 с.
19. Оруэлл Дж. Скотный двор. 1984. Памяти Каталонии. Эссе : сб. / пер. с англ. М. : НФ «Пушкинская библиотека» : ООО «Изд-во АСТ», 2003. 661 с.
20. Отчет М. Фреда о работе в Испании. 14 декабря 1937 г. // Коминтерн и гражданская война в Испании. Документы. М. : Наука, 2001. С. 324–390.
21. Письма бойцов родным и друзьям // Коммунистический Интернационал. 1937. № 4. С. 86–92.
22. Поллит Г. Памяти английских товарищей, погибших в Испании // Коммунистический Интернационал. 1937. № 1. С. 83–86.
23. Поллит Г. Моя поездка в Испанию // Коммунистический Интернационал. 1938. № 1. С. 56–68.
24. Поллит Г. Испания сегодняшнего дня // Коммунистический Интернационал. 1938. № 9. С. 96–102.
25. Родригес Л. Сталин и гражданская война в Испании. 2016. 17 июля. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>.
26. Хемингуэй Э. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 3. Пятая колонна: Пьеса; По ком звонит колокол: Роман; Рассказы; Очерки; Речи / пер. с англ., послесл. К. Симонова. М. : Худож. лит., 1982. 687 с.
27. Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. / пер. с англ. И. Полоцка. М. : ЗАО Центрполиграф, 2003. 573 с.

28. Шубин А. Сталин и гражданская война в Испании. 2016. 17 июля. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2157926.html>
29. Ян Б. Славный путь интернациональной бригады им. Домбровского // Коммунистический Интернационал. 1938. № 11. С. 79–82.
30. Eby C. Between the bullet and lie. American volunteers in the Spanish civil war. N. Y. ; Chicago ; San Francisco, 1969. 342 p.
31. Gurney J. Crusade in Spain. L., 1974. 189 p.
32. Hoar V. The McKenzie-Papineau battalion. Canadian participation in the Spanish civil war. The Copp Clark publishing company. 285 p.
33. Landis A. The Abraham Lincoln brigade. N. Y., 1967. 305 p.
34. Preston P. The Spanish Holocaust. N. Y. ; L., 2012. 700 p.
35. Rosenstone R. Crusade of the left. The Lincoln battalion in the Spanish civil war. N. Y., 1969. 415 p.
36. The Road to Spain. Antifascist at war 1936-1939. Dunferline, Great Britain, 1981. 275 p.
37. Rust W. Britons in Spain. The history of the British battalion of the XV-th international brigade. Paul-ton and L., 1939. 212 p.
38. Weintraub S. The last great cause. The intellectuals and the Spanish civil war. 1968. 970 p.

The motives of mass “red” international volunteerism in the Spanish civil war

M. V. Novikov

Doctor of historical sciences, head of the Department of theory and methods of professional education,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl.
E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract: the article deals with the actual and in modern conditions the problem of volunteerism during the armed conflict – the civil war in Spain of 1936-1939. The article attempts to identify the motives that prompted forty thousand volunteers from fifty-four countries to take part in the civil war on the side of the Spanish Republic. The author characterizes the social composition of volunteers, eighty percent of which consisted of representatives of the working class. It is emphasized that there are a large number of intellectuals from Western countries – writers, journalists, artists, among whom the concept of volunteerism was born in Spain as a “crusade of the left” – the project, which was based on the pure idealism of its participants. It is noted that the main motives for participation in the war for the working class was a sense of proletarian international solidarity with Spanish workers and strong anti-fascist beliefs. Anti-fascism was also characterized as a motive for many members of the leftist intellectual elite of the Western countries. For volunteers from countries with fascist and authoritarian regimes, the struggle for freedom and democracy was an important motive. Among the less significant motives are the desire to make a political career in case of successful participation in the civil war, psychological incompatibility with the traditional Western society, the opportunity for the unemployed to use their opportunities in Spain as a soldier, finally, there were some cases of adventurism and mercantilism. The importance of the military, but even more important, moral and psychological significance of the volunteer movement in the struggle for democracy against fascism in Spain is emphasized.

Keywords: civil war, anti-fascism, volunteerism, working class, intellectuals.

Reference

1. Bivor EH. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939* [Civil war in Spain 1936–1939] / transl. from English by A. Kabalkin. M. Co-libri: Azbuka-Atticus. 2018. 720 p.
2. *Dvizhenie solidarnosti v pomoshchi ispanskomu narodu* – Movement of solidarity in assistance to the Spanish people // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1937, No. 2, pp. 61–67.
3. From the letters of the Polish fighters of the international brigade // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1937, No. 1, pp. 77–79.
4. *International'naya literatura* – International literature. 1937. No. 5.
5. *International'naya literatura* – International literature. 1938. № 2–3.
6. *International'naya literatura* – International literature. 1938. No. 4.
7. *International'naya literatura* – International literature. 1938. No. 5.
8. *International'naya literatura* – International literature. 1938. No. 10.
9. *Kody massovoj kul'tury: rossijskij diskurs : kollektivnaya monografiya* – Codes of mass culture: Russian discourse: collective monograph / under scientific ed. of T. S. Zlotnikova, T. I. Erokhina. Yaroslavl. Editorial and Publishing Department of YASPU. 2015. 240 p.
10. *Komsomol'skaya pravda* – Komsomol Truth. 1975. 15 Jan.

11. *Literaturnaya gazeta* – Literary Newspaper. 1938. 15 Feb.
12. *Literaturnaya gazeta* – Literary Newspaper. 1938. 26 Sept.
13. Malaj V. V. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 godov i Evropa: mezhdunarodnye aspekty konflikta* [Civil war in Spain 1936–1939 and Europe: international aspects of the conflict]. M. Nauka. 2011. 291 p.
14. Maassen H. *Synov'ya Chapaeva* [Chapaev Sons]. M. Progress. 1966. 392 p.
15. *Mezhdunarodnaya solidarnost' trudyashchihsya v bor'be s fashizmom, protiv razvyazyvaniya vtoroj mirovoj vojny (1933–1937)* – International solidarity of workers in the fight against fascism, against the outbreak of World War II (1933–1937). M. Sov. Russia. 1961. 552 p.
16. Meshcheryakov M. T. *Internacional'nye brigady v Ispanii* [International brigades in Spain] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 1979, No. 4, pp. 37–54.
17. Meshcheryakov M. T. *Sud'ba interbrigad v svete novyh dokumentov* [Fate of interbrigades in the light of new documents] // *Novaya i novejschaya istoriya* – New and modern history. 1993, No. 5, pp. 18–41.
18. Novikov M. V. *SSSR, Komintern i grazhdanskaya vojna v Ispanii 1936–1939 gg. : monografiya* [Soviet Union, the Comintern and the civil war in Spain 1936–1939 : a monograph] / 2nd ed., rev. and add. Yaroslavl. Editorial and Publishing Department of YASPU 2007. 320 p.
19. Orwell George *Skotnyj dvor. 1984. Pamyati Katalonii. EHsse : sb.* [Farmyard 1984. Memory of Catalonia. Essays: coll.] / transl. from English. M. Scient. fund "Pushkin library": LLC "Publishing house AST". 2003. 661 p.
20. Otchet M. Freda o rabote v Ispanii. *14 dekabrya 1937 g.* – M. Fred's report on work in Spain. December 14, 1937 // *Komintern i grazhdanskaya vojna v Ispanii. Dokumenty* – Comintern and the Spanish civil war. Documentation. M. Nauka. 2001. Pp. 324–390.
21. *Pis'ma bojcnym i druz'yam* – The letters of the fighters to family and friends // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1937, No. 4, pp. 86–92.
22. Pollit G. *Pamyati anglijskih tovarishchej, pogibshih v Ispanii* [To the memory of the British comrades who died in Spain] // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1937, No. 1, pp. 83–86.
23. Pollit G. *Moya poezdka v Ispaniyu* [My trip to Spain] // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1938, No. 1, pp. 56–68.
24. Pollit G. *Ispaniya segodnyashnego dnya* [Spain today] // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1938, No. 9, pp. 96–102.
25. Rodrigues L. *Stalin i grazhdanskaya vojna v Ispanii. 2016. 17 iyulya* [Stalin and the Spanish civil war]. 2016. July 17. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2157925.html>.
26. Hemingway E. *Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 3. Pyataya kolonna: P'esa; Po kom zvonit kolokol: Roman; Rasskazy; Ocherki; Rechi* [Collected works: in 4 vol. Vol. 3. Fifth column: Play; For whom the bell tolls: novel; Short stories; Essays; Speeches] / translated from English, afterword by K. Simonov. M. Hudozh. lit. 1982. 687 p.
27. Thomas H. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii. 1931–1939 gg.* [Spanish Civil war. 1931–1939] / transl. from English by I. Polotsk. M. CJSC Centrpoligraf. 2003. 573 p.
28. SHubin A. *Stalin i grazhdanskaya vojna v Ispanii. 2016. 17 iyulya* [Stalin and the Spanish civil war]. 2016. July 17. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2157926.html>
29. YAn B. *Slavnyj put' internacional'noj brigady im. Dombrovskogo* [Glorious way of the international brigade n. a. Dombrowski] // *Kommunisticheskij Internacional* – Communist International. 1938, No. 11, pp. 79–82.
30. Eby C. *Between the bullet and lie. American volunteers in the Spanish civil war.* N. Y. ; Chicago ; San Francisco, 1969. 342 p.
31. Gurney J. *Crusade in Spain.* L., 1974. 189 p.
32. Hoar V. *The McKenzie-Papineau battalion. Canadian participation in the Spanish civil war.* The Copp Clark publishing company. 285 p.
33. Landis A. *The Abraham Lincoln brigade.* N. Y., 1967. 305 p.
34. Preston P. *The Spanish Holocaust.* N. Y. ; L., 2012. 700 p.
35. Rosenstone R. *Crusade of the left. The Lincoln battalion in the Spanish civil war.* N. Y., 1969. 415 p.
36. *The Road to Spain. Antifascist at war 1936–1939.* Dunferline, Great Britain, 1981. 275 p.
37. Rust W. *Britons in Spain. The history of the British battalion of the XV-th international brigade.* Paul-ton and L., 1939. 212 p.
38. Weintraub S. *The last great cause. The intellectuals and the Spanish civil war.* 1968. 970 p.

Развитие теории демократии в конце XX в.: зарубежная историография

С. Н. Белевцева

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории,
Курский государственный университет. Россия, г. Курск. ORCID: 0000-0002-1939-4623.
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Аннотация: актуальность статьи определяется современной востребованностью теории демократизации как в России, так и в большинстве стран мира. Целью статьи является раскрытие восприятия американской стратегии «распространения демократии» представителями научного сообщества различных государств. Не претендуя на полный охват проблематики продвижения демократии американского образца в различные регионы мира, автор исследовал ряд общетеоретических вопросов по данной теме. Кроме того, рассматривается философское обоснование демократического процесса ведущими учеными конца XX – начала XXI в., исследуется перспективность «распространения демократии» во внезападные сообщества. В качестве вывода по теме рассматривается вопрос о стабильности завоеваний демократии. В статье проанализированы работы как видных ученых (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Ю. Хабермас), так и менее известных представителей научного сообщества. При этом в исследовании использованы работы ученых из разных стран: США, Канады, Великобритании, ФРГ, Израиля, Японии, Туниса, Индии. Статья может представлять интерес как для ученых, преподавателей и студентов, так и для политических функционеров, заинтересованных в продвижении и расширении демократического процесса.

Ключевые слова: распространение демократии, демократические преобразования конца XX в., демократия незападных обществ, американская демократия, демократия в России.

Развитию теории демократии в конце XX в. были посвящены многие исследования как в России, так и за рубежом. Наибольшее число научных изысканий в этой области принадлежит американским историкам, политологам, социологам и экономистам. Автор ранее уже делала историографический анализ отдельных направлений развития американской модели демократии [1]. Настоящая статья будет посвящена научным исследованиям не только американских, но и других зарубежных авторов.

Общая теория демократии

Разговор об общетеоретических основах и определениях демократии начнем, тем не менее, с работы одного из мэтров американской политологии Сэмюэла Филлипса Хантингтона.

В частности, к понятию демократии в своей книге «Третья волна. Демократизация в конце XX века» он в очередной раз обратился в 1989–1990 гг. (период написания книги). Говоря о современном толковании термина «демократия», Хантингтон пишет: «В середине XX в. в ходе дебатов о смысле слова “демократия” выделились три основных подхода. Демократия как форма правления стала определяться исходя либо из источников власти правительства, либо из целей, которым правительство служит, либо из процедур его образования» [7, с. 16]. При этом сам Хантингтон склонялся именно к процедурному определению демократии, полагая, что следование определениям по источнику власти и целям правительства приводит к двусмысленности и неточностям. Основываясь на идеях австрийского и американского экономиста, политолога, социолога и историка экономической мысли Йозефа Шумпетера, Сэмюэл Хантингтон отошёл от достаточно расплывчатых определений демократии по источнику власти («воля народа») или целям правительства («общее благо»). Он взял за основу процедурное определение демократии по Шумпетеру: «Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, при котором отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей» [7, с. 16].

Следует признать, что в конце XX в. это определение демократии возобладало над более романтическими идеями. А Сэмюэл Хантингтон в своем исследовании утверждал, что «политическая система какого-либо государства в XX в. определяется как демократическая в той

мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население» [7, с. 17].

Понятно, что такое определение демократии, по критерию выборов, хотя и является обязательным условием, но может быть признано лишь его минимальным значением. Об этом же говорит в своей работе С. Хантингтон. Он отмечает, что многие в определении демократии видят и «более широкое и идеалистическое значение» [7, с. 19]. Для таких исследователей, по мнению Хантингтона, подлинная демократия означает свободу, равенство, братство, «эффективный гражданский контроль над полицией, ответственность правительства перед населением, честность и открытость в политике, компетентную и рациональную советательность, равные участие и власть и разные другие гражданские ценности» [7, с. 19–20].

Касаясь определения демократии, Хантингтон также поднимает вопросы о случаях отсутствия реальной власти у избранных политических лидеров (марионеточные режимы), о непрочности или стабильности демократической власти, ее дихотомичности, а также указывает на общие негативные черты недемократических режимов.

Особая заслуга Сэмюэля Хантингтона состоит в введении в научный оборот общепризнанного сегодня понятия «волн демократизации» и выделении трех основных из них. При этом еще раз отметим, что автор рассматривает третью волну демократического процесса, начавшуюся, по его утверждению, в 1974 г., до момента раскрытия ее пикового значения на рубеже 1980–1990-х гг.

Не менее значительное исследование по теории демократии принадлежит британскому политологу Дэвиду Хелду. Задавшись двумя главными целями: познакомить читателя с основными представлениями о демократии и, прежде всего, с теми, которые характерны для западной традиции, и представить критическое описание демократических идей в их развитии, – Хелд в 1987 г. опубликовал свой труд «Модели демократии». Это было первое издание книги, представлявшее «четыре классические модели демократии: классическую идею демократии в древних Афинах; республиканскую концепцию самоуправляющегося сообщества..., либеральная демократия... и марксистская концепция прямой демократии» [8, с. 19].

Через девять лет, с учетом произошедших изменений в мировой политике, большого объема новых научно-исследовательских работ и в связи с некоторыми изменениями во взглядах самого автора, он выпускает второе переработанное издание книги. По аналогичным причинам еще через десять лет Хелд выпускает третье издание «Моделей демократии». Третье издание 2006 г. «было доработано и потому, что дискуссия, развернувшаяся в политической и социальной теории, привела к определенным инновациям в представлениях о демократии» [8, с. 13]. В книге после четырех классических моделей, рассматриваются еще пять, порожденных той самой дискуссией. Кроме того, Хелд рассматривает некоторые из главных современных проблем демократической теории и практики и задается в конце книги вопросом: что же должна означать демократия сегодня?

В своей книге Хелд обоснованно разделяет все модели демократии, кроме «советательной демократии», на «два основных типа: прямая демократия, или демократия прямого участия... и либеральная, или представительная демократия» [8, с. 20].

Разбирая различные демократические модели, Дэвид Хелд указывает, что при их изучении «важно исследовать их ключевые черты, рекомендации и предположения о природе общества, в котором демократия находится или куда могла бы быть внедрена, их фундаментальные концепции политических возможностей человека и то, как они обосновывают свои взгляды и предпочтения. И в оценке этих моделей мы должны быть внимательны к истокам и последовательности теоретических заявлений, адекватности эмпирических утверждений и осуществимости предписаний» [8, с. 24].

Практика демократических преобразований в мире отличается от рекомендаций британского политолога. Сами методы «распространения демократии» далеко не всегда демократичны. В первую очередь это относится к американской стратегии «распространения демократии», в которой не прописано никакой необходимости изучения исторических аспектов, сложившегося менталитета тех государств, которым США помогают перейти к демократии.

К примеру, Хелд указывает, что «в ходе восточноевропейских революций 1989–1991 годов принципы самоопределения и согласия с действиями правительства вновь явились вызо-

вом принципу “единоличности” или, в особых случаях, “однопартийного” правления. Демократия вновь праздновалась как способ сдерживания власти государства, посредничества между конкурирующими индивидуальными и коллективными проектами, а также как средство сделать ключевые политические действия подотчетными» [8, с. 428]. Но мало кто обращал внимание в 1990-е гг. на такие тонкости демократического процесса. Скорее, следовали принципу, делай как я. За образец бралась западная, в первую очередь американская, демократия, и всей Восточной Европе, а также странам, образовавшимся после распада СССР, предлагалось следовать этому образцу. Даже реальное различие экономических возможностей и политической культуры этих стран было вторичным. Процесс и объем помощи США определялись лишь готовностью следовать американскому образцу, что реально обеспечивало для США формирование дружественных режимов и утверждение своей главенствующей роли в международных делах.

Хелд указывает, что в условиях, когда множественность интересов формирует «различные директивные режимы, демократия, ко всему прочему, предлагает основу для терпимости, дискуссий и переговоров» [8, с. 428]. Однако к этому следует добавить, что таким образом работает лишь подлинная демократия. На практике же демократические преобразования происходят далеко не всегда одинаково, не всегда последовательно и не всегда с учетом мнения большинства. Продавливание необходимых результатов в процессе либеральных выборов, с применением форм экономического, политического и, даже, военного воздействия извне особенно настойчиво проводилось американским правительством в 1990-е гг.

По Хелду, «идея демократии важна, поскольку она не представляет всего лишь одну ценность из многих других, таких как свобода, равенство или правосудие, но является ценностью, которая может быть посредником между конкурирующими директивами и связать их... Демократия не предполагает согласия по различным ценностям – скорее, она предлагает способ взаимосвязи ценностей и предоставления разрешения ценностных конфликтов участникам открытого процесса... В этом кроются и другие элементы ее притягательности» [8, с. 429]. По мнению автора, демократия не является ответом на все вопросы, но при адекватном следовании демократическим принципам всегда можно составить «программу изменений, в которой и посредством которой насущные и наиболее значимые вопросы получают лучшую возможность для обдумывания, обсуждения и решения, чем при альтернативных режимах» [8, с. 429].

Остается лишь констатировать, что ни в конце XX в., ни в XXI в. большинство политических деятелей либо никогда не были знакомы с трактовками демократии от Дэвида Хелда, либо не сочли их правильными или жизнеспособными.

Философское осмысление демократического процесса

О роли и месте демократического процесса в развитии государственности неоднократно высказывался известный немецкий философ и социолог, профессор университета имени Гете во Франкфурте-на-Майне Юрген Хабермас. Он рассматривал «начала американской, французской и английской демократии... в более всеобъемлющем контексте общественной модернизации» [6, с. 23]. При этом Хабермас, исследуя процессы послевоенной демократизации в Германии, справедливо утверждал, что на первоначальном этапе трансформации общества невозможно было говорить о результативности этого процесса и утверждать, что «принципы до известной степени навязанного извне демократического строя укоренились в головах и сердцах граждан. И очевидно, такое изменение менталитета не могло происходить изолированно. Невозможно было внедрить его и попросту административно» [6, с. 23–24].

Особое значение в процессе приобщения к демократическим ценностям Хабермас отводил публичным пространствам, по которым, по его мнению, «можно считать структуры общественной интеграции» [6, с. 24]. Переходя к современным сообществам, он утверждал, что их общность «может устанавливаться и репродуцироваться лишь с помощью процесса формирования общественного мнения и общественной воли» [6, с. 24], а «к состоянию демократии можно прислушаться по пульсу ее политической публичности» [6, с. 24].

С результатами своих исследований по теории демократии профессор Хабермас познакомил советское научное сообщество в апреле 1989 г. в цикле из трех лекций, прочитанных в Институте философии АН СССР. Во второй из них, обращаясь к философскому спору вокруг идеи демократии, он отмечал, что наибольший спор философов вокруг понятия «демократия» разожгла Великая французская революция. Саму революцию профессор определял одновре-

менно и аргументом, и событием, так как «она облекалась в одежды дискурса о правах разума и оставила многочисленные следы в политических идеологиях XIX и XX вв.» [5, с. 33]. Результаты мировоззренческой борьбы ученых Ю. Хабермас обошил и упорядочил, исследуя противоборствующие идеи «либералов и демократов, социалистов и либералов, анархистов и социалистов и, наконец, консерваторов со всеми прогрессистами» [5, с. 33].

Особый интерес в исследовании Хабермаса представляет вопрос о размежевании либералов и радикальных демократов. Хабермас определил его как спор о том, «как возможно совместить равенство со свободой, единство с плюрализмом, множественностью или права большинства с правами меньшинства» [5, с. 34]. Профессор указывал, что для либералов права человека обладают приоритетом перед демократией, а конституция, разделяющая власть на исполнительную и законодательную, обладает преимуществом перед волей демократического законодателя. Напротив, радикальные демократы «понимают коллективную практику свободных и равных людей как формирование суверенной воли. Для них права человека проистекают из суверенной воли народа, а конституция, которая разделяет разные формы власти, обязана своим происхождением просвещенной воле демократического законодателя» [5, с. 34].

Изучив в этом научном споре мнения различных оппонентов, включая труды Руссо, Канта, де Токвиля, профессор Хабермас указал, что его коллеги отмечали «многообразие интересов, которые надо как-то выравнять, подчеркивали плюрализм мнений, который надо преобразовать в некий консенсус большинства» [5, с. 36]. Для резюмирования этого научного спора Хабермас обращается к мнению немецкого политолога XIX в. Юлиуса Фребеля, который увязал принцип свободной дискуссии с принципом большинства, утверждая, что решение большинства может приниматься как итог дискуссии, которая завершается ввиду необходимости принятия какого-то решения. Фребель писал: «Дискуссия способствует тому, чтобы убеждения, которые сложились в духовном мире различных людей, воздействовали друг на друга; она разъясняет их и расширяет круг тех, кто их признает... Практическое определение права – это следствие развития и признания предшествующего теоретического правосознания в обществе, но достигнуть этого можно только... благодаря согласию и принятию решения большинством голосов» [5, с. 38–39]. По мнению Хабермаса, Фребель интерпретирует решение большинства как условное согласие меньшинства с практикой большинства. По Фребелю, «от меньшинства никто не требует, чтобы оно отказывалось от своей воли, чтобы оно объявляло свое мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним» [5, с. 39].

Такое идиллическое определение демократических ценностей от политолога XIX в. профессор Хабермас в 1989 г. приводил, несомненно, как образец развития демократии, прекрасно видя и понимая причины многочисленных отступлений от основополагающих принципов демократии, допуская в конце XX в.

Обращаясь к противоборству идей анархистов и социалистов, Хабермас показывает, что утопичность анархистских идей стала понятна еще в XIX в. Анархистское стремление к минимальной степени институализации и противодействие вертикальному построению власти оказалось нежизнеспособным. В своей лекции профессор отмечал, что «анархистский проект общества, который сводился к горизонтальной сети ассоциаций, и прежде был утопическим, а уж сегодня он терпит крах в силу потребности современных обществ в управлении и организации» [5, с. 47].

Напротив, спор консерваторов с различными прогрессистскими течениями вокруг идеи демократии является острым и продолжает оставаться актуальным. Хабермас вновь обращается к историческим корням идеологии, но теперь уже идеологии консерватизма. Он отмечает, что еще основоположник политического консерватизма философ Жозеф де Местр (1753–1821) и философ-традиционалист Луи Бональд (1754–1840) «критиковали слишком наивное прогрессистское сознание, напоминая ему о границах того, что вообще может быть сделано» [5, с. 51]. Профессор Хабермас усматривает главные претензии консерваторов к прогрессистам в том, что их «проекты самоорганизации общества пролагают себе дорогу, оставляя без внимания влияние традиций, пренебрегая возможностями органического роста, наличием ресурсов, которые ведь не могут же увеличиться по чьему-либо желанию» [5, с. 51].

Невозможно не считаться с такой консервативной аргументацией, которая опирается на реальные проблемные вопросы. Однако, по мнению Хабермаса, такое «фактически инстру-

ментальное понимание практики, которая мыслится просто как реализация некоей теории, имеет разрушительные последствия» [5, с. 51]. Явно придерживаясь прогрессивных взглядов, профессор Хабермас аргументированно доказывает их правоту и высказывает как постулат мнение о возможности продвижения демократии в различные общественные системы, полагая, что любое, даже «сложное общество также открыто такому фундаментальному демократизированию» [5, с. 51].

В рассматриваемой лекции профессор Хабермас, раскрывая дискурс о свободе и равенстве, продолжающийся «в споре социализма с либерализмом» [5, с. 42], обращается к учению Маркса и Энгельса. Профессор, в частности, отдает должное тому, что «Маркс и Энгельс расширили само понятие “политическое”. Теперь под ним они понимают не только организацию государства, но и общественный порядок в целом» [5, с. 42–43]. Однако Юрген Хабермас, при всем уважении к марксистскому учению, указывает на необходимость его критического прочтения. Он обращает внимание на то, что расширению понятия «политическое» не соответствовало «более углубленное уразумение способов функционирования, форм коммуникации и условий институционализации, при которых формируется эгалитарная воля. Ибо мысль по-прежнему направлялась холистским представлением о политизированном обществе, основанном на труде. Ранние социалисты еще были полны надежд на то, что правильно устроенный процесс производства сам собой породит соответствующие ему жизненные формы, где рабочие будут вступать в свободные ассоциации. Эта идея рабочего самоуправления потерпела крах из-за того, что развитое, функционально дифференцированное общество оказалось слишком сложным» [5, с. 43–44].

Иными словами, признавая правильность учения Маркса в главном, Хабермас указывает на отсутствие проработки в марксистском учении важных составляющих его элементов. Развивая это утверждение, профессор обращает внимание на то, что «и ленинская стратегия завоевания власти профессиональными революционерами не могла возместить отсутствие политической теории» [5, с. 44]. Хабермас утверждает, что дефицит теории привел к ситуации апории, когда логически верно выстроенные суждения, не будучи подкрепленными описывающей их теорией, не соответствуют реальным фактам и воплощениям. Далее в своей лекции профессор Хабермас констатировал, что «в наши дни эти апории должны быть поняты и преодолены; с этим связаны... реформы Горбачева» [5, с. 44].

Свои взгляды на горбачевские реформы в СССР западный немец профессор Хабермас изложил в 1988 г. в беседе с философом из ГДР Хансом-Петером Крюгером. Отвечая на вопрос о возможной связи его коммуникативно ориентированной философии и теории общества с требованием «нового мышления» в мировой политике, а также начатыми в Советском Союзе реформами под лозунгами «перестройки» и «гласности», профессор Хабермас, выросший на традициях «западного марксизма», обратил внимание на факт неразработанности политической теории, позволившей бы совершенствовать социалистическое общество. В связи с этим он заявил: «Вместо того чтобы полагаться на разум производительных сил, т. е. в конечном счете на разум естествознания и техники, я доверяю производительной силе коммуникации, которая наиболее отчетливо выражается в борьбе за социальное освобождение. Этот коммуникативный разум заставил считаться с собой и в движениях за гражданскую эмансипацию – в борьбе за суверенитет народа и права человека. Он отложился в учреждениях демократического правового государства и институтах гражданской общественности. Советский же марксизм, вместо того чтобы высвободить и радикализировать эмансипирующее содержание этих исторических завоеваний, не в полной мере к ним приобщался» [5, с. 83–84].

Вместе с тем тогда, в 1988 г., профессор Хабермас верил, что горбачевские реформы, нацеленные на то, чтобы «нагнать упущенное и добиться демократического плюрализма на основе небюрократического социализма... действительно могут освободить производительную силу коммуникации» [5, с. 84].

А в 1989 г. в своем московском интервью Хабермас дал ответ на вопрос о роли философии в обществе и ее возможном влиянии на процесс демократизации и проведения горбачевских реформ. Он, в частности, отметил, что в Москве «мы имеем дело с процессом становления политической общественности, в рамках которой при решении настоятельных проблем, усиленных процессами коммуникации, могут играть полезную роль не только историки, с одной стороны, и экономисты – с другой, но и философы» [5, с. 109]. Прикладную роль философии Хабермас видел в четком представлении тех альтернатив, «перед которыми стоят демократизация и децентрали-

зация бюрократического социализма» [5, с. 110]. На пути совершенствования социализма опыт НЭПа и более или менее удавшийся компромисс социал-демократов при построении «социального государства» Хабермас считал недостаточным. Он также предупреждал, что «социалистический эквивалент социально-государственного самоусовершенствования развитого капитализма, которое по-прежнему достигается в результате больших усилий и обходится обществу достаточно дорого, может быть обнаружен только на пути проб и ошибок и в рамках сознания, признающего возможность собственных ошибок» [5, с. 110–111].

Признание собственных ошибок, как известно, следует за их совершением. Но далеко не всегда ошибки могут быть исправлены. А вот избежать ошибок, особенно политических, особенно когда на крату поставлена безопасность и целостность государства, – дело как архиважное, так и архисложное. И вновь приходится констатировать, что научное мнение не всегда бывает востребовано представителями власти, а в таком случае и не может повлиять на их решения.

Однако следует отметить, что и научное исследование не всегда оказывается верным в своих выводах. Ход истории может поставить под сомнение правильность сделанных ранее научных выводов, даже когда речь идет о самом «конце истории».

Известный американский философ Френсис Фукуяма именно таким вопросом, «Конец истории?», озаглавил свою статью в «The National Interest». Опубликованная летом 1989 г., статья послужила катализатором большой научной полемики о торжестве либеральной демократии. Сам Фукуяма считал, что «триумф Запада, западной *идеи* очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» [2, с. 84]. Иными словами, по мнению американского философа, никакая идеология уже не могла противостоять либеральной демократии, и вопрос о ее окончательной победе являлся лишь вопросом времени. Именно в том смысле, что либеральная демократия является конечной стадией исторического развития, Фукуяма и провозгласил конец истории. Он, в частности, утверждал: «То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе» [2, с. 85].

Это утверждение о победе либеральной демократии Френсис Фукуяма через три года развил в книге «Конец истории и последний человек». Исследовав исторический процесс социально-экономического развития человечества, указав на трудности продвижения либеральной демократии в различные общества и на различные возможности отката этого процесса, Фукуяма, тем не менее, и в 1992 г. утверждал, что «всемирный характер современной либеральной революции имеет особое значение, поскольку он является еще одним свидетельством того, что действует фундаментальный процесс, диктующий общую эволюционную закономерность для всех человеческих обществ, – короче говоря, существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии» [3, с. 95].

На неточности в научных изысканиях Фукуямы указывали многие ученые. Под действием этих критических замечаний и, особенно, после известных террористических актов 11 сентября 2001 г. против цитадели либеральной демократии, самих Соединенных Штатов, Фукуяма изменил свои взгляды на «конец истории». Но тогда, в 1990-е гг., многие политики с готовностью опирались на научную основу процесса распространения либеральной демократии, предложенную Френсисом Фукуямой. Сам Фукуяма, подписав вместе с видными неоконсерваторами и республиканцами несколько писем президенту Клинтону, а затем Бушу-младшему, призывал их, в частности, к решительным действиям по отстранению от власти в Ираке режима Саддама Хусейна.

В начале 1990-х гг. в теории международных отношений противопоставлялись два взгляда на мировую политику: конец истории Ф. Фукуямы и столкновение цивилизаций С. Хантингтона. Сам Фукуяма так охарактеризовал это противоборство идей: «... работы “Конец истории” и “Столкновение цивилизаций” рассматриваются как два принципиально отличающихся друг от друга взгляда на мировую политику. Как полагают многие, в первой из них утверждается мысль, что мир будет переживать разрастание зоны устойчивой либеральной демократии и интегрирование рыночного капитализма – то, что позже было названо глобализацией, – в то время как в рамках хантингтоновской парадигмы мир представляется в виде конфликтующих зон, где главная линия разлома пролегает не между идеологиями, а между различными культурами» [4].

Кроме этого определения, приведенного в 2007 г. в русскоязычной статье «Столкновение культур и американская гегемония», Ф. Фукуяма раскрыл и разницу во взглядах двух ученых на необходимость войны в Ираке. Фукуяма, выступавший еще с 1990-х гг. за силовое воздействие на тоталитарный режим С. Хусейна, указывал, что Хантингтон был против войны в Ираке: «Тогда он сказал, что на тот момент мы еще не были вовлечены в цивилизационный конфликт, но что эта борьба может перерасти в таковой, если мы совершим вторжение в Ирак. Таким образом, он вновь оказался пророчеством» [4]. Сам же Фукуяма на рубеже веков еще был уверен в возможности победного шествия либеральной демократии в различные регионы мира.

Продвижение демократии в незападные сообщества

В своей книге «Конец истории и последний человек» Фукуяма утверждал: «...демократическое правление вырвалось со своего первоначального плацдарма в Западной Европе и Северной Америке и глубоко продвинулось в другие части света, отличные от названных политическими, культурными и религиозными традициями» [3, с. 95–96].

Действительно, в 1980–1990-е гг. процесс продвижения демократии охватил не только Европу, но и Азию, Африку, Латинскую Америку. При этом для рассмотрения и анализа процесса демократизации, особенно в незападных развивающихся странах, достаточно эффективно использовался акторно-ориентированный (субъектно-ориентированный) подход. Ставки на политических лидеров, чаще оппозиционных, в тех государствах, куда направлялись усилия демократического процесса, объяснялись именно концепцией субъектно-ориентированного управления. Как отмечал профессор политологии университета Северной Каролины Гарри Маркс, «хотя в некоторых обстоятельствах руководители правительств не в состоянии остановить распространение определенных авторитарных воздействий, они, как правило, играют решающую роль как в национальном распределении компетенций, так и в международных делах...» [13, с. 22].

Не считая акторно-ориентированный подход всегда подходящим для стимулирования и анализа процесса демократизации, профессор Хасегава (Нихонский университет, Япония) тем не менее, отнес его к «наиболее доминирующим при проведении анализа процесса демократизации многих незападных развивающихся стран» [9]. При этом профессор полагает, что существующая теория демократизации «эффективна в том, что касается объяснения процесса перехода к демократии, а не его последствий. Поэтому необходимо построить теоретическую гипотезу вокруг всей серии событий, связанных с демократией, таких как установление, стабильность и развитие демократии, а также того, как избежать ее регресса и краха» [9].

Вместе с тем Хасегава уточняет и фукуямовскую теорию «распространения демократии» в незападные сообщества. Признавая возможность этого процесса в XXI в., но не его окончательную победу в веке двадцатом, японский профессор говорит о необходимости создания условий, подобных западноевропейскому сообществу, для утверждения демократических преимуществ в обществах незападного образца. Он утверждает, что переходный процесс «занимает меньше времени в странах, которые разделяют однородность или сходство с западноевропейским обществом, особенно в других европейских странах. Таким образом, для того чтобы незападные общества приблизились к западноевропейской цивилизации с ее технологической и научной основой, этот подход неизбежно потребует формального подражания и принятия, что естественно, правил игры догоняющего в рамках научно-технической модели, созданной западноевропейской цивилизацией» [9].

Вопросом «распространения демократии» в незападные страны задался и Тунисский доктор социологии, исламист, будущий министр иностранных дел Туниса (2004–2005) Мохаммед Абдельбеки Хермасси. Свое исследование он посвятил факторам, имеющим прямое отношение к развитию демократического процесса в мусульманском мире. По его утверждению, уже в 1980-е гг. «многие задавались вопросом, возможно ли в мусульманских странах в эпоху государственного строительства иметь партии, аналогичные европейским христианско-демократическим» [10, с. 41]. По мнению доктора Хермасси, ответ на этот вопрос не мог быть обнадеживающим по двум причинам. Во-первых, подобные партии появились в европейских государствах как компоненты более широкой партийно-политической системы, в которой церковь отделена от государства. Во-вторых, христианские государства в своем развитии прошли Реформацию. Между тем «в мусульманском в мире не было эквивалентного периода реформ. Оккупация исламских земель колониальными и имперскими державами побуждала ислам делать то, что он делает лучше всего: то есть противостоять, но не реформировать себя или модернизировать» [10, с. 41].

Доктор Хермасси уже в 1980–1990-е гг. обращал внимание на террористические склонности отдельных течений ислама. Противостояние подобным исламистским течениям он видел в развитии демократии. Но процесс этот Хермасси считал небыстрым. «Демократия – это, как мы все знаем, долгосрочный процесс, требующий основ. Такие основы на Ближнем Востоке еще только предстоит создать. Но, думаю, мы вправе сделать первый шаг, заложить предпосылки и основы демократии» [10, с. 46], – писал он в 1993 г. в своей работе «Ислам, демократия и проблема политических преобразований». Достижение демократических преобразований доктор Хермасси связывал с установлением политической открытости общества, улучшением жизни населения и формированием «заслуживающей доверия оппозиции» [10, с. 47].

Вместе с тем Хермасси высказывает мнение, что к началу 1990-х гг. попытки создания мусульманских партий европейского типа и внесения в исламистское движение западных взглядов и ценностей закончились ничем. Он констатирует, что «...концепция умеренного исламизма практически мертва. Сменилось поколение политических лидеров, которые пытались дать шанс выборной системе и легально участвовать в политических играх. Новое поколение лидеров часто является террористическим аппаратом...» [10, с. 42].

О несоответствии исламских движений демократическим нормам высказывался в этот период и американско-израильский доктор философии Мартин Крамер. По его мнению, попытки интерпретации исламистских течений как замаскированных демократических движений либо представляют желаемое за действительное, либо демонстрируют предвзятое мышление. Это утверждение он подкрепляет мнением своего учителя, Бернарда Льюиса (американский историк Ближнего Востока: 1916–2018), о том, что исламские «фундаменталисты не используют или даже злоупотребляют термином “демократия” в своем дискурсе» [12, с. 32].

Тем не менее Крамер указывает, что к началу 1990-х гг. в научной среде появилось немало сторонников представления исламского фундаментализма как течения, пытающегося примирить традиционные мусульманские традиции с реальной жизнью и даже отождествить этот процесс с протестантской Реформацией. По его мнению, «эта разновидность теории демократии, прежде всего, привержена тезису о том, что мир неуклонно и неуклонно движется к демократизации в рамках универсального и неизбежного процесса. Исламский арабский мир не является исключением. Но в случае арабского мира есть трудности, потому что нет очевидных демократических движений, движений, которым западное мнение сразу бы сочувствовало, как в Восточной Европе» [12, с. 32].

С одной стороны, Мартин Крамер признает, что «ислам как система верований, которая утешает и вдохновляет сотни миллионов людей, не всегда получал должное признание на Западе, и уж точно не в средствах массовой информации. И на Западе можно обнаружить прискорбную тенденцию связывать религию ислама с террором и деспотизмом» [12, с. 33]. Но, тем не менее, исходя из реалий развития исламского фундаментализма, доктор Крамер утверждает, что «исламский фундаментализм становится нормой ислама» [12, с. 33], а само исламское политическое течение не стремится к «исламскому модернизму, попытке примирить ислам с современными ценностями» [12, с. 33].

При этом доктор Крамер задается двумя важными вопросами: «...пытаются ли фундаменталисты примирить ислам с демократией? Действительно ли они формулируют свои мысли в рамках демократического дискурса...» [12, с. 34]. Сжатый ответ Крамера на эти вопросы: «Я не вижу доказательств этому» [12, с. 34]. Свою убежденность он подтверждает тем, что «принципиальная позиция каждого крупного фундаменталистского мыслителя... заключается в том, что демократия не имеет отношения к исламу и что ислам превосходит демократию. С этой точки зрения роковой недостаток демократии заключается в том, что она опирается на суверенитет народа... является по своей сути произвольным правлением, потому что она включает прихоти меняющегося электората, а электораты всегда меняются по своей природе. Ни один фундаменталист не готов подчиниться воле этого электората, если она противоречит исламским законам» [12, с. 34]. Действительно, ни один правоверный мусульманин не будет голосовать за Бога, он просто сознает свою ответственность перед Богом и всегда следует его воле.

Основные выводы, к которым пришел в 1993 г. доктор Мартин Крамер, таковы:

1. Ислам стремится к статусу великой державы. «Фундаменталисты не рассуждают в терминах глобально взаимозависимого мира. Они сейчас фантазируют о новом мировом порядке, сильно отличающемся от западных представлений. В их видении, ислам будет дей-

ствительно продавать свою нефть, но при условии, что мусульманам будет разрешено инвестировать средства в инструменты войны, чтобы дать им возможность переломить ход современной истории. Такое разрастание в конечном итоге приведет к новому мировому порядку, основанному не на американской гегемонии, но на новом балансе сил между пробудившимся исламом и Западом» [12, с. 38].

2. С фундаменталистской точки зрения, Израиль существует на землях ислама. «По мнению фундаменталистов, Палестина является священной для ислама землей; это земля, украденная евреями. Израиль – это раковая опухоль в исламском мире, посаженная западным империализмом и возвращенная Соединенными Штатами» [12, с. 39]. И это общее мнение всех исламистских движений.

Не ставя перед собой цели «предписать конкретную политику для конкретных правительств» [12, с. 39], Мартин Крамер призывает продолжить научную дискуссию, которая «должна предваряться пристальным взглядом на то, что есть, и возвращением к внимательному толкованию первичных источников» [12, с. 39–40].

Дискурс о соотношении исламских начал и демократических преобразований продолжался, как в XX в., так и в XXI в. В 2014 г. на страницах пакистанской «Daily Times» доктор наук из Индии Таусеф Ахмад Паррай уточнил, что в 1980–1990-е гг. в обиход вошел термин «исламская демократия». При этом автор обратил внимание на тот факт, что в этот период многие маститые американские ученые, такие как Ф. Фукуяма, Б. Барбер, С. Хантингтон, хотя и по-разному, но совместными усилиями укрепляли идею о том, что «мусульманская вера и исламская цивилизация не соответствуют и отклоняются от свободы, демократии, прав человека, гендерного равенства и других эмансипационных принципов; но разнообразие голосов – от сторонников до противников, от исламистов до модернистов – привлекает как мусульманских, так и западных ученых...» [14].

Опираясь на научные работы своих пакистанских коллег, доктор Паррай указывает, что термин «демократия» не является каноническим или разъясненным в мусульманском священном предании Сунне. Анализ принципов демократии и мусульманских канонических источников лишь позволяет сделать вывод, «что исламское наследие – культурное и интеллектуальное – содержит идеи и идеалы, ключевые концепции, институты и ценности, которые указывают на *сходство* с демократическими принципами и представлениями» [14].

Этот вывод позволяет автору вновь сохранить нам надежду на возможное существование «исламской демократии» и ее не противопоставление западной. В завершение своей статьи он пишет: «...таким образом, можно с уверенностью утверждать, что, хотя существуют важные и глубокие различия между исламом и демократией, в то же время “синтез видов” между ними в высшей степени возможен» [14].

Стабильность демократии

Процесс «распространения демократии», возведенный Соединенными Штатами в ранг своей внешнеполитической стратегии, во второй половине 1980-х гг. многим западным ученым, в первую очередь американским, представлялся победоносно шествующим по всему миру. Однако предсказанный Френсисом Фукуямой «конец истории», как конец альтернативного общественно-экономического развития и победы либеральной демократии, оказался преждевременным. Более того, сама возможность «конца истории» неоднократно оспорена коллегами по научному сообществу американского философа.

Третья волна демократизации, по Хантингтону, пик которой пришелся на рубеж 1980–1990-х гг., все-таки оставила за бортом демократических преобразований практически весь мусульманский мир и ряд стран коммунистической ориентации, включая такого гиганта, как Китай.

Иными словами, возможностью демократических преобразований воспользовались далеко не все государства. Закономерно встает вопрос: а так ли это важно для современного мира? Для большинства либеральных теоретиков это вопрос риторический.

Вместе с тем недавнее исследование канадского профессора политологии Пола Хоу показывает, что вопрос о всеобщей победе либеральной демократии в XXI в. отошел на второй план. В наше время более актуальная проблема – остановить откат демократии как в странах, избравших эту идеологию развития в конце XX в., так и в государствах с давно сложившимися демократическими устоями. В своей работе профессор Хоу, опираясь на опросы общественного мнения, проводимые с 1981 г. Ассоциацией Всемирного Обзора Ценностей (World Values

Survey Association – WVS), исследует вопросы размывания демократических норм и демократической деконсолидации не где-нибудь, а непосредственно в США.

Пока у демократии в Америке нет серьезных проблем. Однако факторы, на которые указывает Пол Хоу, настораживают. К тревожным тенденциям как в Соединенных Штатах, так и в Европе, автор, в первую очередь, относит тот факт, что «с 1995 года поддержка ключевых демократических принципов ослабла, в то время как появилась удивительная степень открытости к недемократическим альтернативам. К сожалению, именно молодые граждане чаще всего выражают более слабое чувство привязанности к демократии» [11, с. 15].

Профессора Хоу беспокоят постепенное ухудшение политической культуры и современная специфика электоральности в демократическом процессе. По его мнению, в избирательных компаниях ряда развитых стран участвуют лидеры явно популистского толка. При этом они «соревнуются в демократическом процессе, но со словами и действиями, которые выражают пренебрежение основными демократическими принципами, такими как верховенство права, права меньшинств и сдержки и противовесы исполнительной власти» [11, с. 23]. По мнению автора, такие люди склонны к презрению общественных норм, а это презрение к демократическим принципам может вытекать из несдержанного и беспринципного мышления. К сожалению, такой вывод автор делает не только в отношении политиков, вступивших в предвыборную борьбу. То же самое может относиться и к населению в целом. Пол Хоу резюмирует: «...широкая совокупность трансгрессивных и антиобщественных настроений среди определенной части населения является важной причиной растущего пренебрежения демократическими нормами» [11, с. 24].

Особое беспокойство вызывает следствие этого несдержанного поведения, заключающееся в выводе Хоу о том, что «те, кто отвергает основные принципы демократии, не обязательно принимают авторитаризм или, по крайней мере, не тот его вид, который предполагает фактическое уважение власти. Вместо этого они грубо игнорируют широкий спектр социальных норм и терпимо относятся к различным видам незаконного и антиобщественного поведения» [11, с. 24].

Встает вопрос: неужели в лоне либеральной демократии зреет новая общественно-экономическая формация «вседозволенности»? Ответ на этот вопрос может дать только время, а исследовать его сможет история.

Список литературы

1. Белевцева С. Н. Американская историография о «распространении демократии»: цель и средство во внешней политике США 1980–1990-х гг. // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2018. № 2 (46). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/051-018.pdf> (дата обращения: 05.07.2018)
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2010. 588 с.
4. Фукуяма Ф. Столкновение культур и американская гегемония / пер. с англ. Е. Иванова, М. Ильченко // Без темы. 2007. № 1 (3). URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5835> (дата обращения: 11.07.2018)
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : Изд. центр «Академия», 1995. 256 с.
6. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Изд-во «Весь Мир», 2011. 336 с.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЕН, 2003. 368 с.
8. Хелд Д. Модели демократии. 3-е изд. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 544 с.
9. Hasegawa H. An essay on a new theory of democracy in the non-western countries // Journal of Political Sciences & Public Affairs, 2018. Vol. 6. Issue 1. URL: <https://www.omicsonline.org/open-access/an-essay-on-a-new-theory-of-democracy-in-the-nonwestern-countries-2332-0761-1000324-100387.html> (дата обращения: 06.07.2018)
10. Hermassi M. A. Islam, democracy, and the challenge of political change // Democracy in the Middle East: defining the challenge. Washington, D.C. : A Washington Institute Monograph, 1993. P. 41–51.
11. Howe P. Eroding norms and democratic deconsolidation // Journal of Democracy, October 2017. Vol. 28. № 4. P. 15–29.
12. Kramer M. Where Islam and democracy part ways // Democracy in the Middle East: defining the challenge. Washington, D.C. : A Washington Institute Monograph, 1993. P. 31–40.
13. Marks G. An actor-centred approach to multi-level governance // Regional & Federal Studies. Vol. 6, 1996. Issue 2. P. 20–38.
14. Parray T. A. Theoretical perspectives on the Islam-democracy discourse // Daily Times, 2014, April 13. URL: <https://dailytimes.com.pk/105143/theoretical-perspectives-on-the-islam-democracy-discourse/> (дата обращения: 12.07.2018).

The advancement of the theory of democracy in the late XX century: foreign historiography

S. N. Belevtseva

PhD of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of general history,
Kursk State University, Russia, Kursk. ORCID: 0000-0002-1939-4623.
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Abstract: the relevance of the article is determined by the modern demand for the theory of democratization, both in Russia and in most countries of the world. The aim of the article is to reveal the perception of the American strategy of "distribution of democracy" by representatives of the scientific community of different States. Without claiming to cover the full range of problems of promoting democracy of the American model in different regions of the world, the article investigates a number of General theoretical issues on this topic. In addition, the philosophical justification of the democratic process by leading scientists of the late XX – early XXI centuries is considered, the prospects of "distribution of democracy" into sudden communities are explored. As a conclusion on the topic the question of the stability of the gains of democracy is considered. The article analyzes the works of prominent scientists (F. Fukuyama, S. Huntington, J. Habermas), and less famous representatives of the scientific community. In this exploration there are works of scientists from different countries: USA, Canada, UK, Germany, Israel, Japan, Tunisia, India. The article may be of interest for scientists, teachers and students, as well as for political functionaries interested in promoting and expanding the democratic process.

Keywords: distribution of democracy, democratic transformation of the late twentieth century, democracy of non-Western societies, American democracy, democracy in Russia.

References

1. Belevtseva S. N. *Amerikanskaya istoriografiya o «rasprostraneniі demokratiі»: cel' i sredstvo vo vneshnej politike SSHA 1980–1990-h gg.* [American historiography on the "spread of democracy": the purpose and means in U.S. foreign policy 1980–1990] // *Uchenye zapiski : ehlektron. nauch. zhurn. Kurskogo gos. un-ta.* 2018. № 2 (46) – Scientific notes: electr. scientific journal. Kursk State University. 2018, № 2 (46). Available at: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/051-018.pdf> (date accessed: 05.07.2018)
2. Fukuyama F. *Konec istorii?* [The end of the history?] // *Voprosy filosofii* – Question of philosophy. 1990, No. 3, pp. 84–118.
3. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelove* [The end of history and the last man]. M. AST. 2010. 588 p.
4. Fukuyama F. *Stolknovenie kul'tur i amerikanskaya gegemoniya* [Clash of cultures and American hegemony] / transl. from English by E. Ivanov, M. Ilchenko // *Bez temy* – Without topic. 2007, No. 1 (3). Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5835> (date accessed: 11.07.2018)
5. Habermas YU. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'. Moskovskie lektsii i interv'y* [Democracy. Mind. Morality. Moscow lectures and interviews]. M. Publ. center ACADEMY. 1995. 256 p.
6. Habermas YU. *Mezhdru naturalizmom i religiej. Filosofskie stat'i* [Between naturalism and religion. Philosophical articles]. M. Publishing house "Ves' Mir". 2011. 336 p.
7. Huntington S. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v konce HKH veka* [The third wave. Democratization in the late twentieth century]. M. ROSSPEN. 2003. 368 p.
8. Held D. *Modeli demokratiі* [Models of democracy. 3-e publ.] M. Publ. house "Delo" RAPESS. 2014. 544 p.
9. Hasegawa H. An essay on a new theory of democracy in the non-western countries // *Journal of Political sciences & Public Affairs*, 2018. Vol. 6. Issue 1. Available at: <https://www.omicsonline.org/open-access/an-essay-on-a-new-theory-of-democracy-in-the-nonwestern-countries-2332-0761-1000324-100387.html> (date accessed: 06.07.2018)
10. Hermassi M. A. Islam, democracy, and the hallege of political change // *Democracy in the Middle East: defining the challenge.* Washington, D.C.: A Washington Institute Monograph, 1993. P. 41–51.
11. Howe P. Eroding norms and democratic deconsolidation // *Journal of Democracy*, October 2017. Vol. 28. № 4. P. 15–29.
12. Kramer M. Where Islam and democracy part ways // *Democracy in the Middle East: defining the challenge.* Washington, D.C. : A Washington Institute Monograph, 1993. P. 31–40.
13. Marks G An actor-centred approach to multi-level governance // *Regional & Federal Studies.* Vol. 6, 1996. Issue 2. P. 20–38.
14. Parray T. A. Theoretical perspectives on the Islam-democracy discourse // *Daily Times*, 2014, April 13. Available at: <https://dailytimes.com.pk/105143/theoretical-perspectives-on-the-islam-democracy-discourse/> (date accessed: 12.07.2018).

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902/908

doi: 10.25730/VSU.2070.18.008

Археологические работы на территории Успенского Трифонова монастыря

Л. А. Сенникова¹, А. О. Кайсин², Ю. А. Онуфриенко³,
М. В. Жилина⁴, А. М. Борисова⁵

¹ кандидат исторических наук, научный сотрудник Кировского областного краеведческого музея.
Россия, г. Киров. E-mail: sennicova@mail.ru

² заведующий научно-исследовательской археологической лабораторией,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: akai_slob@mail.ru

³ лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: onufrienko@yuliya@mail.ru

⁴ магистрант Гуманитарного института, Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого. Россия, г. Великий Новгород. E-mail: zhilina.margarita@yandex.ru

⁵ лаборант научно-исследовательской археологической лаборатории,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: annalein8321@gmail.com

Аннотация: статья содержит описание археологических надзорных работ, произведенных Кировским областным краеведческим музеем на территории Вятского Успенского Трифонова монастыря. В 1580 г. на городской земле за пределами городской стены основан мужской Успенский Трифонов монастырь. В начале 1930-х гг. монастырь был окончательно закрыт. С середины 1980-х гг. началась планомерная и крупномасштабная реставрация ансамбля Успенского Трифонова монастыря. Во время реставрационных работ, проводимых на территории монастыря, в 1989–1991 гг. сотрудники сектора археологии Кировского областного краеведческого музея под руководством Л. А. Сенниковой осуществляли археологические наблюдения за земляными работами. В процессе археологического надзора обследовано шесть траншей под подземные коммуникации и шурфы вдоль стен братского корпуса. Авторам удалось на археологическом материале подтвердить наличие городского кладбища XV–XVI вв., определить его границы. В траншеях было выявлено немногим более 60 погребений. Особенностью захоронений являются повсеместные взаимные нарушения могильных ям. Были выявлены слои, которые являются следами пожаров, уничтожавшими постройки монастыря в 1674 и 1679 гг. Кроме этого было обнаружено два погребальных сооружения (склепа), связанных с деятельностью монастыря в Новое время, удалось определить личность одного из погребенных, зафиксировать погребальную обрядность иерархов Русской православной церкви в XIX в. На основе морфологического анализа с применением естественнонаучных методов были выявлены некоторые особенности элементов материальной культуры монастырского подворья, технология производства и хронологические рамки найденных предметов.

Ключевые слова: топография Хлынова, городские кладбища, средневековая материальная культура, материальная культура раннего Нового времени.

Город Хлынов на реке Вятке возник в конце XIV в. как укрепленное поселение, выдвинутое далеко на северо-восток. Ремесло и торговля концентрируются в быстро растущем жилом посаде, складывающемся по «уличанскому» типу.

В 1580 г. на городской земле за пределами городской стены основан мужской Успенский Трифонов монастырь. За стенами города существовали и свободные от тягловых податей монастырские слободки – Большая и Малая Кикиморские или Заоградные (см. рис. 1а).

По грамоте царя Ивана Васильевича под монастырь отдавались непаханные наместничьи земли Семеновской и Ямской пустошей на южном берегу Засорного оврага [4, с. 35]. Можно полагать, что и выбор места – на старом городском кладбище (Семеновская пустошь) – был далеко не делом случая: здесь уже имелись необходимые на первое время культовые постройки – две парные (летняя и зимняя) церкви [8, с. 13], хотя и очень ветхие.

В XVII в. деревянный Успенский Трифонов монастырь представлял собой ансамбль, имевший в застройке, планировке и композиции общие типологические черты с другими рус-

скими монастырями. Последующие перестройки не изменили исторически сложившуюся структуру всего комплекса монастыря. Каменный архитектурный ансамбль монастыря, который сохранился до сегодняшнего дня, сформировался за период с 1684 по 1740-е гг.

В начале 1930-х гг. монастырь был окончательно закрыт, а в его храмах и строениях почти 50 лет располагались различные учреждения. С середины 1980-х гг. началась планомерная и крупномасштабная реставрация ансамбля Вятского Успенского Трифонова монастыря.

Во время реставрационных работ, проводимых в Успенском Трифоновом монастыре, в 1989–1991 гг. сотрудники сектора археологии Кировского областного краеведческого музея под руководством Л. А. Сенниковой осуществляли археологические наблюдения за земляными работами. В процессе археологического надзора обследовано шесть траншей под подземные коммуникации и шурфы вдоль стен братского корпуса.

Две траншеи («В» и «Г») разрежали пространство между настоятельским корпусом и северо-западной башней. В разрезе траншеи «В» в 3 м к югу от башни зафиксированы остатки деревянного сруба длиной 180 см и высотой 120 см. Возможно, это остатки настоятельской бани [6а, с. 318–319]. Траншея «Г» располагалась вдоль северной каменной ограды, в 4–5 м от ее края (рис. 2.1). По всей длине траншеи под слоем дерна фиксируются слои суглинка, насыщенные битым кирпичом и известковой крошкой, толщиной 25–30 см. Эти напластования могут быть связаны с разрушением каменной ограды после закрытия монастыря. В западной части траншеи «Г», как и в примыкающей к ней траншее «В», под слоем битого кирпича на всю глубину до материкового слоя прослежен довольно однородный слой красно-коричневого слабогумусированного суглинка с включениями битого кирпича, общая мощность этих напластований 0,8–1,0 м. В этой части монастыря в разное время располагались хозяйственные постройки (например, настоятельские бани) либо территория была занята под настоятельский огород, позднее – настоятельский сад.

В 12 м к западу от угловой башни в профиле траншеи «Г» сразу под дерновым слоем обнажились две стены кирпичной кладки. Расстояние между кирпичными стенами 4,4 м, толщина стен 65 см. По внешнему виду кирпичей и раствору цемента фрагменты этой постройки можно отнести к некоей конструкции XX в. В остальной (восточной) части траншеи над материковой глиной фиксируются слои гумусированного суглинка с углистыми включениями и углистый слой. Мощность этих напластований варьирует от 15 до 65 см. В непосредственной близости от настоятельских палат слой суглинка значительно насыщен органикой и различного рода включениями (щепка, битое стекло, кости животных, фрагменты слюды). Общая глубина слоя составляет 190 см.

Соборную площадь монастыря (пространство между собором, братским и настоятельским корпусами) в направлении запад-восток пересекали две траншеи «А» и «Д», в направлении север-юг – траншея «Е».

Траншея «Д» разрежала территорию от входа в настоятельские палаты до северо-восточного угла собора (см. рис. 1). В стенках траншеи к западу от собора на протяжении 13–15 м по всей ее глубине выявлено значительное количество разрушенных погребений. Какой-либо сопровождающий инвентарь отсутствует. В непосредственной близости от северо-западного угла собора на глубине 120–130 см была зафиксирована углистая прослойка. В шурфах под фундаментом собора также зафиксированы разрушенные погребения (см. рис. 2.1). За северным портиком собора количество погребений резко сокращается (см. рис. 2.2).

Мощные углистые прослойки в траншеях «Г» и «Д», вероятнее всего, являются следами пожаров, которые уничтожили постройки монастыря в 1674 и 1679 гг. [3, с. 64]

Траншея «А» проходила от настоятельских палат вдоль южного (внутреннего) фасада братского корпуса на расстоянии 4–5 м от фундамента. (см. рис. 2.1). Траншея обнажила культурный слой, представленный темно-серым гумусированным суглинком мощностью 1,6–1,8 м, состоящий из многочисленных прослоек. В разрезе средней части траншеи выявлено 14 разрушенных погребений городского кладбища. Неглубокие западения фиксировались и в нижней части культурного слоя, прорезая материк. Могильные ямы неглубокие, с плоским дном и вертикальными стенками. В некоторых случаях прослеживались остатки деревянных гробовищ. Заполнение погребений слабо отличается от окружающего слоя. Наибольшее количество погребений было выявлено около центральной части Братского корпуса, возле его стены и под фундаментом.

Костяки фиксировались не только в разрезах коммуникационных траншей, но и при нивелировке поверхности перед братским корпусом (восточная часть). При снятии верхнего слоя мощностью до 80 см было выявлено шесть костяков. Под одним из них обнаружены остатки тлена.

Вдоль северной (внешней) стены братского корпуса проложена небольшая по размеру траншея «Б», обнажившая фундамент северной стенки братского корпуса. Траншея позволила выявить отдельные захоронения, находившиеся под фундаментом. Удавалось зафиксировать, как правило, только наличие костяка уже в разрушенном состоянии.

Коммуникационная траншея «Е» порезала центральную часть соборной площади монастыря в направлении север-юг от братского корпуса до собора. В стенках траншеи зафиксированы профили 40 погребений, разрушенные костяки, фрагменты гробовищ. Большая часть погребений взаимно нарушают друг друга. Культурный слой монастыря и заполнение погребений – темно-серый гумусированный суглинок.

В траншеях 1989–1991 гг. было выявлено немногим более 60 погребений. Особенностью захоронений являются повсеместные взаимные нарушения могильных ям. Так как погребения обнаружены только в разрезах коммуникационных траншей, то помимо глубины, которая определена у 24 ям, удалось установить либо ширину погребений (30 ям), либо длину (12 ям). Основную группу составляют погребения глубиной 25–45 см, четыре ямы имеют глубину 65–85 см. Длина могильных ям, где удалось ее зафиксировать, укладывается в пределы 110–150 см, три могильные ямы имеют длину 195–230 см. По ширине могильные ямы разделяются на две примерно равные группы: шириной 40–55 см и 65–70 см. Удавалось установить, что широкие могильные ямы (65–70 см) чаще имеют наибольшую глубину (65–85 см). В некоторых захоронениях были выявлены остатки гробовищ. В погребениях некрополя не было обнаружено нательных крестиков, не выявлено и железных гвоздей, которыми могли скрепляться стенки погребальных конструкций.

Погребения, расположенные в нижних горизонтах траншей, чаще ориентированы в направлении запад-восток, но встречается и меридиональная ориентация – север-юг (траншеи «А», «Е»). В то же время погребения с меридиональной ориентацией могут быть прорезаны захоронениями, ориентированными в направлении запад-восток. Возможно, здесь мы имеем захоронения различных этнических групп (славянского населения и финно-угорского), которые одновременно обитали в г. Хлынове [9, с. 150].

По нашему предположению, погребения являются частью городского кладбища (Хлыновский I могильник). В связи с избирательностью исследований, которые определялись только коммуникационными траншеями на территории Успенского Трифонова монастыря, точные границы кладбища определить сложно. В северо-восточной части современной территории монастыря погребения встречались под фундаментом и чугунным полом Успенского собора, между собором и Братским корпусом, под фундаментами Братского корпуса до ул. Горбачева (см. рис. 2.1).

Хлыновский I могильник занимал часть невысокого (4–5 м) берегового мыса второй надпойменной террасы р. Вятки. С севера территория могильника ограничена оврагом Засорой, по которому в тот период протекала небольшая речка. Этот глубокий овраг отделял территорию города от могильника [9, с. 149]. К моменту основания монастыря (1580 г.) эта территория не использовалась в хозяйственной деятельности, являлась пустошью. Можно предположить, что кладбище перестало функционировать в начале XVI в., а появление некрополя в данном месте можно отнести к началу основания города Хлынова в конце XIV в.

Кроме погребений средневекового времени во время археологических надзорных работ обнаружено два погребальных сооружения (склепа), связанных с деятельностью монастыря в Новое время.

Склепы были сооружены возле северной стены Успенского собора (в 4 м к северу от стены и в 6 м к западу от северного портика) (см. рис. 2.1).

Один склеп частично разрушен траншеей «Е»: обрушены северная стенка и перекрытие. Склеп имел подпрямоугольную форму, размеры 225x70 см, длинными сторонами ориентирован по направлению запад-восток. Основание зафиксировано на глубине 200 см от дневной поверхности. Красным кирпичом (размеры 26x10x7 см) выложены только стенки склепа, кирпичи между собой не скреплены. Внутренняя поверхность стенок от основания до середины покрыта известковым раствором. По верху склеп был перекрыт настилом из досок. Доски, уложенные по периметру конструкции, дополнительно укреплены однослойной кирпичной кладкой. Дно в склепе грунтовое. Внутри склепа зафиксированы мумифицированные останки священнослужителя (архимандрита), уложенные в гроб. Верхняя крышка гроба раздавлена рухнувшим перекрытием склепа (см. рис. 4). Размеры склепа на 15–20 см превышают размеры погребения. Погребение ориентировано в направлении запад-восток. Деревянные стенки гроба с наружной и внутренней стороны обшиты зеленой тканью с серебряным шитьем, по углам украшены кистями.

Умерший был завернут в черную монашескую мантию (палий) из плотного шелка, украшенный по низу крупными ромбами, вышитыми золотыми нитями. В районе горловины саван черным шнурком стянут в сборку, на воротах сохранилась позолоченная застежка. Нижняя часть лица погребенного закрыта повязкой.

Архимандрит похоронен в митре, расшитой серебряными нитями, украшенной стразами (имитация рубина и горного хрусталя), накладными серебряными с позолотой рельефными зубчатыми поясами, соответствующими иконками¹. Слева от митры положена стеклянная бутылочка-слезница.

Под черной мантией сохранились фрагменты облачения архимандрита и сопутствующие предметы. На лицо была накинута пелена (воздух), расшитая мелкими медными обоймочками и украшенная бахромой из зеленых перевитых кистей-шнурков. Справа от изголовья сохранился фрагмент темно-вишневой шелковой ткани, вероятно, остатки пелены (воздуха).

Верхнее одеяние (риза) выполнено из парчи с растительным орнаментом (роскошные соцветия, переплетения ветвей, листьев) (см. рис. 5). По краям ризы обшита золотым галуном с растительным орнаментом шириной 6 см. Слева поверх ризы расположена палица (набедренник), с кистями по краям. Кисти выполнены из серебряных нитей. Палица украшена крестом из золотой каймы. Подризник шит из темно-вишневой шелковой ткани с тонким растительным орнаментом. Сохранились кожаные подошвы обуви.

Архимандрит похоронен с наперсным крестом на посеребренной цепочке. Крест украшен объемным распятием и обрамлен стразами. На груди находилось Евангелие, сохранились деревянные переплетные крышки, кожаные застежки, на лицевой крышке – медная обложка с овальными накладками по углам. Листы книги не сохранились, остался только тлен. Под Евангелием лежал напестольный кипарисовый позолоченный крест с распятием и святыми. В правой ладони умершего зажата восковая свеча, в левой руке – металлические четки.

Архимандрит имел преклонный возраст, о чем свидетельствует отсутствие большей части зубов и сильная стертость сохранившихся, наличие седых усов и бороды, волосы сохранились на висках и на затылке. Местами сохранились остатки кожного покрова.

После обследования останки, облачение и основной погребальный инвентарь были переданы представителям РПЦ для перезахоронения.

Предположительно данное захоронение принадлежит архимандриту Амвросию (Александру Ивановичу Красовскому), настоятелю монастыря в 1840–1868 гг., скончавшемуся 28 мая 1870 г. в возрасте 69 лет и погребенному на территории монастыря [6, с. 40].

Рядом с описанным склепом, почти соприкасаясь с ним, немного ближе к стене Успенского собора располагался аналогичный каменный склеп. Перекрытие этого склепа также обрушилось, гробовище не сохранилось. Удалось зафиксировать лишь изголовье монаха, умершего в преклонном возрасте. На голову была надета монашеская черная шапочка из тонкого шелка, сохранились пряди темно-русых волос. Это погребение полностью обследовать не удалось из-за опасности обвала края траншеи. Склеп был заново заложен.

В 2002 г. при строительстве колодца для слива воды в пространстве между Успенским собором и Благовещенским храмом (120 м от южной стены собора и 150 м к северу от храма) был обнаружен еще один склеп с останками погребенного. Осмотр и обследование этого склепа проводил священник Андрей Дудин.

К моменту обследования строительные работы были закончены, поэтому произвести детальные обмеры и осмотр склепа не представлялось возможным. По имеющейся информации, склеп был выложен кирпичом, основание его фиксировалось на глубине 180–200 см. В склепе сохранились фрагменты гробовища, металлические предметы (ручки от гроба?) и останки погребенного. Фрагментов одежды обнаружено не было, поэтому сложно определить принадлежность к священному сану. Череп и отдельные кости были извлечены из склепа. Судя по зубам, череп принадлежал пожилому человеку в возрасте 60–65 лет. Возможно, склеп относился к тому же временному отрезку, что и погребение архимандрита.

В ходе работ, кроме антропологического материала, найденного на территории Успенского Трифонова монастыря, в заполнение траншеи обнаружены стеклянные аптечные флаконы, аптекарские ступки, которые по ряду морфологических признаков (форма, техника изготовления) можно отнести ко второй половине XIX в. [5, с. 300–303] (см. рис. 6.2, 6.3, 6.4).

¹ Сохранилась иконка верхней части митры с изображением лика Господь Саваоф, лик помещался среди нимба, имевшего вначале форму треугольника (см. рис. 5.1).

В центральной части братского корпуса после вскрытия и расчистки пола были выявлены железный топор-клин, костяная трезубая вилка и остатки плетеной обуви – носочные части трех кожаных лаптей (два из которых являются парными) и пяточная часть берестяного лаптя (см. рис. 6.1). По технике изготовления изделия относятся к обуви косоного плетения, которые заплетались с пятки полосками из кожи или бересты. Данный тип обуви известен из археологических раскопок Москвы [7, с. 41, 69], Ярославля [2, с. 95], Свияжска [1, с. 285, 289].

При исследовании кожаных лаптей наряду с органолептическим методом были применены естественнонаучные методы. В результате оптической микроскопии установлено, что в качестве сырья для кожаных лаптей использовалась шкура крупного рогатого скота.

На базе лабораторий Института химии и экологии ВятГУ под руководством Д. А. Козулина в 2018 г. был проведен химический анализ кожи на рентгенофлуоресцентном спектрометре². По результатам исследований содержание хрома не выявлено, следовательно, при выделке сырья использовалось растительное дубление. Большое процентное содержание кальция, кремния, калия, серы свидетельствует, что при обработке кож использовались древнерусские технологии: известкование, золение (таблица).

**Элементный состав кожаных лаптей
по данным рентгенофлуоресцентной спектрометрии**

Наименование предмета	Элементный состав, в %
Кожаный лапоть № 1 (КОМК 35237/1)	Ca 32,5
	Si 28,6
	Fe 21
	K 6,1
	S 3,3
Кожаный лапоть № 2 (КОМК 35237/2)	Fe 31
	Si 27,2
	K 15,5
	Ca 10
	S 4,2

В связи с малочисленностью находок данного типа обуви в городах установить точное время появления моделей трудно. При этом по морфологическим признакам датировать фрагменты нельзя, потому как лапти – это архаичный тип обуви, который с течением времени практически не претерпел изменений. Согласно полевой документации, находки обнаружены в слоях строительного мусора XVI–XVII вв., что не противоречит результатам химических анализов, поэтому кожаные лапти можно датировать данным периодом.

Благодаря археологическим наблюдениям за земляными работами, проведенными на территории Вятского Успенского Трифонова монастыря, удалось определить местонахождение городского кладбища XIV–XVI вв., проследить местные варианты некоторых особенностей православной обрядности в позднем Средневековье и Новом времени. На основе морфологического анализа с применением естественнонаучных методов были выявлены некоторые особенности элементов материальной культуры монастырского подворья, технология производства и хронологические рамки ряда артефактов.

Список литературы

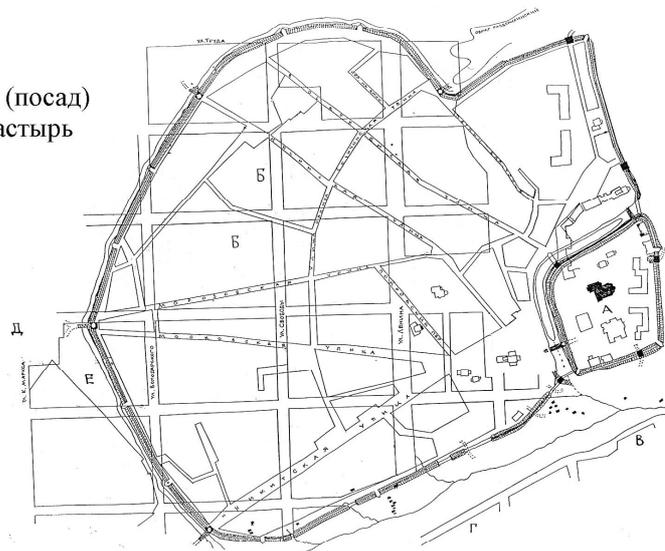
1. Абдуллин Х. М. Лапти как археологический материал: происхождение, классификация, реставрация (на примере находок Свияжска и Казани) / Х. М. Абдуллин, М. Ю. Визгалова, А. Г. Ситдилов, А. С. Старков, Ю. В. Федотова, Р. Х. Храмченкова // Поволжская Археология. 2014. № 3 (9). С. 277–293.
2. Археология древнего Ярославля: Загадки и открытия / ред. А. В. Энговатова. 2-е изд., доп. и перераб. М. : ИА РАН, 2012. 296 с.

² При работе использовали энергодисперсионный рентгеновский спектрометр EDX-720 фирмы “Shimadzu” (Япония). Рентгенофлуоресцентный анализ основан на зависимости интенсивности рентгеновской флуоресценции от концентрации элемента в образце. При облучении образца мощным потоком излучения рентгеновской трубки возникает характеристическое флуоресцентное излучение атомов, которое пропорционально их концентрации в образце. Излучение разлагается в спектр при помощи кристалл-анализаторов, далее с помощью детекторов и счетной электроники измеряется его интенсивность. Математическая обработка спектра позволяет проводить количественный и качественный анализ, который проводится в автоматическом режиме.

3. Времяник, еже нарицается летописец Российских князей, како начая в Российской земле княжение и грады утвердишися / публ., примеч. А. С. Верещагина // Труды ВУАК. Вятка, 1905. Вып. 2, отд. 2. С. 1-98.
4. Древние акты, относящиеся к истории Вятского края. Вятка, 1881. 245 с.
5. Кайсин А. О. Стекланные сосуды Нового времени из раскопок в Казанском кремле (некоторые итоги изучения) // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века : материалы Междунар. науч. конф., 23-25 марта 2011 года. СПб. : Нестор-история, 2015. С. 300-303.
- 6а. Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря : в 2 т. Т. 1. Вятка : Буквица, 2013; 6б. Кустова Е. В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря : в 2 т. Т. 2. Вятка : Буквица, 2013. 312 с.
7. Осипов Д. О. Обувь Московской земли XII-XVIII вв. М. : ИА РАН, 2006. 202 с.
8. Тинский А. Г. Планировка и застройка города Вятки в XVII-XIX веках. Киров, 1976. 228 с.
9. Сенникова Л. А. Захоронения позднего Средневековья на Вятской земле // Музеи - хранители культурного наследия : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 185-летию П. В. Алабина / отв. ред. С. В. Ельшин. Киров : О-Краткое, 2009. С. 145-154.

1а

- А. Малый город (кремль)
- Б. Большой земляной город (посад)
- В. Успенский мужской монастырь
- Г. Монастырская слобода
- Д. Всехсвятская слобода
- Е. Владимирская слобода

План монастыря на 1990 год →

1б

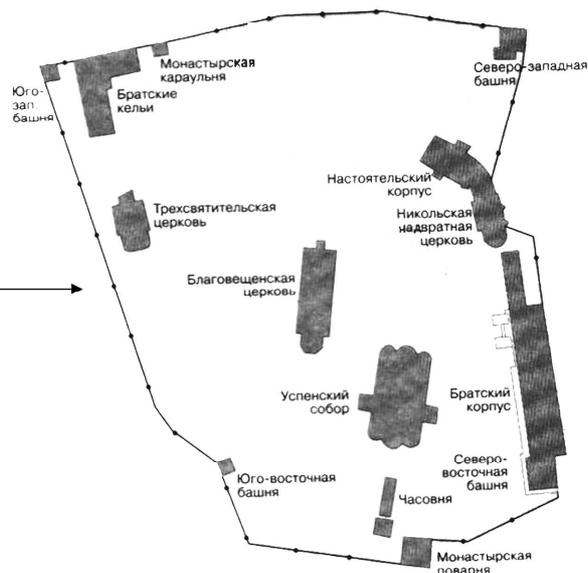

Рис. 1а. План г. Хлынова и его укреплений. 1676-1679 г. Реконструкция (по А. Г. Тинскому);
1б. План Успенского монастыря на начало работ

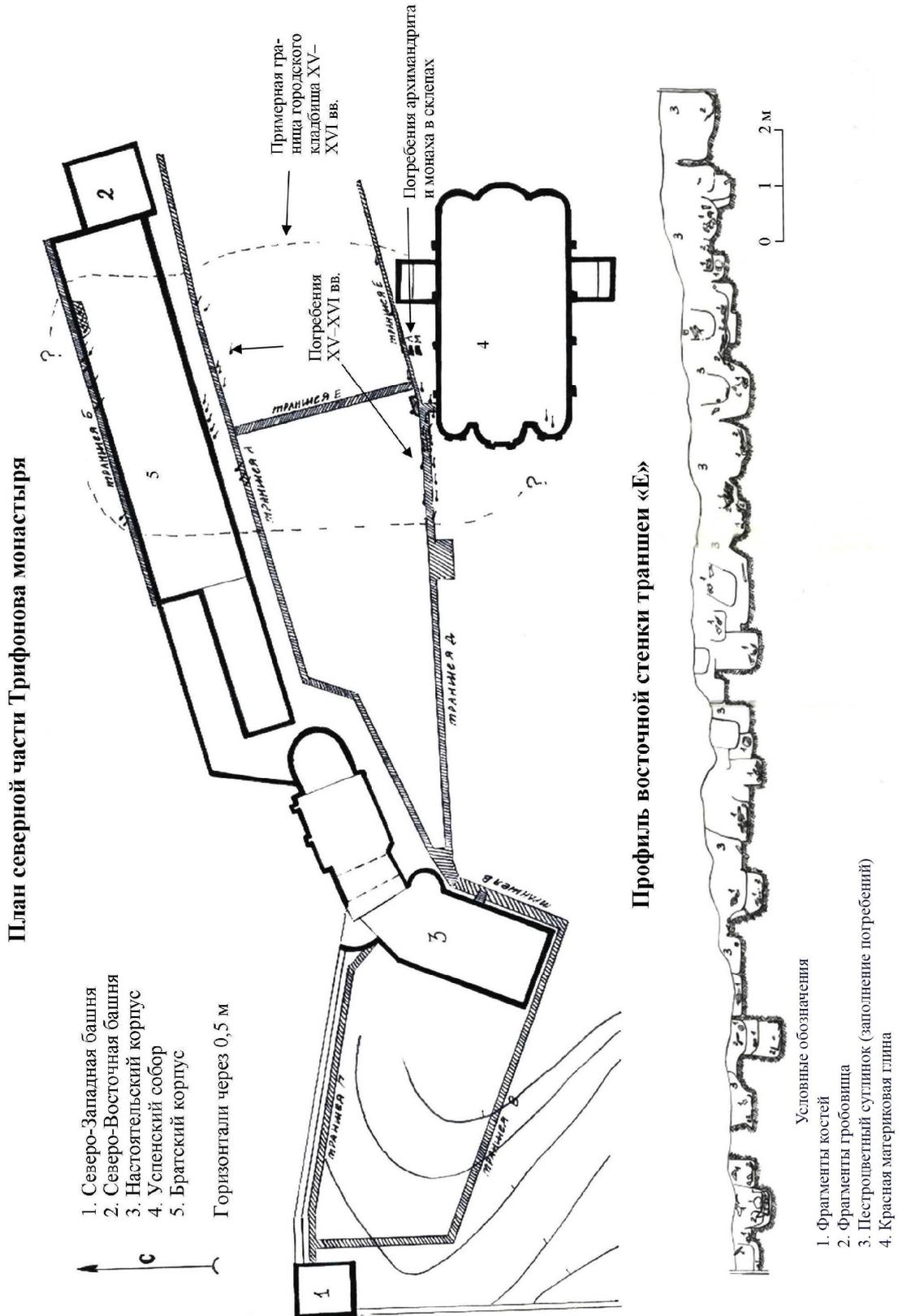

Рис. 2. План северной части Успенского монастыря с месторасположением траншей; профиль восточной стенки траншеи «Е»

Профиль северной стенки траншеи «Г»

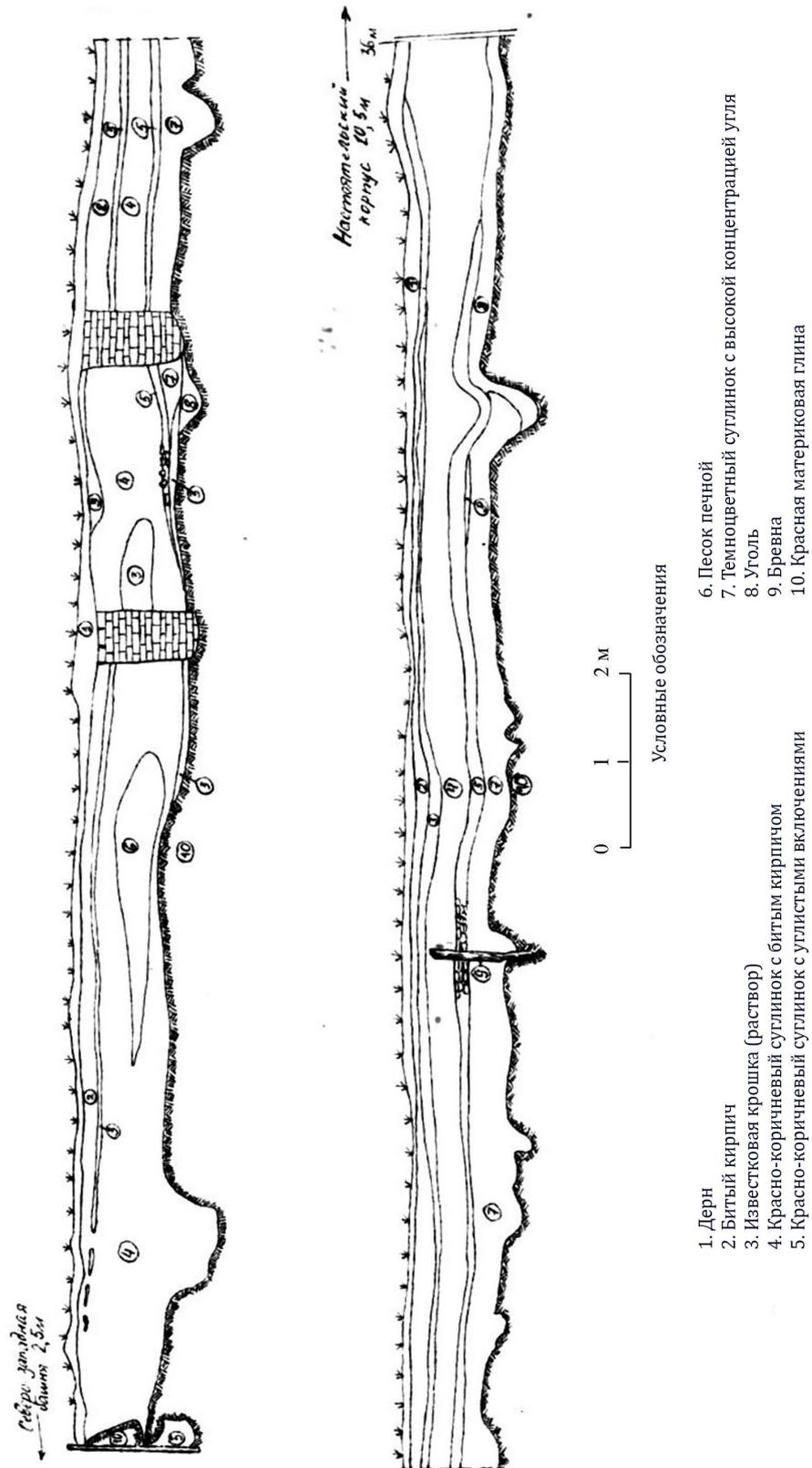

Рис. 3. Профиль северной стенки траншеи «Г»

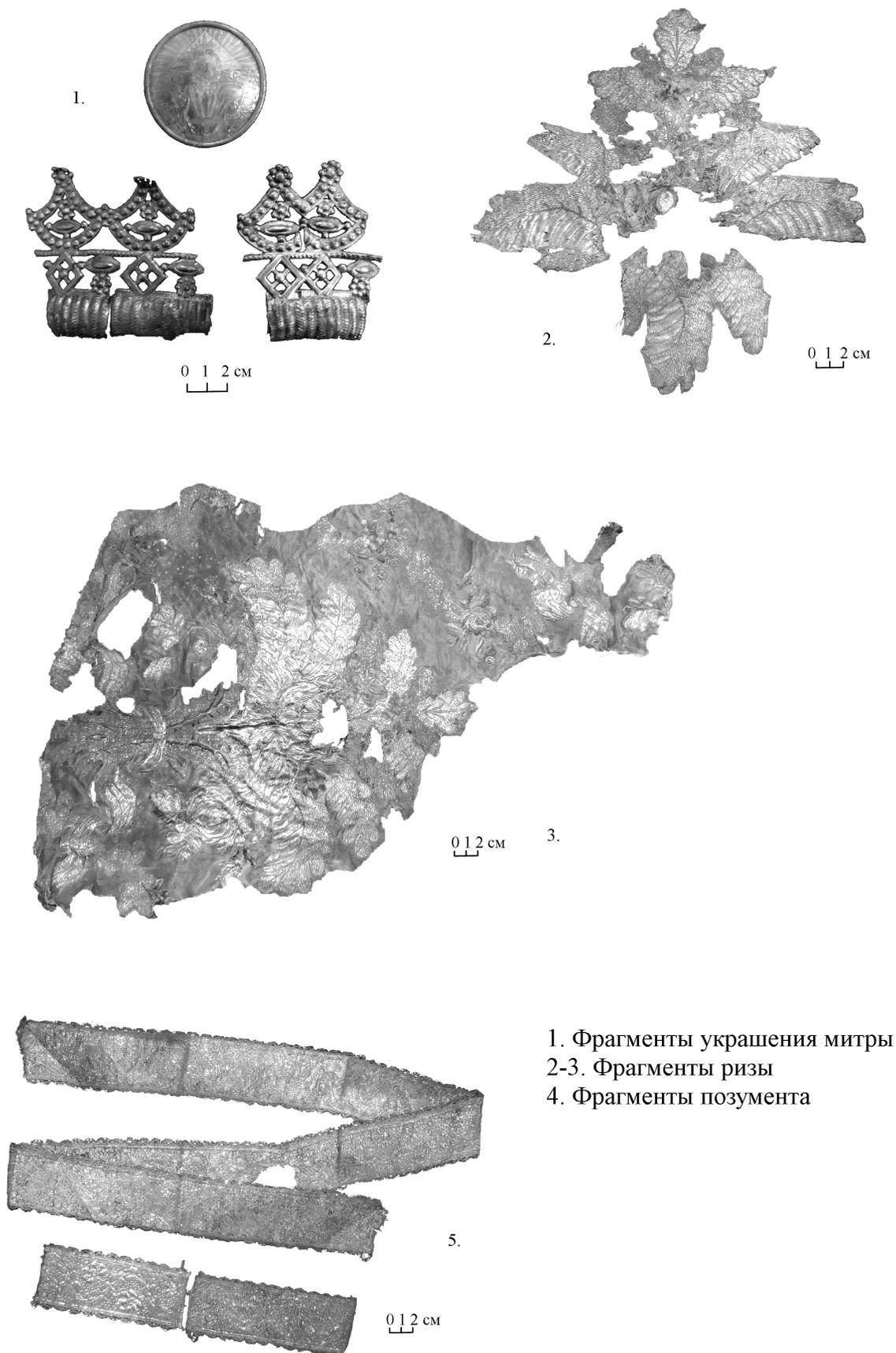
Погребение архимандрита в склепе

Облачение:

- 1 – мантия черная
- 2 – сосуд стеклянный
- 3 – фрагменты гробовища
- 4 – фрагменты обуви
- 5 – митра

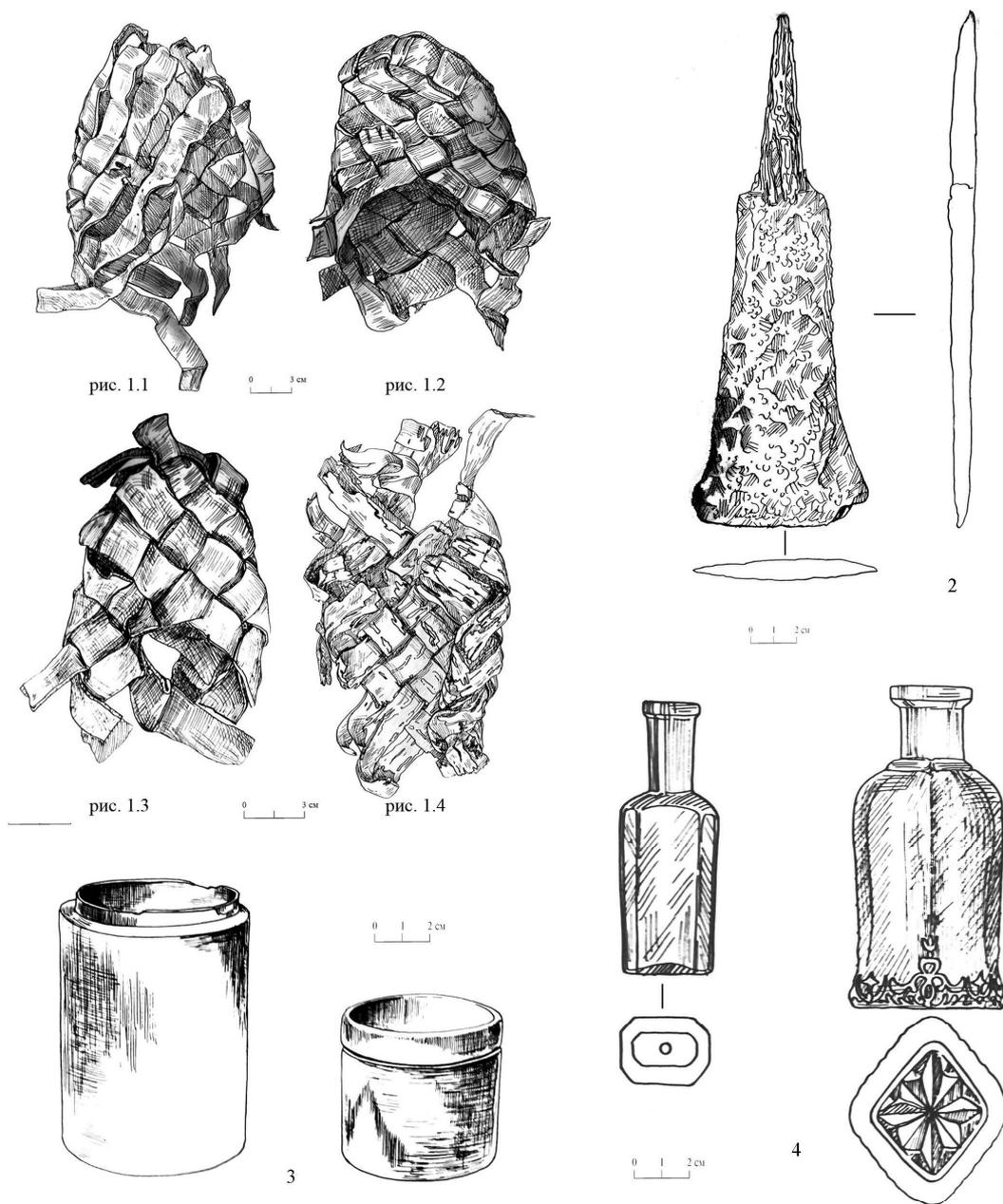
0 25 50 см

Рис. 4. Прорисовка погребения архимандрита

- 1. Фрагменты украшения митры
- 2-3. Фрагменты ризы
- 4. Фрагменты позумента

Рис. 5. Фрагменты облачения архимандрита

Археологические работы на территории монастыря
1а - в – кожаные лапти, 1г – берестяной лапоть; 2 – топор; 3 – аптекарские ступки;
4 – стеклянные флаконы

Рис. 6. Находки, обнаруженные в ходе археологических работ
на территории Успенского Трифонова монастыря

Archaeological works on the territory of the Assumption Trifon monastery

L. A. Sennikova¹, A. O. Kaisin², Y. A. Onufrienko³, M. V. Zhilina⁴, A. M. Borisova⁵

¹ PhD of historical sciences, researcher of the Kirov Regional Museum of local lore. Russia, Kirov.

E-mail: sennikova@mail.ru

² head of research archaeological laboratory, Vyatka State University. Russia, Kirov.

E-mail: akai_slob@mail.ru

³ laboratory assistant of research archaeological laboratory, Vyatka State University. Russia, Kirov.

E-mail: onufrienkoyuliya@mail.ru

⁴ master's degree student at the Institute of Humanities, Novgorod state University Yaroslav The Wise.

Russia, Veliky Novgorod. E-mail: zhilina.margarita@yandex.ru

⁵ laboratory assistant of research archaeological laboratory, Vyatka state University. Russia, Kirov.

E-mail: annalein8321@gmail.com

Abstract: the paper is devoted to the description of the archaeological supervision work carried out by the Kirov regional Museum in the territory of the Vyatka assumption Trifonov monastery. In 1580, the city on the ground outside the walls of the policeman based men Uspensky Trifonov monastery. In the early 1930s the monastery was finally closed. Since the mid-1980s, systematic and large-scale restoration of the ensemble of the assumption Trifonov monastery began. During the restoration work carried out on the territory of the monastery, in 1989–1991. employees of the sector of archeology of the Kirov regional Museum under The leadership of L. A. Sennikova carried out archaeological observations of earthworks. In the process of archaeological supervision 6 trenches for underground communications and pits along the walls of the fraternal corps were examined. The authors considers on archaeological material confirm the presence of the town cemetery XV–XVI centuries to define its boundaries. Just over 60 burials were found in the trenches. A feature of the burials are widespread mutual violations of the burial pits. Layers which are traces of the fires which destroyed constructions of a monastery in 1674 and 1679 were revealed. Besides, two burial constructions (crypt) connected with activity of a monastery in Modern time were revealed, it was succeeded to define the personality of one of buried, to fix funeral rites of hierarchs of Russian Orthodox Church in the XIX century on the basis of the morphological analysis with application of natural science methods some features of elements of material culture of a monastery farmstead, production technology and chronological frames of the found subjects were revealed.

Keywords: Khlynov's topography, urban cemeteries, medieval material culture, post-medieval material culture.

References

1. Abdullin H. M., Vizgalova M. YU., Sitdikov A. G., Starkov A. S., Fedotova YU. V., Hramchenkova R. H. *Lapti kak arheologicheskij material: proiskhozhdenie, klassifikaciya, restavraciya (na primere nahodok Sviyazhska i Kazani* [Sandals as archaeological material: the origin, classification, restoration (for example, the findings of Sviyazhsk and Kazan)] // *Povolzhskaya Arheologiya – Volga region archaeology*. 2014, No. 3 (9), pp. 277–293.
2. *Arheologiya drevnego YAroslavlya: Zagadki i otkrytiya – Archeology of ancient Yaroslavl: Mysteries and discoveries* / ed. A.V. Engovatova. 2-e publ., rev. and add. M. IA RAS. 2012. 296 p.
3. *Vremyannik, ezhe naricaetsya Letopisec Rossijskikh Knyazej, kako nachasya v Rossijskoj zemle knyazhenie i grady utverdishysya – The time periodical which is called the Chronicler of The Russian Princes who on the Russian earth ruled and the cities layed* / publ., notes by A.S. Vereshchagin // *Trudy VUAK – Works of Vyatka Scientific Archieve Commission*. Vyatka. 1905. Issue 2, dep. 2. Pp. 1–98.
4. *Drevnie akty, otnosyashchiesya k istorii Vyatskogo kraja – Ancient acts related to the history of the Vyatka region*. Vyatka. 1881. 245 p.
5. Kaisin A. O. *Steklyannye sosudy Novogo vremeni iz raskopok v Kazanskom kremle (nekotorye itogi izucheniya)* [Glass vessels from the New time of the excavations in the Kazan Kremlin (some results of studying)] // *Steklo Vostochnoj Evropy s drevnosti do nachala XX veka : materialy Mezhdunar. nauch. konf., 23–25 marta 2011 goda – Glass in Eastern Europe from ancient times to the early XX century: materials of Intern. scientific conf.*, 23–25 March 2011. SPb. Nestor-istoriya. 2015. Pp. 300–303.
- 6A. Kustova E. V. *Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya : v 2 t. T. 1.* [History of Vyatka Assumption monastery: in 2 vol. Vol. 1]. Vyatka. Bukvitsa. 2013; 6b. Kustova E. V. *Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya : v 2 t. T. 2.* [History of Vyatka Assumption monastery: in 2 vol. Vol. 2]. Vyatka. Bukvitsa. 2013. 312 p.
7. Osipov D. O. *Obuv' Moskovskoj zemli XII–XVIII vv* [Shoes of Moscow of the XII–XVIII centuries] M. IA RAS. 2006. 202 p.
8. Tinskij A. G. *Planirovka i zastrojka goroda Vyatki v XVII–XIX vekah* [Planning and building of the city of Vyatka in XVII–XIX centuries]. Kirov. 1976. 228 p.
9. Sennikova L. A. *Zahoroneniya pozdnego Srednevekov'ya na Vyatskoj zemle* [Burial of the late Middle Ages on the Vyatka land] // *Muzei – hraniteli kul'turnogo naslediya : materialy mezhtregion. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 185-letiju P. V. Alabina – Museums – custodians of cultural heritage: materials of interregion. scientific- pract. conf. to the 185 anniversary of P. V. Alabin* / ch. ed. S. V. Elshin. Kirov. O–kratkoye. 2009. Pp. 145–154.

Образ Ван Гога в русской языковой презентации (по материалам Национального корпуса русского языка)

Л. В. Калинина

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка,
культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-2271-3995. E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

Аннотация: настоящая статья представляет собой опыт описания образа человека по материалам Национального корпуса русского языка. Специфика такого рода исследования состоит в том, что корпусные данные содержат достаточно разнородные и случайные сведения о какой-либо личности; тем не менее можно говорить о том, что материалы Корпуса в целом дают объективное представление об образе описываемого человека. Этот образ отражает наиболее устойчивые ассоциативно-семантические области, связанные с тем или иным известным человеком в рамках данной культуры. Актуальность и новизна исследования обусловлены обращением автора к корпусным данным в целях воссоздания языкового образа конкретного человека. Предметом непосредственного рассмотрения в статье является образ художника Винсента Ван Гога. Образ Ван Гога моделируется как полевая структура на основе трёх принципов рассмотрения языкового материала: частеречного, тематического и функционального. Частеречный принцип связан с выявлением морфологической природы лексических единиц, используемых для создания образа человека. Тематический принцип предполагает описание составляющих образа конкретного человека. Функциональный принцип предполагает рассмотрение лексических единиц как выполняющих функцию создания непроецессуальных или процессуальных характеристик образа человека. Обобщение результатов анализа языкового материала с указанных трёх позиций позволяет смоделировать образ конкретного человека. Применительно к образу Ван Гога было показано, что в центре семантического поля «Ван Гог» располагается представление о Ван Гоге как о знаменитом художнике, а периферию составляют восемь тем-ассоциаций с именем Ван Гога. Данный подход может найти практическое применение в дальнейших исследованиях образа человека по данным языка, как на основе корпусных данных, так и данных, полученных из более специализированных источников.

Ключевые слова: образ человека в языке, корпусные данные, ассоциативно-семантическое поле, образ Ван Гога.

Человек несёт в душе своей яркое пламя, но никто не хочет погреться около него; прохожие замечают лишь дымок, уходящий через трубу, и проходят своей дорогой.

*Винсент Ван Гог.
Письма к брату Тео*

В 2018 г. исполнилось 165 лет со дня рождения нидерландского художника-постимпрессиониста Винсента Ван Гога, чьё творчество оказало значительное влияние на последующее развитие мировой живописи. В связи с этим представляется актуальным выяснить, какой образ Ван Гога складывается на данный момент в массовом сознании носителей русского языка.

Под образом человека мы вслед за С. В. Черновой понимаем «совокупность субъективно окрашенных и ассоциативно связанных непроецессуальных и процессуальных характеристик человека, стихийно формирующихся в сознании другого лица (лиц, группы лиц, поколения и т. д.) посредством восприятия, памяти и воображения и получающих отражение в языковых формах» [6].

Целью настоящей статьи является моделирование образа художника Винсента Ван Гога по данным Национального корпуса русского языка на основе семантического анализа лекси-

ческих единиц, посредством которых создаётся образ Ван Гога, и выявления непроцессуальных и процессуальных характеристик этого образа.

В ходе работы были применены методы контекстуального анализа, семантического анализа, моделирования ассоциативно-семантического поля.

Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), представленные 460 случаями употребления имени собственного «Ван Гог» в разных падежных формах [4]. Отдавая себе отчёт в том, что любые корпусные данные содержат достаточно разнородные и случайные сведения о какой-либо личности, мы тем не менее полагаем, что материалы НКРЯ в целом могут дать объективное представление об образе описываемого человека (при условии достаточного количества имеющихся контекстов), так как этот образ будет отражать наиболее устойчивые ассоциативно-семантические области, связанные с той или иной личностью в рамках данной культуры.

Исследование выполнено в русле системно-функционального подхода. Языковой материал был проанализирован в трёх аспектах: с точки зрения морфологической принадлежности лексических единиц (частеречный принцип описания); с точки зрения их принадлежности к той или иной области ассоциативно-семантического поля «Ван Гог» (тематический принцип) и с точки зрения выражения ими процессуальных или непроцессуальных характеристик образа человека (функциональный принцип).

С точки зрения морфологической принадлежности языковой материал был классифицирован на четыре группы: субстантивная лексика (53% всех употреблений), глагольная лексика (30%), адъективная лексика (14%), нумеративная лексика (3%).

Образ Ван Гога создаётся в первую очередь за счёт субстантивной лексики. Среди наиболее частотных существительных, сочетающихся с именем «Ван Гог», – *Гоген* (32 употребления), *Сезанн* (24), *ухо* (15), *картины* (9), *«Подсолнухи»* (название картины) (8), *работы* (6), *художник* (6), *«Ещё Ван Гог»* (название спектакля) (5), *письма* (5), *репродукции* (4), *музей* (4), *полотна* (3), *«Башмаки»* (название картины) (3), *«Ирисы»* (название картины) (3). Примечательно, что чаще всего рядом с именем Ван Гога употребляются имена Поля Гогена и Поля Сезанна – художников-постимпрессионистов, наиболее близких Ван Гогу по духу. Ср., напр.: *У французов уже давно – Ван Гог, Гоген, Сезанн* (Г. Алексеев. Зелёные берега); *Увлекалась попеременно Гогеном, Ван Гогом, Сезанном* (В. Мухина. Воспоминания Веры Мухиной // «Искусство», 1957); *...«молодые» обрушивались всей силой аргументов, заимствованных у парижских глашатаев Сезанна, Гогена, Ван Гога, Матисса, на изодранные «версали» и «ампиры» «Мира искусства»* (С. Маковский. На рубежах кубизма).

Именно Поль Гоген оказывается в приведённом списке на первом месте по двум причинам. Во-первых, из-за известной ссоры Гогена с Ван Гогом, после которой Ван Гог отрезал себе мочку уха (ср. в связи с этим высокую частотность лексемы *ухо*). Во-вторых, из-за сходства имён и судеб обоих художников, порождающего контексты типа «(не) отличать Ван Гога от Гогена». Ср.: *Это трагедия, которая произошла в короткий отрезок времени между Ван Гогом и Гогеном* (Г. Бурков. Хроника сердца); *Да, я не могу отличить Гогена от Ван Гога, как ты вот тут вчера изодрался, но я сын ткача, внук ткача и правнук ткача* (И. Стрелкова. Похищение из провинциального музея); *Ох, он даже не знал, кто такой Ван Гог, и ему понадобилось несколько месяцев, чтобы перестать путать его с Гогеном, и ещё месяц, чтобы выяснить, кому принадлежало отрезанное ухо* (Э. Лимонов. Молодой негодяй). В связи с этим примечателен один контекст, где автор действительно путает Ван Гога с Гогеном, ср.: *От разных эпох до нас дошли разные символы красоты – Венера Милосская, пышные красотки Рубенса, смуглые таитянки Ван Гога...* (Е. Голованова. Я опять во сне летал... // «Домовой». 2002. 04 марта) – известно, что «смуглые таитянки» являются «визитной карточкой» именно Поля Гогена.

Остальные частотные субстантивы дают представление о Ван Гоге как о художнике (*картины, полотна, работы, репродукции, музей, художник*), причём широко известном, чьи работы являются «прецедентными феноменами», знакомы практически всем («Подсолнухи», «Башмаки», «Ирисы» и др.). Особо отметим словоформу *письма* – как известно, Ван Гог долгие годы переписывался с братом Тео, и письма Ван Гога характеризуют его не меньше, чем его картины. Ср.: *В «Винсенте» Пол Кокс проследил связь между письмами Ван Гога к брату Тео и полотнами, пытаясь восстановить ход чувств великого голландца* (В. Кичин. «Меня не надо думать. Меня надо чувствовать». Вацлав Нижинский глазами его дочери, внучки и автора нового фильма по его дневникам // «Известия». 2001. 17 окт.).

В целом субстантивная лексика формирует следующие группы.

1) Искусство Ван Гога и Ван Гог в искусстве: *знаменитый художник; специалист по Ван Гогу* (2); *канонизация фламандца Ван Гога; высокая ценность произведений; выставки; дискуссии насчёт Ван Гога; влияние Ван Гога; цитаты из Ван Гога; один из самых ценных живописцев минувшего столетия; гордость мировой культуры; наш бог Ван Гог; аукцион «Сотбис»; большая цена; самая дорогая картина в мире; Тим Рот в роли Ван Гога; интеллигентная кинобиография; кинопортрет Ван Гога «Винсент»; «русский Ван Гог»; новый Ван Гог; Ван Гог фотографии; имя в честь Ван Гога и др.* Ср., напр.: *Вижу, что передо мной их главный **специалист по Ван Гогу*** (С. Гансовский. Винсент Ван Гог // «Химия и жизнь». 1970); *Так наука помогла искусству, неожиданно добавив к уже **известным шедеврам Ван Гога** ещё один* (Е. Берновская. Двойной Ван Гог); *Во время жизни **Ван Гога** продажа его **полотен** с трудом позволяла **художнику** сводить концы концами, а в 1990 году **картина «Портрет доктора Гаше»** стала самой дорогой картиной, когда-либо проданной на аукционе* (П. Лукша. Экономика культуры – штрихи к науке нового века // «Неприкосновенный запас». 2003. 11 ноября).

2) Картины Ван Гога: *«Подсолнухи»; «Башмаки»; «Ирисы»; «Прогулка заключённых»; «Едоки картофеля»; «Лужайка»; «Ночное кафе»; «Белый дом ночью»; «Сеятель»; «Портрет доктора Гаше»; «Терраса кафе»; «Мост под дождём»; «Цветы сливы»; «Арлезианка».* Ср.: *Мне было особенно интересно увидеть **две картины Ван Гога**, датированные 1888 годом: «**Мост под дождём**» и «**Цветы сливы**»* (В. Овчинников. Размышления странника); *Самой дорогой картиной в мире считается «**Портрет доктора Гаше**» кисти **Ван Гога*** (Е. Светлова. Прекрасное безумие // «Совершенно секретно». 2003. 05 мая).

3) Характерные приметы или детали картин Ван Гога: *пейзаж; пашня; пшеничное поле; множество ворон; заключённые; стул; башмаки; пестрота; солнце; яркость; игра мазков; краски.* Ср.: ***Игра мазков** – ну что тебе Ван Гог!* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана); *... чтобы оставить потомкам смутное, зыбкое, как бы всё время убывающее на наших глазах изображение, стёртое, как у **заключённых на картине Ван Гога*** (И. Полянская. Тихая комната).

4) Болезнь Ван Гога: *болезнь; болезнь Меньера; лечебница для душевнобольных; не был ни сумасшедшим, ни эпилептиком; благородный сифилитик; психическое заболевание; безумие.* Ср.: *Оно далеко превосходит **безумие Ван Гога** или Нижинского, которые поверить не могли, как глупы люди* (В. Кичин. «Меня не надо думать. Меня надо чувствовать». Вацлав Нижинский глазами его дочери, внучки и автора нового фильма по его дневникам // «Известия». 2001. 17 окт.); *По мнению американских специалистов, именно **болезнь Меньера**... явилась причиной того, что художник отрезал себе ухо* (С. Рязанцев. В мире запахов и звуков).

5) Обстоятельства и отдельные эпизоды жизни Ван Гога: *биография; история жизни; трагедия; несчастная жизнь; безденежье; голод.* Ср.: ***Безденежье, голод и отрезанное ухо** не могут сделать тебя Ван Гогом* (Р. Нахапетов. Влюбленный).

Из глагольной лексики чаще всего в материалах НКРЯ встречаются лексемы *отрезать* (ухо) (5), *(не) знать* (Ван Гога) (4), *рисовать* (4). В целом глаголы можно разделить на несколько групп.

1) Обстоятельства жизни Ван Гога: *родился, поступил* (в Академию художеств), *бродил по свету; брал в руки кисть; Ван Гога свела с ума живопись; Ван Гогу(не) удалось что-л.; перебивался с хлеба на воду; отказывал себе в еде; привык к лишениям; с трудом сводил концы с концами; рисовал; писал; съел краски; отрезал ухо; ранил себя; застрелился; умер в нищете* и др. Ср.: ***Ван Гог отрезал себе ухо**, якобы напившись абсента* (Вдохновение, найденное в полях. Абсент возвращается в ореоле легенд // «Известия». 2002. 17 ноября); ***А сидит где-нибудь в подвале Ван Гог, пишет, пишет... и никто его не знает*** (С. Юрский. Почем в Париже картошка?); *Пока современники тянули с оценкой достоинств Ван Гога, он **отрезал ухо, съел краски и застрелился*** (С новым – счастье! // «Эксперт: Вещь». 2003. 22 дек.).

2) Интересы и ценности Ван Гога: *любил и ценил Рембрандта; вынашивает идею товарищества художников; часто вспоминал египетскую надгробную надпись; у Ван Гога не было в основе «жрать»; не прекращал работать, будучи физически и психологически истощённым* и др. Ср.: ***Ван Гог вынашивает идею** товарищества художников, которые превратят в конце концов обывательский городишко Арль в художественную столицу мира* (Г. Бурков. Хроника сердца); ***Ван Гог часто вспоминал** египетскую надгробную надпись: «**Феба, дочь Тмуи, жрица Осириса, никогда ни на кого не жаловавшаяся**»* (М. Гаспаров. Записи и выписки).

3) Отношение говорящего к Ван Гогу: *увлекаться; подражать; предпочитать; любить; Ван Гог вдохновляет; поражает; «вставляет», к Ван Гогу тянет; потрясла история жизни Ван Гога* и др. Ср.: *Позже, когда я учился в Академии художеств, **очень увлекался Ван Гогом**,*

Сезанном (А. Ниточкина, Зураб Церетели. ...И никакой политики // «Огонёк». 1991. № 3); *Выясняется, что она...предпочитала Ван Гога Гогену* (Г. Газданов. Эвелина и её друзья); *В другой раз я был в Париже и в единственный свободный день вырвался в музей Орсе. Там меня поразила картина Ван Гога* (Ю. Пешкова. Шароурин дом // «Домовой». 2002. 04 апр.).

Из адъективной лексики наиболее употребительными являются прилагательные *знаменитый* (художник, картина) (5) и *французский* (художник) (2). Ср., напр.: *Знаменитый художник Ван Гог в своём письме пишет о Гогене* (М. Зоценко. Перед восходом солнца); *Цвет украинских подсолнухов французского Ван Гога* (Т. Соломатина. Большая собака, или «Эклектичная живописная вавилонская повесть о зарытом»).

Остальные прилагательные характеризуют обстоятельства жизни Ван Гога (*бедный; никому не нужен; несчастный; голодный; бездомный; путь был тернист; несчастная жизнь; в Арле известен каждому* и др.); называют качества, особенности личности Ван Гога (*«безумный»; святой; трогательный; полон таких же страстей, как Шекспир; фанатическое упорство Ван Гога*); содержат характеристику и оценку произведений Ван Гога (*великолепные творения; жёлтая пестрота; яркий фон; гениальные живописные образы; ослепительный Ван Гог; лёгкий, совсем добрый Ван Гог; хорош «Сеятель»*). Ср.: *Ван Гог, если судить по его письмам и воспоминаниям современников, был святым* (Э. Лимонов. Книга воды); *Не церковные догматы необходимы мне, а та свобода, которую открыл в себе голодный, бездомный Ван Гог* (В. Каверин. Перед зеркалом); *Как трогателен Ван Гог, когда он пишет своему брату, торговцу красками, насчёт того, что и он, брат, мог бы научиться живописи – не такая уж это, в конце концов, трудная штука!* (Ю. Олеша. Книга прощания); *Гоген бежал, отступив перед фанатическим упорством Ван Гога, но после они сравнялись в славе, оба умерев в нищете* (Н. Кожевникова. Колониальный стиль); *Она внимательно рассматривала... жёлтую пестроту Ван Гога* (Б. Зайцев. Голубая звезда).

Небольшую, но значимую для характеристики образа Ван Гога группу составляют *нумеративы* – «счётные и количественные слова и словосочетания (числительные, счётные существительные, количественно-именные сочетания)» [5]. Почти все нумеративы характеризуют стоимость картин Ван Гога: *30 миллионов долларов, 37 миллионов долларов, 39 миллионов долларов, пятьдесят миллионов долларов, 53,9 миллиона долларов*. Ср., напр.: *Вот это да: картина Ван Гога продана за 37 млн долларов* (А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания); *Там ведь знаменитые «Ирисы» Ван Гога, из-за которых все сходят с ума, потому что за них заплачено тридцать миллионов долларов* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда». 2001. № 2). Одно употребление связано с обозначением количества имеющихся у говорящего картин (*4 первоклассных Ван Гога*) и одно – с обозначением количества писем, написанных Ван Гогом на протяжении жизни брату Тео (*796 писем*). Ср.: *Сотрудники медицинского центра в Колорадо тщательно проанализировали 796 писем, написанных Ван Гогом в период с 1884 по 1890 год* (С. Рязанцев. В мире запахов и звуков).

С опорой на частеречную классификацию может быть построена *тематическая классификация* лексики, формирующей образ Ван Гога в сознании носителей русского языка и заполняющей различные ассоциативно-семантические области поля «Ван Гог». Обратим внимание на то, что в качестве языкового материала используются данные НКРЯ, то есть контексты достаточно случайные по отношению к объекту нашего изучения – Ван Гог. Многие из этих контекстов посвящены не собственно Ван Гог, а кому-то или чему-то другому, и образ Ван Гога фигурирует в них в качестве основы для сравнения, аналогии, метафоры. Поэтому тематические группы одновременно являются ассоциативно-семантическими – они отражают те устойчивые представления, стереотипы, которые существуют о Ван Гог в массовом сознании. Ср. в связи с этим: «Образный комплекс обращает на себя внимание именно в аспекте ассоциативного функционирования – ощущением общности слов разной категориальной семантики и частной денотативной отнесённости, служащих средствами воплощения одной реалии в различных её аспектах и связях» [1]. Согласно нашим наблюдениям, ассоциативно-семантическое поле «Ван Гог» складывается из восьми тематических групп. Назовём и охарактеризуем их.

1) Ван Гог как художник. К данной группе можно отнести 26% лексических единиц, и это самая большая тематическая группа. Её составляет лексика разных частей речи, позволяющая идентифицировать Ван Гога именно как художника. В эту группу входят лексические единицы, называющие произведения Ван Гога (*картины; подлинник; полотно; работы; холст*), их жанры (*портрет; пейзаж*), их названия (*«Подсолнухи»; «Ирисы»; «Башмаки»; «Портрет доктора Гаше»*

и др.), способы их представления публике (*репродукции; постеры; копии; выставки; музей; экспозиция; аукцион «Сотбис»*), действия Ван Гога как художника (*брал в руки кисть и рисовал; тяга к живописи; удалось поступить в Академию художеств*), оценку произведений Ван Гога потомками (*гениальные живописные образы; исследуют картины; сделал очень много для искусства; канонизация*) и др. Ср.: *И потому Ван Гог – твой любимый художник?* (Л. Зайцева. Где прошлогодний снег); *Есть Ван Гог, который брал в руки кисть и рисовал не предмет, а в предмете этом себя изливал* (А. Эфрос. Профессия: режиссер); *Первый шедевр Ван Гога, написанный художником в голландский период, называется «Едоки картофеля»* (В. Ценев. Кроссенс сновидения // «Наука и жизнь». 2006. № 6); *Париж всё ещё не мог решиться на канонизацию фламандца Ван Гога* (Б. Лившиц. Полутораглазый стрелец).

2) Ван Гог как «прецедентный феномен» (18% языкового материала). К этой группе мы отнесли контексты со словами, отсылающими адресата к личности Ван Гога, эпизодам его биографии, к осмыслению наследия Ван Гога серьёзным искусством и тиражированию стереотипных представлений о нём в массовой культуре, ср., напр.: *жидкая бородёнка, как у Ван Гога; кинопортрет Ван Гога; загримированный под Ван Гога; Тим Рот в роли Ван Гога; спектакль «Ещё Ван Гог»; кружка с «Ирисами» Ван Гога; как Ван Гог, отрежу ухо; Ван Гог, с ушами; цитаты из Ван Гога; дали имя в честь Ван Гога; Ван Гог в Арле известен каждому* и др. Ср., напр.: *«Ещё Ван Гог» – постановка, нарушающая правила хорошего тона: она так громко кричит о человеческом несчастье, что инстинкт самосохранения, вероятно, ещё многих понудит, морщась, заткнуть уши* (А. Соколянский. Апология сумасшедшего // «Общая газета». 1998. 04 февр.); *Ван Гог в Арле известен каждому, безумный гений написал в этом городе лучшие свои картины, пытался создать колонию художников, страдал, болел, ссорился с Гогеном и стал сувенирным героем наряду с оливковым маслом и слепнем – талисманом Прованса* (О. Кабанова. Чиликов в Арле. Русский фотограф на европейской сцене (2002) // «Известия». 2002. 15 июля); *Мариша пила кофе из большой кружки с «Ирисами» Ван Гога* (А. Иванов. Комьюнити); *Как Ван Гог, отрежу себе ухо и вышлю вам по почте, наложенным платежом!* (Ф. Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «3звезда». 2002. № 4).

3) Качества личности и жизненные принципы Ван Гога (16% языкового материала). Эта группа объединяет лексику, описывающую черты характера, ценности, вкусы художника. Ср.: *фанатическое упорство; был полон таких же страстей, как Шекспир; перебивался с хлеба на воду ради любимого дела; любил и ценил Рембрандта; не было в основе «жрать»; был поклонником мастеров японской цветной гравюры; свобода Ван Гога; не из тех, кто «всегда доволен сам собой, своим обедом и женой»* и др. Ср.: *А был он, этот Ван Гог, полон таких же страстей, как Шекспир, и кисть подчинялась ему вполне, без всяких надуманных правил* (А. Эфрос. Профессия: режиссер); *Ван Гог, подобно другим основоположникам импрессионизма, был поклонником мастеров японской цветной гравюры и последователем Хиросиге* (В. Овчинников. Размышления странника); *Если взять какое-то небольшое количество людей, таких как Сократ... Александр Македонский, как Бах и Ван Гог, у них не было в основе «жрать»* (Е. Коваленко. Когда рухнет обычный порядок жизни // «Пятое измерение». 2002. № 6); *Ван Гог... любил и ценил Рембрандта* (А. Эфрос. Профессия: режиссер).

4) Жизненный путь Ван Гога (13% языкового материала). История жизни Ван Гога характеризуется с помощью таких лексических единиц, как *родился в 1853 году; бродил по свету; несчастная жизнь; путь был тернист; никому не нужны работы; никому не нужен был; голодный; бездомный; несчастный; бедный; с трудом сводил концы с концами; брат Тео; не удалось достигнуть безбедного существования; умирает в нищете; безденежье; голод; болезнь; сгноили в психушке; застрелился* и др. Ср.: *Тот же Ван Гог никому не нужен был* (Н. Медведева. Любовь с алкоголем); *Вдова брата не смогла ничего издать, и Винсент Ван Гог практически вычеркнулся из истории искусства* (С. Гансовский. Винсент Ван Гог // «Химия и жизнь». 1970. № 4); *Он прекрасно рассказал... о трагедии Ван Гога* (Б. Лившиц. Полутораглазый стрелец); *Винсент Ван Гог привык к лишениям ещё с юности* (Е. Берновская. Двойной Ван Гог).

5) Болезнь Ван Гога (10% языкового материала). Сюда входят слова, называющие заболевание, их симптомы и последствия, ср., напр.: *болезнь; болезнь Меньера; безумие; «безумный»; странный; свела с ума живопись; отрезал ухо; съел краски; распрощался с «крышей», а потом и с ухом; психическое заболевание; и в сумасшедшем доме оборонялся от уехавшего Гогена* и др. Ср.: *Ван Гога свела с ума живопись* (В. Каверин. Перед зеркалом); *Да и старик Винсент Ван Гог во многом благодаря ему (абсенту. – Л. К.) распрощался с «крышей», а потом и*

с ухом (А. Елин. Любители абсента. Демон полынного поля опустился на столицу // «Известия». 2002. 27 янв.); **Ван Гог и в сумасшедшем доме обороняется от ухававшего Гогена** (Г. Бурков. Хроника сердца).

6) Ван Гог и Гоген (8% языкового материала). Данную группу формируют контексты, в которых говорится о сложных отношениях двух художников и об их вечном «соседстве» в истории живописи, ср.: *разница между Ван Гогом и Гогеном; трагедия между Ван Гогом и Гогеном; не могу отличить Гогена от Ван Гога; не путаю Ван Гога с Гогеном и др.* Ср.: **Ох, он даже не знал, кто такой Ван Гог, и ему понадобилось несколько месяцев, чтобы перестать путать его с Гогеном, и ещё месяц, чтобы выяснить, кому принадлежало отрезанное ухо** (Э. Лимонов. Молодой негодяй); **Я думал, что из тебя сделали современного сыщика, такого интеллектуала, который... разбирается, кто такой Гоген и кто Ван Гог** (И. Стрелкова. Похищение из провинциального музея); **Такое уже было в живописи, когда Гоген взялся приставать за Ван Гогом** (А. Геласимов. Рахиль // «Октябрь». 2003. № 9); **В Арле... он (Гоген. – Л. К.) и Ван Гог перессорились, двум медведям тесно стало в одной берлоге** (Н. Кожевникова. Колониальный стиль).

7) Отличительные признаки картин Ван Гога (6% языкового материала) включают такие характеристики, как *яркий фон; яркость; жёлтая пестрота; уложенные рядками мазки; ослепительный Ван Гог* и др. Ср.: **На ярком фоне, какой бывает в картинах Ван Гога... стоит спиной во весь рост человек** (А. Эфрос. Профессия: режиссер); **Уложенные рядками мазки Ван Гога** (А. Рекемчук. Мальчики // «Юность». 1970. № 6); **Результат оказался очень похож на известное полотно Ван Гога, названия которого я не помнил, где над пшеничным полем чернело множество ворон, похожих на грубые и жирные буквы «v»** (В. Пелевин. Чапаев и пустота).

8) Впечатление, производимое картинами Ван Гога на зрителя (3% языкового материала) передаётся такими лексическими единицами, как *картина Ван Гога радует глаз; Ван Гог «вставляет» не хуже афганской дури; вдохновляет; стал откровением; под влиянием Ван Гога* и др. Ср.: **Картина Ван Гога на стене радует глаз, даже если мы не знаем, чьей кисти она принадлежит** (Ю. Автономов. Взгляд на искусство через призму экономической теории. Спрос на рынке изобразительного искусства (2003) // «Неприкосновенный запас». 2003. 11 ноября); **И тут для меня откровением стал Ван Гог** (В. Овчинников. Размышления странника); **Подлинным ценителям Ван Гог «вставляет» не хуже афганской дури** (Е. Малик. Северная Бавария // «Автопилот». 2002.15 мая).

Третий подход к описанию образа Ван Гога может быть представлен с опорой на методику лингвистической интерпретации образа человека как **совокупности непроцессуальных и процессуальных характеристик** [2; 3; 6; 7]. В соответствии с этой методикой все контексты, связанные с описанием того или иного человека (персонажа), делятся на две основные группы: содержащие информацию о непроцессуальных характеристиках образа человека (к которым относятся внешность, вещный мир, качества личности, система ценностей) и содержащие информацию о его процессуальных характеристиках (модель поведения, жизненный путь). Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал отражает некоторое преобладание непроцессуальных характеристик образа Ван Гога над процессуальными.

К непроцессуальным характеристикам Ван Гога можно отнести следующие:

– внешность: *жидкая бородёнка;*
– вещный мир: *холст; краски; кисть; картины; полотна; работы;*
– качества личности: *безумный; святой; фанатическое упорство; трогательный; полон страстей; лёгкий; добрый; странный;*

– система ценностей: *любил и ценил Рембрандта; мечтал о всемирном братстве; интересовался мировыми проблемами; был поклонником мастеров японской цветной гравюры; не было в основе «жрать»; часто вспоминал египетскую надгробную надпись: «Феба, дочь Тмуи, жрица Осириса, никогда ни на кого не жаловавшаяся» и др.*

Ср., напр.: **У старика жидкая бородёнка, как у Ван Гога** (Ю. Трифионов. Время и место); **...картина Ван Гога, продававшаяся на том же аукционе, получила ещё большую цену** (А. Ипполитов. Открылась выставка в Тюбингене // «Коммерсантъ-Daily». 1996. 27 янв.); **Потом я увидел солнечную аллею... Лёгкий, совсем добрый Ван Гог. Золотая аллея на резком осеннем ветру** (А. Сокуров. Элегия дороги); **...Ван Гог, человек, мечтающий о всемирном братстве, человек образованный, человек, интересующийся мировыми проблемами** (Г. Бурков. Хроника сердца); **Так где тогда пролегает грань между Ван Гогом, который мо-**

жет себе позволить не жрать, и тем самым человеком, который... (Е. Коваленко. Когда рушится обычный порядок жизни // «Пятое измерение». 2002. № 6).

Процессуальные характеристики, связанные с моделью принятия решения и в целом активного поведения человека, применительно к Ван Гогу представлены в нашем материале тремя основными аспектами:

– предельная самоотдача в работе: *брал в руки кисть и рисовал; перебивался с хлеба на воду ради любимого дела; не прекращал работать, будучи физически и психологически истощённым; сидит где-то в подвале и пишет, пишет; в предмете себя изливает;*

– замыслы и их осуществление (как правило, неудачное): *удаётся поступить в Академию художеств; вынашивает идею товарищества художников; не удалось достигнуть безбедного существования;*

– характер осуществляемых действий: *бродил по свету; отрезал ухо; ранил себя; застрелился.*

Ср.: *А некоторые так и вовсе всю жизнь перебивались с хлеба на воду ради любимого дела. Взять того же Ван Гога. И ведь не отступались от своего* (В. Мясников. Водка); *Тяга к живописи была у Ван Гога настолько сильной, что он не прекращал работать, даже будучи физически и психологически истощённым* (Е. Берновская. Двойной Ван Гог); *Ван Гогу удаётся поступить в Академию художеств, но через три месяца его вынуждают покинуть её стены – рисунки Винсента решительно непохожи на то, чему учат преподаватели* (С. Гансовский. Винсент Ван Гог // «Химия и жизнь». 1970. № 2); *Через посредство творения В. Ван Гогу удаётся так выявить «дельность» башмаков, что они впервые производят на свет полноту «существенного бытия изделия»* (Т. Буякас. Инициальный путь развития личности: возможности психологической работы // «Вопросы психологии». 2003. 21 окт.); *Сервантес бродил по всему свету, Горький, Маяковский, Ван Гог и многие другие* (Г. Бурков. Хроника сердца).

Как видим, при рассмотрении языкового образа Ван Гога с трёх точек зрения (посредством каких частей речи создаётся; из каких составляющих складывается; на основе каких непроцессуальных и процессуальных характеристик строится) результаты получаются сходными. Обобщая их, можно сделать следующий вывод.

Образ Ван Гога создаётся прежде всего с помощью субстантивной лексики. Ван Гог представляется среднестатистическому носителю русского языка как знаменитый, стоящий в одном ряду с другими признанными мастерами художник с трагической судьбой – терпевший лишения и унижения при жизни и обретший феноменальную мировую славу лишь десятилетия спустя после смерти. Самым ярким эпизодом биографии Ван Гога была ссора с Полем Гогеном и её последствия (отрезанное ухо, помещение в лечебницу для душевнобольных) – недаром чисто в количественном отношении рядом с именем «Ван Гог» чаще всего стоит «Гоген», и очень частой ассоциацией на имя Ван Гога является «отрезанное ухо». Ср.: *Когда думаю о Ван Гоге, то вижу не куст сирени, а человека, который отрезает себе бритвой ухо* (Ю. Олеша. Книга прощания).

В образе Ван Гога преобладают непроцессуальные характеристики, что объясняется большим процентом субстантивных (передающих статические аспекты действительности) лексических единиц. Чаще всего используются слова, обозначающие «вещный мир» Ван Гога, его атрибуты как художника (кисти, краски, картины, выставки и др.). Достаточно чётко обозначены качества личности (трудолюбие, бескорыстие, страстность натуры, упорство, преданность любимому делу) и система ценностей Ван Гога (признание мастеров прошлого, уважение к коллегам по ремеслу, отречение от материальных благ ради занятий живописью).

Процессуальные характеристики Ван Гога связаны с упорным достижением им своих творческих целей: Ван Гог постоянно находится в художественном поиске, но идёт к своим целям в одиночку, так как не может ради одобрения окружающих, материального достатка и даже ради дружбы с Гогеном отказаться от своей индивидуальности.

Таким образом, в центре семантического поля «Ван Гог», моделируемого на основе данных НКРЯ, располагается представление о Ван Гоге как о знаменитом художнике. Основными темами, ассоциативно связанными с образом Ван Гога, являются следующие: «Ван Гог – один из великих художников», «Ван Гог тесно связан с Гогеном», «Ван Гог отрезал себе ухо», «Ван Гог был физически и психически нездоровым», «Ван Гог ставил живопись выше всего остального», «Ван Гог прожил жизнь, полную лишений», «Ван Гог обрёл мировое признание после смерти», «Картины Ван Гога – одни из самых дорогих в мире».

В целом ассоциативно-семантическое поле «Ван Гог», по данным Национального корпуса русского языка, может быть представлено в виде следующей схемы.

Структура ассоциативно-семантического поля «Ван Гог»

Исследование образа человека по материалам Национального корпуса русского языка представляется нам перспективным и может быть продолжено.

Список литературы

1. *Илюхина Н. А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Изд-во «Самар. ун-т», 1998. С. 6.
2. *Калинина Л. В.* Образ Юрия Ковалёва в воспоминаниях современников // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: м-лы Междунар. конф. 5–7 окт. 2011 года. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 49–61.
3. *Наумова Н. Г.* Языковые средства создания образа П.И. Чичикова (на материале поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души»). Киров : Изд-во ВятГГУ, 2010. 124 с.
4. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 13.03.2018).
5. *Стариченко В. Д.* Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д : Феникс, 2008. С. 357.
6. *Чернова С. В.* Образ человека: толкование термина, источники для изучения, множественность интерпретаций, лингвистический анализ // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема : материалы Междунар. конф. 5–7 окт. 2011 года. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2011. С. 13.
7. *Чернова С. В., Калинина Л. В.* Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2 (2). С. 8–14.

The image of van Gogh in Russian language presentation (based on the materials of the National corpus of Russian language)

L. V. Kalinina

Doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of Russian language, culture of speech and teaching methods, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-2271-3995. E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

Abstract: the present article represents the experiment of the description of an image of the person on the material of the National Case of Russian. The specifics of such research consist that case data contain rather diverse and casual information about any personality; nevertheless it is possible to say that Case materials in general give an objective idea of an image of the described person. This image reflects the steadiest associative

and semantic areas connected with this or that famous person within this culture. The relevance and novelty of a research are caused by the addressing of the author to case data for reconstruction of a language image of the specific person. A subject of direct consideration in the article is image of the artist Vincent Van Gogh. Van Gogh's image is modelled as a field structure on the basis of three principles of consideration of language material: morphological, thematic and functional. The morphological principle is connected with identification of the morphological nature of the lexical units which are used for creation of an image of the person. The thematic principle assumes the description of components of an image of the specific person. The functional principle assumes consideration of lexical units as performing function of creation of non-procedural or procedural characteristics of an image of the person. Generalization of results of the analysis of language material from the specified three positions allows to simulate an image of the specific person. As for Van Gogh's image it has been shown that in the center of the semantic field «Van Gogh» the idea of Van Gogh as a famous artist settles down, and the periphery is made by eight subjects associations with a name of Van Gogh. This approach can find practical application in further researches of an image of the person according to language, as on the basis of case data, and data obtained from more specialized sources.

Keywords: image of the person in language, case data, associative and semantic field, image of Van Gogh.

References

1. Ilyuhina N. A. *Obraz v leksiko-semanticheskom aspekte* [Image in lexical-semantic aspect]. Samara. Publishing house "Samar. Un-ty". 1998. P.6.
2. Kalinina L. V. *Obraz YUriya Kovalya v vospominaniyah sovremennikov* [Image of Yuri Koval in the memoirs of contemporaries] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema: materialy Mezhdunar. konf. 5-7 okt. 2011 goda* – Interpretation of the image of human as a linguistic problem: materials of Intern. Conf. 5-7 October 2011. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. Pp. 49-61.
3. Naumova N. G. *Yazykovye sredstva sozdaniya obraza P.I. Chichikova (na materiale poehmy N. V. Gogolya «Myortvye dushi»)* [Linguistic means of creating the image of P. I. Chichikov (by the material of the poem by N. V. Gogol "Dead souls")]. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2010. 124 p.
4. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka* – National corpus of Russian language. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed: 13.03.2018).
5. Starichenok V. D. *Bol'shoj lingvisticheskij slovar'* [Big linguistic dictionary]. Rostov-On-Don: Phoenix. 2008. P. 357.
6. Chernova S. V. *Obraz cheloveka: tolkovanie termina, istochniki dlya izucheniya, mnozhestvennost' interpretacij, lingvisticheskij analiz* [Image of human: the interpretation of the term, the sources for the study, the multiplicity of interpretations, linguistic analysis] // *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema : materialy Mezhdunar. konf. 5-7 okt. 2011 goda*. – Interpretation of the image of man as a linguistic problem: proceedings of the international conf. 5-7 October 2011. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2011. P. 13.
7. Chernova S. V., Kalinina L. V. *Interpretaciya obraza cheloveka kak lingvisticheskaya problema* [Interpretation of the image of human as a linguistic problem] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2010, No. 2 (2), pp. 8-14.

Фонетические характеристики немецких гласных в спонтанной речи российских немцев Кировской области

О. В. Байкова¹, О. Н. Обухова², А. В. Казаков³

¹ доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики и перевода,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0002-4859-8553. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

² кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr11658@vyatsu.ru

³ кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: usr11495@vyatsu.ru

Аннотация: в данной статье авторами рассматривается фонетический аспект немецкой разговорной речи, что в последнее время становится объектом исследования как российских, так и зарубежных ученых.

Целью статьи является представление результатов экспериментально-фонетического исследования фонетических характеристик немецких гласных в спонтанной речи российских немцев, проживающих на территории Кировской области. Экспериментально-фонетическое исследование немецких гласных в неподготовленной речи позволило рассмотреть некоторые особенности в количественной и качественной модификации гласных. Необходимо отметить, что для исследования модификации гласных большой интерес представляет сравнительное изучение разных уровней нормы, в частности сравнение спонтанной речи с подготовленными видами речи, например чтением.

На основании анализа модификации гласных в спонтанной речи российских немцев можно сделать вывод о том, что в условиях спонтанной речи гласные фонемы немецкого языка характеризуются большей вариативностью, чем при подготовленной речи, например при чтении. На степень модификации гласных в первую очередь оказывает влияние их позиция в синтагме, во фразе и в более крупных единицах устного текста. На модификацию гласных также оказывает влияние недостаточно отчетливая артикуляция, что приводит к количественной и качественной редукции гласных, к сокращению длительности долгих гласных.

Данное исследование вносит вклад в немецкую диалектологию, обогащая как теорию и типологию островных, сохраняющих архаические черты диалектов, так и теорию и практику научно обоснованной языковой политики и сохранения языка. Результаты исследования могут быть интересны ученым, занимающимся изучением фонетического аспекта немецких островных диалектов.

Ключевые слова: неподготовленная речь, фонетический аспект, модификация гласных фонем.

В настоящее время достаточно много научных работ посвящено исследованию немецкой разговорной речи, однако в основном изучение происходит в области лексики и синтаксиса [ср. 2]. В последнее же время, в связи с общей тенденцией современной лингвистики изучать фонетические характеристики неподготовленной речи, фонетический аспект разговорной речи становится объектом исследования и в работах германистов. Среди них следует в первую очередь назвать Г. Мейнгольда, монография которого «Deutsche Standardausssprache: Lautschwächungen und Formstufen» посвящена реализации фонем в разных стилях речи [8]. В своей монографии автор указывает «на разную частотность коартикуляторно-ассимилятивных явлений, ослаблений и редукции звуков». В результате своих исследований Г. Мейнгольд доказывает, что «...индикатором определенного стиля может служить степень редукции конечных слоговых структур эп, эм, эл, эг, частотность таких явлений, как фрикатизация смычных согласных, оглушение звонких согласных, озвончение глухих согласных, выпадение звуков, а также распространенность в речи “слабых форм”» [8, с. 13]. Фоностилистические характеристики речи Г. Мейнгольд рассматривает через призму немецкой орфоэпии. В своей работе ученый также ставит вопрос «о соотношении нормы и действительных реализаций» [8, с. 20]. Изучение данной проблемы должно способствовать уточнению и полному пересмотру имеющихся норм, при установлении которых в первой половине XX в. явления разговорной речи как явления «сниженного стиля» кодификаторами полностью игнорировались. Такое положение дел, по словам Г. Мейнгольда, «...до сих пор остается реальностью при ко-

дификации произношения в ФРГ. Однако это противоречит наметившейся демократизации языка в разговорной речи вследствие проникновения из обиходной речи в литературный язык не только слов и синтаксических конструкций, но и фонетических особенностей, подлежащих описанию...» [8].

Отличительными чертами работы Г. Мейнгольда являются подробный анализ артикуляторных характеристик немецких фонем, установление частотности некоторых модификаций звуков в разных стилях речи, а также сравнение фонетики устной речи с модифицированной произносительной нормой. При этом ученый не рассматривает модификацию звуков в акустическом аспекте.

Комплексный же подход к изучению вариативности немецких финальных слоговых структур в разговорной речи представлен в работе Г. Л. Лысенко «Фонетическая вариативность слога в немецкой разговорной речи», в которой на основе акустического и перцептивного анализа немецкой разговорной речи автор показывает «...значительные модификации слога, приводящие к тому, что набор аллофонов гласных и согласных фонем, реализующихся в рамках слога и на стыках слогов, в разговорной речи оказывается шире, чем в кодифицированном стандартном произношении...» [5, с. 2].

В немецкой фонетике изучение модификаций гласных имеет давние традиции. Еще Э. Сиверс писал, что «...строгосистематизированная фонетика должна начинать изучение предложения как объекта, который один только дан в речи и доступен для прямого наблюдения...». Ученый подчеркивал, что отдельный звук может принимать в предложении самое различное оформление [11, с. 8].

С развитием экспериментальной фонетики появились работы, подтверждающие, что в речи не существует звуков, имеющих постоянные артикуляторные и акустические характеристики, однако происходит наложение артикуляций [ср. 10]. Применение техники спектрального анализа сделало возможным изучение соответствия акустической и артикуляторной характеристик гласных. На основании данных спектрального анализа и кинорентгена Э. И. Лысенко в своей работе «Модификация гласных современного немецкого литературного языка: Задний ряд» установил, что «...наибольшее влияние на немецкие гласные заднего ряда имеют переднеязычные согласные, более слабое – заднеязычные, и самое слабое – губные...» [6]. Дальнейшие исследования подтвердили, что место образования соседних согласных существенно влияет на качественные характеристики гласных, тогда как способ образования обуславливает модификацию их количественных характеристик.

Вопрос о модификации фонем находится в центре внимания многих российских и зарубежных ученых. Сложность рассмотрения этого вопроса, связь его, с одной стороны, с физиологией, а с другой – с языковой традицией осознается современной фонетикой и требует проведения многосторонних исследований. Л. Р. Зиндер писал: «Проблема модификации фонем или, точнее говоря, проблема механизма образования обязательных аллофонов должна решаться, как и все фонетические вопросы, исходя из тезиса о диалектическом единстве произносительно-слухового и фонематического аспектов, в котором ведущая роль принадлежит последнему» [3, с. 213].

С позиции вариативности нормы подходят к рассмотрению вопроса модификации звуковой стороны речи Г. Мейнгольд и Э. Шток. Г. Мейнгольд, например, различает «...в немецком стандартном произношении два стилистических уровня: возвышенный и разговорный. В свою очередь, разговорный уровень нормы включает в себя две ступени – высокого и небрежного разговорного стиля. В той или иной мере всем уровням немецкого стандарта свойственны редукции, которые появляются в местах, где особенно ускоряется темп (аллегро-формы, престо-формы). Разговорной же речи редукции свойственны в большей степени. В поисках критерия фонетического различия двух разговорных стилей автор приходит к выводу о том, что они различаются в основном темпом произнесения малоинформативных, неударных слов (артикли, предлоги, личные местоимения) и заударных слогов знаменательных слов...» [ср. 9].

Для дальнейшего изучения модификации гласных большой интерес представляет сравнительное изучение разных уровней нормы, в частности сравнение спонтанной речи с подготовленными видами речи, например чтением.

На основе работы Г. Мейнгольда нами были проанализированы фонетические характеристики немецких гласных в спонтанной речи российских немцев, проживающих на террито-

рии Кировской области, в частности в поселке Созимский Верхнекамского района Кировской области. Данный поселок выбран не случайно: численность немецкого населения в нем намного выше, чем в других немецких поселениях исследуемого региона; кроме того, российские немцы этого населенного пункта в полной мере сохранили свои диалекты и активно пользуются ими в повседневной жизни [1, с. 5].

Наше экспериментально-фонетическое исследование немецких гласных в неподготовленной речи позволило рассмотреть некоторые особенности в количественной и качественной модификации гласных.

Как справедливо отмечает Р. К. Потапова, «один из кардинальных вопросов фонологии – это вопрос о характере внутренней структуры фонологической системы, в какой мере поляризованы две основные фонологические зоны – вокализм и консонантизм» [7, с. 16].

Для установления относительной частотности гласных по отношению к согласным фонемам в связном тексте мы выбрали из рассматриваемого языкового материала три различных текста на бытовую тематику, в которых содержалось около 1 700 фонем.

Текст 1

...də' zɛdloŋ vo:r dɛ kpout ən... ənfak...ənt tsvontzə ja:r, ənt tsvontzə ja:r... hɛ:r vo:r main pruətr...hatə ən fro: fon hɛ:r, də' vo:r os oðɛsə' hiər hɛ:r jə'ʃikt... ən drɛisək ja:r, vor drə' ja:r... naənəntsvontsək so' vor drəi ja:r olt, ɛ:rft zə' zɛ:bnəntsvontsək ja:r vo:r hiər hɛ:r jə'ʃik... ən... də' hā:tə' oləs ən də' vo:rə' hɛ:r os gorkovkbi:t... os arzamas... hiər hɛ:r jə'ʃikt. ən das vo:r so' vo:r fɛləixt ɛ:tvəs rəiçɛr o:dr vɛ:zo' vos ondɾəs ənkɛ:n... ən də' hā:tə' oləs khbout... zo' vo:r də' zɛdloŋ zo'... də' tsəit əft forbəi...dr volt əft oskəxa:kt vordə... ds vo:r khj:vrvolt dr tonənvolt... oləs na:x dɪ:zn... əft də'... zɛn də' flantsə' da'... kut kva:ksə'...

Текст 2

...nu... ɪç bən ən də' fɔul jə'gəŋ... ha:p zɪ'bn khla:sə gəɛndət hiər ən də' fɔul... ən dan vo:rə viər tsvəi... tsvəi... ən də' volt jə'gəŋ... ondɾə arvəit v:t kənə... nu... ən kolxos ha:t gə arvəit dr bruədr ən də' fveastə... də' fveastə... də' vo:r ən lespromxos... nu... ən volt ... ɛə vo:r zɛktsən... axtsən... kə'lometr fon hiər...ɛs vo:rn ox tsvəi bəra:kn ən dort hā:m klɛpt də' mənɾ alənəç ən də' frouns alənəç... ən əinməl ən tsvəi vo:xən zən zə' tso' hous jə'gəŋ... vəil ondɾs khontə niç... ən arvəit... nox hous morgəns fri' bs o;bəd ʃpɛt... bs tsɛn ʃtundə' hā:m zə' kəarvəit... dan vo:r zo' əinə tsəit... ən də' komendatura v:r... mən mus ɪmə komendatura...

Текст 3

...ɛ:ft ha:t mə' jəfriəbə main halpfvɛstr... zə' ha:t dort jəhəirət ən rɛçtɔutʃə ən ɪ:rən na:mə'...və' zə' ha:t jəza:xt mət ɪ:rəm man... ɪ:rə mutə' ha:t nox klɛpt...tzva: mainə tā:tə mainə mutə' ɪ:rə fvestr... ha:m ɛ:mə' of ɪ:r kʃriəbə...bəs zɛptzəç... ənzɛptzəç ha:m zə' mə' kʃriəbə... ɪç zol niç ʃrəibn... bəs ən nə' ənfriç komt... ən dəitʃlant fi:l... dort ox bəkā:ntə zən fon onsərə' Dorf fi:l ha:m və' dort fon hiər...ha:m ox dort zu:xn lasə... a:vr ɪç ha:p niç kfundə... vo' zə' zən gəbliebə... wɛn zə' am lɛ:bn vo:rən...ha:m zə' mə' jəfriəbə...ɪç ha:p garbəit. hiər vo:r ənzɪmovkə'. vj:rtsən kə'lometər. Vot, ən volt ha:p ɪç niç garbəit, vəil miç hā:m zə' niç gnomə', ɪç hɛ:r ʃlɛçt, vəil ɪç bɛn kortziçtəç...

В первом тексте, состоящем из 512 фонем (100%), насчитывается гласных монофтонгов – 150 (29,6%), из них долгих гласных – 55 (9,9%), кратких гласных – 95 (19,7%), дифтонгов – 31 (6,4%), согласных – 331 (64%). Во втором тексте, состоящем из 508 фонем (100%), насчитывается гласных монофтонгов – 164 (32,3%), из них долгих гласных – 61 (12,3%), кратких гласных – 103 (20%), дифтонгов – 32 (6,7%), согласных – 312 (61%). Третий текст, состоящий из 443 фонем (100%), включает в себя гласных монофтонгов – 143 (31,6%), из них долгих гласных – 40 (10,1%), кратких гласных – 103 (21,5%), дифтонгов – 27 (6,4%), согласных – 273 (62%).

Как показал анализ, вариативность гласных связана с характером синтагматического членения того или иного текста, с особенностью выделения нового, с экспрессивностью [ср. 4]. Темп произношения в спонтанной речи не стабилен, в отличие от чтения, где мы наблюдаем более равномерный, с регулярным замедлением на слове, стоящем под синтагматическим ударением (обычно в конце синтагмы). В исследуемых текстах очень заметно различие по темпу в произнесении важного и неважного: для выделения важного происходит замедление темпа, речь становится ярче, эмоциональнее.

В исследуемых текстах встретились все долгие гласные, среди которых безударные долгие гласные стояли в первом и втором предупредительных слогах, а также в первом и втором заударных слогах. Следует отметить, что длительность гласного уменьшалась в соответствии с удалением слога от ударения: гласный второго заударного слога менее длителен, чем гласный первого заударного слога.

Неударные долгие гласные характерны своей качественной редукцией, что более заметно в спонтанной речи, чем во время чтения. Сравним, например, предупредительные гласные заднего ряда, которые в спонтанной речи более открыты, продвинуты вперед и менее лабиализованы, что нельзя сказать о подобных гласных в процессе чтения. Что касается предупредительных гласных переднего ряда, необходимо отметить, что при удалении гласных от ударения они становятся более открытыми и менее передними. Данное явление также ярче выражается в спонтанной речи, чем при чтении.

При рассмотрении модификации дифтонга [æ], который часто встречается в речи в безударной позиции – в неопределенном артикле, следует отметить, что в исследуемых текстах наблюдается две его модификации. В безударном слоге дифтонг сокращается по длительности и звучание его приближается к монофтонгу [e] (подобная редукция встретилась в спонтанной речи в 10 случаях) и монофтонгизация дифтонга в неопределенном артикле подобная [a] (в семи случаях). Первая более сильная редукция является разговорной особенностью, охватывающей почти все диалектные области от южно- до северно-немецких. Вторая же, как отмечают Г. Мейнгольд и Э. Шток, «...характерна для аллегровых форм стандартного произношения...» [ср. 9].

В безударных суффиксах, приставках встречается редуцированный [ə] (20% от всего числа гласных в рассматриваемых текстах), который подвергается частому выпадению. В спонтанной речи данное выпадение происходит значительно чаще, чем при чтении.

Следующее явление, характерное для редукции исследуемого материала, – это отсутствие твердого приступа гласных. В наших материалах твердый приступ присутствует всегда в начале слов под синтагматическим и логическим ударением, а также в абсолютном начале фразы и после паузы в абсолютном начале синтагмы. В начале безударных служебных слов, в начале знаменательных слов, не несущих синтагматического ударения, твердый приступ часто отсутствует (в спонтанной речи – в 80 произнесениях – 90% случаев).

Итак, на основании анализа модификации гласных в спонтанной речи российских немцев Кировской области можно сделать вывод о том, что в условиях спонтанной речи гласные фонемы немецкого языка характеризуются большей вариативностью, чем при подготовленной речи, например чтении. На степень модификации гласных спонтанной речи в первую очередь оказывает влияние их позиция в синтагме, во фразе и в более крупных единицах устного текста. На модификацию гласных также оказывает влияние недостаточно отчетливая артикуляция, что приводит к количественной и качественной редукции гласных, к сокращению длительности долгих гласных.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что для спонтанной речи характерна большая вариативность звуковых единиц, приводящая к увеличению набора аллофонов конкретных фонем.

Список литературы

1. Байкова О. В. Функционирование немецких диалектов в условиях межъ- и внутриязыкового взаимодействия в рамках языкового острова (теоретические проблемы и полевые исследования в Кировской области) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киров : Изд-во ВятГУ, 2012.
2. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.
3. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высш. шк., 1979.
4. Зыкова М. А. Вариативность согласных и гласных немецкого языка в спонтанной речи и чтении // Фонетика спонтанной речи. Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
5. Лысенко Г. Л. Фонетическая вариативность слога в немецкой разговорной речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
6. Лысенко Э. И. Модификация гласных современного немецкого литературного языка: Задний ряд : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1971.
7. Потапова Р. К. Сегментно-структурная организация речи (экспериментально-фонетические исследования) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981.
8. Meinhold G. Deutsche Standardausprache: Lautschwächungen und Formstufen. Jena, 1973.
9. Meinhold G., Stock, E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1980.
10. Menzerath P., de Lacerda A. Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung. Berlin, 1933.
11. Sievers E. Grundzüge der Phonetik. Leipzig, 1885.

Phonetic characteristics of German vowels in the spontaneous speech of Russian Germans in the Kirov region

O. V. Baykova¹, O. N. Obukhova², A. V. Kazakov³

¹ Doctor of philological sciences, associate professor, head of the Department of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0002-4859-8553. E-mail: olga-baykova@yandex.ru

² PhD of philological sciences, associate professor of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr11658@vyatsu.ru

³ PhD of philological sciences, associate professor of linguistics and translation, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: usr11495@vyatsu.ru

Abstract: in this article, the authors discuss the phonetic aspect of German colloquial speech, which has recently become the object of research of both Russian and foreign scholars.

The aim of the article is to present the results of an experimental-phonetic study of the phonetic characteristics of German vowels in the spontaneous speech of Russian Germans residing on the territory of the Kirov region. Experimental-phonetic study of German vowels in an unprepared speech allowed us to consider some features in the quantitative and qualitative modification of vowels. It is of great interest for vowel modification analysis to conduct a comparative study of different levels of the norm, in particular to study a comparison of spontaneous speech with prepared types of speech, for example, reading.

It should be apparent from analysis of the vowel modification in the spontaneous speech of Russian Germans, that the vowel phonemes of the German language are more variable in a spontaneous speech than in an unprepared one, for example, in reading. The degree of vowels' modification is primarily influenced by their position in the syntagm, in the phrase and in larger units of the oral text. The modification of vowels is also influenced by insufficiently distinct articulation, which leads to quantitative and qualitative reduction of vowels and shortening of long vowels.

This study contributes to German dialectology, enriching both the theory and typology of island dialects, where archaic features are still in evidence, and the theory and practice of scientifically sound language policy and language preservation. The results of the study may be of interest to scientists involved in the study of the phonetic aspect of German island dialects.

Keywords: unprepared speech, phonetic aspect, modification of vowel phonemes.

References

1. Bajkova O. V. *Funkcionirovanie nemeckih dialektov v usloviyah mezh'- i vnutyazykovogo vzaimodejstviya v ramkah yazykovogo ostrova (teoreticheskie problemy i polevye issledovaniya v Kirovskoj oblasti) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Functioning of German dialects in the conditions of inter-and intra-language interaction within the framework of the language island (theoretical problems and field studies in the Kirov region): abstr. dis. ... Dr philol. sciences']. Kirov. Publishing house of VyatSHU. 2012.
2. Devkin V. D. *Nemeckaya razgovornaya rech'. Sintaksis i leksika* [German speaking. Syntax and vocabulary]. M. 1979.
3. Zinder L. R. *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. M. Vysshaya shkola. 1979.
4. Zykova M. A. *Variativnost' soglasnyh i glasnyh nemeckogo yazyka v spontannoj rechi i chtenii* [Variability of consonants and vowels of the German language in spontaneous speech and reading] // *Fonetika spontannoj rechi – Phonetics of spontaneous speech*. L. Publishing house of LSU. 1988.
5. Lysenko G. L. *Foneticheskaya variativnost' sloga v nemeckoj razgovornoj rechi : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Phonetic variation of syllable in German colloquial speech: abstr. dis. ... PhD in phil. sciences]. M. 1982.
6. Lysenko E. H. *Modifikaciya glasnyh sovremennogo nemeckogo literaturnogo yazyka: Zadnij ryad : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Vowel modification of the modern German literary language: Back row: abstr. dis. ... PhD phil. sciences]. Kiev. 1971.
7. Potapova R. K. *Segmentno-strukturnaya organizaciya rechi (ehksperimental'no-foneticheskie issledovaniya) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Segmental-structural organization of speech (experimental-phonetic studies): abstract. dis. ... Dr philol. sciences]. L. 1981.
8. Meinhold G. *Deutsche Standardausprache: Lautschwächungen und Formstufen*. Jena, 1973.
9. Meinhold G., Stock E. *Phonologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig, 1980.
10. Menzerath P., de Lacerda A. *Koartikulation, Steuerung und Lautabgrenzung*. Berlin, 1933.
11. Sievers E. *Grundzüge der Phonetik*. Leipzig, 1885.

Российское кино на рубеже XX–XXI вв.: революция и ее роль в формировании коллективной идентичности

Н. А. Хренов

доктор философских наук, профессор, Государственный институт искусствознания.
Россия, г. Москва. E-mail: nihrenov@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается специфика рецепции революционной эпохи в отечественном кинематографе в контексте эволюции коллективной идентичности, причиной разрушения которой стало развенчание стереотипного образа революции.

Воспроизведение революции, являвшейся сакральным феноменом, исключаящим негативные оценки, всегда осуществляется в подчеркнуто идеализированных формах («Октябрь» С. Эйзенштейна). Сакрализация революции в раннем советском кинематографе определяла отношения между кино и массовой публикой, транслируя в экранных формах иллюзию целого народа о своем историческом призвании и понимании мировой истории. Определенная роль в этом процессе отводится идее и эстетике авангарда.

Обращаясь к кинолентам последних лет (С. Снежкин, С. Урсуляк, А. Смирнов), автор показывает движение к десакрализации революции; в то же время мифологическая составляющая, «виртуальная стихия» как одно из свойств коллективной идентичности препятствует процессу десакрализации революции.

Ключевые слова: революция, российское кино, коллективная идентичность.

Нельзя не признать, что революция имеет к каждому из нас, живущих в первых десятилетиях XXI в., прямое отношение. Такой вывод вроде бы не противоречит официальной пропаганде. Она на этом и настаивала. Но это совсем другая интерпретация. Революция и в самом деле сформировала коллективную идентичность, ставшую основой всех вариантов индивидуальной идентичности. Она стала психологической реальностью многих поколений. А ведь представление, которое за ней закрепилось, не соответствует реальности. Реальность-то была варварской. Тем не менее революция живет в каждом из нас в снятом виде. Дело в том, что в самой революции проявилось то, что характерно для русской культуры вообще. Всех аспектов революции не затронуть. Остановимся лишь на психологическом, а точнее, социально-психологическом эффекте революции. В центре нашего внимания не вообще революция, ее негативные стороны и ее последствия на последующую историю, а революция в ее кинематографических образах, т. е. то, какой она предстала на экране.

Так *что* все-таки оставил нашему поколению кинематограф эпохи революционной смуты – эпос о героических деяниях ушедшего поколения или рассказы о низости человеческой души, способности человека к изощренному садизму? Фильм С. Эйзенштейна «Октябрь» начинается с символической казни царя Александра III. Восставшие рабочие разрушают его памятник. На металлическую шею императора натягивают канатную петлю. Каменная кукла падает и распадается на куски. Это происходит под восторженные крики присутствующих на площади восставших. Но, прибегая к монтажу, режиссер показывает, что эту акцию приветствуют во всех частях страны, по всей России. Эпизод носит явно подражательный характер. То же произошло и во время Французской революции, задавшей человечеству разрушительную парадигму. Как известно, на Вандомской площади в Париже была разбита статуя Людовика XIV. Но казнят и здравствующего короля – на этот раз Людовика XVI. Это произойдет на площади революции, некогда называемой площадью Людовика XV. Короля предадут гильотине под восторженные крики уличной толпы. Именно здесь стояла и статуя Людовика XIX. Именно на этом месте возведут гильотину, и начнется террор, возмущивший и напугавший всю Европу, весь мир.

Но парадигма была задана. Революции покатались по всей Европе. Эстафету подхватит русская революция. Русского императора Николая II тоже казнят, но сначала уничтожат памятник Александру III. Однако Николая II расстреляют не на площади. Сначала низведут с пьедестала, заставят отречься открыто, а вот позднее казнят – и тайно, а кости спрячут так, что потом долго их придется разыскивать. В наше время он станет канонизированным святым. Об этом в своих фильмах расскажут К. Шахназаров и Г. Панфилов. Расскажут впервые, и мы, наконец-то, узнаем, как на самом деле разворачивалась акция жертвоприношения. Но расскажут так, что все образы Николая II, которые до сих пор в кино представлялись исключительно в негативном свете, будут признаны неадекватными. В этих фильмах царь предстанет мучеником. Но вместе с новым смыслом убийства царя в сознание приходит и новый смысл революции. Позитивные оценки сменяются негативными. Сегодня они сосуществуют.

Многое, что связано с революцией, в нашей публицистике и гуманитарной науке проанализировано и осуждено. Мы пережили время, которое выразил А. Солженицын. Казалось бы, заслуживают критики фильмы, созданные о революции в постреволюционную эпоху, однако среди этих фильмов много шедевров. Идея (та, которой жили кинематографисты) сегодня кажется не только сомнительной, но и разрушительной, а потому и неприемлемой, а вот фильмы-то смотрятся. Они обладают удивительной суггестивной силой. В чем тут дело?

Может быть, дело в том, что их создавали гениальные художники? Актеры, например. В этих фильмах занято огромное число первоклассных русских актеров. Их имена можно долго перечислять. В многообразии актерских имен, представляющих русский театр и снимающихся в кино, проявилось эхо Серебряного века, расцвет культуры. Это не замедлило проявиться в актерском искусстве. В этом смысле большевикам повезло. Их идеи доносили массе первоклассные мастера. Одно воспоминание об этих удивительных актерах навеивает грусть по поводу упадка актерского искусства в современной России.

Но, может быть, все дело вовсе и не в актерам, а в режиссерах. В этом вопросе какая-то правда имеет место. В кино ведь пришло поколение авангарда. Художественный авангард оказался созвучным политическому авангарду в лице пассионариев-большевиков. Мало кто задумывался о том, что трансформация реального Октября в Октябрь идеальный, даже мифологизированный, произошла в формах художественного авангарда или, если прибегнуть к философскому истолкованию революции, в формах модерна. А мог ли авангард вообще дать адекватное истолкование революции? Ведь известно, что он давал неадекватную интерпретацию прошлого. Так мог ли он дать такую интерпретацию революционному настоящему? Авангард в стране, в которой еще оставались активными средневековые традиции, средневековая ментальность, которую так не любили философы Просвещения.

А ведь не все в этих средневековых традициях можно оценивать негативно. Те ужасы, которые были связаны с революционным террором, авангард опозитивизировал, идеализировал и мифологизировал. Конечно, С. Эйзенштейн в фильме «Октябрь» не прошел мимо разрушительной вакханалии, когда рабочие и солдаты ворвались в Зимний. Но ведь это разрушение им приветствовалось. И это стало основой коллективной идентичности в новой империи. Может быть, наши последующие беды идут вовсе не только от агрессивного большевизма, но и от радикального авангардизма? Режиссеры революционного кино, в том числе С. Эйзенштейн, – это творцы-демиурги, пассионарии, представители авангарда. На дворе, как говорится у поэта, уже новое тысячелетие. После модерна, т. е. авангарда, давно появился постмодернизм. А мы в России все еще делаем все новые и безуспешные попытки сакрализации власти, а ведь эта сакрализация – один из признаков Средневековья.

Удивительная гремучая смесь – авангард и Средневековье. Это просто катастрофа. Но она и имела место. Именно авангард, как это ни покажется странным, добывая в России Средневековье, способствовал возрождению средневекового комплекса. Без сакрализации, видимо, слабеет наш вековой мессианизм и разрушается наша идентичность. Что ни говори, проблема! Сакрализация революции стала фундаментом и ментальности, и культуры. Это обстоятельство стало тормозом для демонстрации подлинной правды о революции. Мы любили революцию, но это не была революция, а лишь миф о революции. Упрятав разрушительную и бесчеловечную правду о революции, мы уже готовы были пройти мимо и последующей жестокости в лагерях ГУЛАГа. В нашем сознании существует революция лишь в виртуальном виде.

Это вовсе не означает, что другая версия революции не существовала. Она существовала, но скорее в устных и фольклорных формах. И, конечно, в эмигрантских кругах. Все же другие каналы информации о революции перекрывались цензурой. Поэтому, когда возникла

гласность и в журнале «Новый мир» появился солженицынский «Иван Денисович», официальная историография, а другой и не было, оказалась в растерянности, искусство ее заметно опережало. Историческая наука ведь тоже исходила из ауры революции, внедренной в сознание авангардом. Поэтому история российского кино второй половины XX в. – это история десакрализации революции, а это означает перманентное столкновение творцов с цензурой, которая до середины 80-х, а точнее, до 1991 г., еще сохранялась.

Так продолжалось до 1985 г. С этого времени началась борьба с виртуальным образом революции, а следовательно, с революцией как симулякром. Но воссоздавать образ революции, ограничиваясь терминологией постмодернизма, – безнадежное дело, поскольку в самом постмодернизме осталось многое от модерна. Постмодернист не интересуется, кто прав, а кто виноват. Здесь царит ее величество Ирония, причем и над правыми, и над неправыми. Постмодернист в революционные игры не играет. А. Тарковский виртуозно сыграл ироника в фильме М. Хуциева «Мне двадцать лет». Можно сказать, что он своим образом уже пророчил постмодернизм, хотя сам уклонялся в сторону сакрализации, но, конечно, не революции.

Ответ на вопрос, почему фильмы, воссоздающие реализацию в революции ошибочных идей, все еще продолжают держать внимание, лежит в плоскости исторической психологии. Революция – явление не только идеологии и политики и не только политической истории. Дело тут не в актерах и режиссерах. В русской революции под видом авангарда пряталась все та же разиновщина. Это явление истории России, исторической психологии русских, как она складывалась и шлифовалась на протяжении веков. Вот в свете этой истории и следует осмысливать революцию как повторяющийся психологический комплекс. Ядром отношения к революции является архетип, вообще трудно соотносимый с каким-то конкретным временем. К моменту свершения революции он в массовом сознании уже имел место. В революции же он проявился в отчетливой форме. Он просто вспыхнул. Не случайно *Культуру Один* В. Паперный пытался осмыслить с помощью стихии огня.

В революции было проиграно то, что существовало задолго до революции. Все дело в том, что каждый народ в своей истории какие-то вещи воспринимает в секулярном, а какие-то – в сакральном духе. Иначе говоря, реальные явления он способен наделять сакральным смыслом. Попробуем понять, почему в России революция, несмотря на вакханалию жертвоприношения, воспринималась как сакральный феномен. Вопрос этот пора поставить. Ведь все попытки режиссеров нового поколения, пожалуй, связаны с выявлением сути этого феномена и с демонстрацией обратной стороны революции, а следовательно, с ее десакрализацией, с осознанием ее как секулярного феномена и развенчанием ее такой ауры. Подобный ракурс, конечно, подрывает ее идеализацию.

В самом деле, если отвечать на вопрос, что нового внесло кино в последние десятилетия в понимание революции, то этот вклад кино следует обозначить именно как десакрализация революции. Правда, позитивный смысл этого вклада не следовало бы преувеличивать. В этом следовало бы еще разобраться. Ведь десакрализация революции может оказаться деконструкцией коллективной идентичности, что ставит под угрозу вообще существование российской цивилизации. Конечно, на первый взгляд может показаться, что так и должно быть. Новое время и новое мировоззрение, наконец-то, в революции позволяет видеть не только позитивное, но и негативное, о чем ранее говорить было невозможно. Это, разумеется, кажется прогрессом. И чего бы нам искать в этом какую-то обратную сторону. Но она, эта обратная сторона, все же в этом прогрессе имеется. Ведь революция – это не только революционное действие под руководством большевиков, что показано в «Октябре» С. Эйзенштейна. Это событие, за которым стоит архетип. И это событие, которое стало фундаментом ментальности русских.

Поэтому разрушение стереотипного образа революции становится причиной разрушения коллективной идентичности, а это может иметь непредсказуемые и весьма серьезные последствия. Ведь угасает дух, общество может рассыпаться. Покушение на коллективную идентичность может привести к кризису кино, к непониманию новых и прогрессивных идей. Масса активна ведь не только на площади, в революционной ситуации. Она активна и в мире искусства. Тут имеет место обратная связь. Взаимоотношения кино и массовой публики впечатаны в общепсихологические механизмы поддержания коллективной идентичности.

Отвечая на вопрос о том, почему идеи, оказывающиеся в основе революции, оказались скомпрометированными, а фильмы, утверждающие эти идеи, все еще воздействуют и продолжают производить впечатление, скажем следующее. Все дело в том, что воспроизводимая

в этих фильмах аура революции связана с сакральным началом. Об этой особенности восприятия революции мы еще не говорили. Революция оказалась сакральным феноменом. Поскольку же сакральное исключает негативные оценки, то воспроизведение революции всегда осуществляется в подчеркнута идеализированных формах. Сакрализация революции как внехудожественный феномен объясняет смысл отношения к революции, который имел место в первой половине XX в. и во многом определяет отношения между кино и массовой публикой. Не транслировал ли кинематограф в экранных формах средневековую мечту, иллюзию целого народа о самом себе и своем месте и своем историческом призвании, о своем понимании истории и, в том числе, мировой истории?

Революция 1917 г. воспринималась именно таким великим историческим событием, посредством которого в сознании народа уточняют, шлифуют и утверждают, а главное, поддерживают коллективную идентичность. Поэтому революция могла быть осознана и осталась в умах последующих поколений как событие осознанное и оцененное, а затем уже и транслируемое повсюду в соответствии с тем, как целый народ представляет самого себя, видит и понимает себя, а в истории различает, что является событием, а что им не является. Образ революции неразрывен с образом народа, как он сам этот свой образ видит.

Конечно, с точки зрения массы революция в России совершалась не только ради улучшения жизни русских, а ради более разумного ее устройства во всем мире. Кажется, какое-то время в это начинали верить и другие народы. Верили, пока не открылось то, что масса в России событием не считала. Лагеря, в которых пребывали миллионы людей, казались издержками этого большого события – революции. Незначительными издержками. Это, разумеется, было отступлением от гуманизма. Это был прорыв в дегуманизацию, в реальность этой дегуманизации. Но в еще большей степени это казалось не соответствующим представлению народа о себе, а следовательно, из сознания вытеснялось. Проблемы, возникающие сегодня с правдой о лагерях, – продолжение культивирования собственного идеального образа, расходящегося с реальностью, который продолжает действовать подобно цензуре, отторгая в реальности и прошлого, и настоящего все, что ему не соответствует. Мы же убеждаемся в том, что не только власть, но и масса о лагерях знать не желает.

То, что власть не желает знать, это понятно и можно объяснить. А то, что этого не желает знать масса, это еще следует прояснить, поскольку с этим придется столкнуться и в будущем. Психология сегодняшнего отношения к лагерям сформировалась, когда их еще не было, а именно, в революции. Правда о лагерях связана с выпущенными в революции демонами разрушения и расчеловечивания. Сама революция, а точнее, ее образ стал своеобразной цензурой. Иного и не должно быть. Ведь революция в истории России и в самом деле стала событием с большой буквы. Имея в виду этот механизм, можно утверждать, что мы запрограммированы историей. Виртуальное начало впечатано в наше видение реальности. В реальности мы видим лишь то, что соответствует архетипу. Вот и нужно понять, что за этим архетипом скрывается.

Коль скоро в революции расчеловечивания было предостаточно, то уже не только после газовых камер в немецких концлагерях, но и после революции хочется вслед за Т. Адорно сформулировать: культура не сработала, не смогла противостоять разрушительным инстинктам, что сосредоточились в подсознании человека. Культура и в самом деле оказалась чем-то вроде мусора. Почему же так получается? Почему забывают самое неприятное, дикое, зверское, заслоняя все это идеальным, прекрасным, оптимистическим и героическим? Может быть, и в самом деле стоит перестать закрывать глаза на варварство, забыть это и продолжать существовать, помня лишь хорошее? Почему такое противоречие? Свидетельствует ли это лишь о том, что такова природа человека – забывать все неприятное и помнить только приятное? Или же за этим стоит что-то такое, что требует разгадки.

Может быть, если речь идет о природе человека, то, следовательно, уже не важно, какой народ и какая культура имеется в виду. Видимо, как можно предположить, этот комплекс присущ не только русским. Но, может быть, это присуще лишь русским? Не случайно применительно к русским постоянно говорят о них как о мессианском народе. Если даже он присущ не только русским, то у русских это проявляется как-то по-особому. Мы попробуем поразмышлять над этим комплексом, останавливая внимание на том, как он проявляется в отношении к революции, тем более что этот комплекс не прошел мимо внимания П. Сорокина – автора фундаментального исследования, посвященного социологии революции. Так, констатируя дезорганизацию и примитивизацию, порожденные революцией, П. Сорокин констатирует разрыв между революцией как реальным событием и ее оценкой, ее восприятием. «Вторым

общим фактом дезорганизации и примитивизации всей душевной жизни, – пишет он, – случит явление неспособности революционного общества правильно воспринимать окружающую его обстановку, отрыв от реальности и исключительный иллюзионизм» [1, с. 169]. Как свидетельствует это суждение, П. Сорокин внимательно читал «Психологию масс» Г. Лебона. Это слово «иллюзионизм» – синоним виртуальной реальности. П. Сорокин еще не знал о виртуальности. Эта технология еще не возникла. Но ведь виртуальное первоначально возникает как психологический феномен. Технологии его лишь «овнешняют».

В результате «общество превратилось в огромное загипнотизированное существо, которое можно было толкнуть на самые неожиданные действия, внушить ему самые нелепые бредни» [1, с. 169]. Получается то, что граница между реальным и фантастическим, возможным и утопическим в революционном сознании смещается, ее вовсе нет. Революционное сознание П. Сорокин сравнивает с сознанием архаического человека. «Где кончается первое и где начинается второе – им (дикарю и психическому больному) трудно установить, – пишет он. – За пределами небольшого круга их обычной будничной среды начинается мир смешения “реального” со “сказочным”, фантастики с действительностью. Само различие “естественного” и “сверхъестественного” им чуждо и неизвестно» [1, с. 169]. Но именно это и утверждал Г. Лебон.

О С. Эйзенштейне написано много, но мало говорилось о том, почему его так интересовала структура мышления архаического человека, точнее, тот механизм партиципации, который он усвоил по прочитанным им сочинениям Л. Леви-Брюля. Не просто интересовала. Эту структуру он пытался воспроизвести в своих фильмах. Но что такое механизм партиципации по Л. Леви-Брюлю? Это исключение логики в осмыслении событий. Восприятие и осмысление происходит по ассоциации, мимо причинно-следственных связей. А когда таких связей нет, то виртуальное кажется реальным. Таково сознание человека, увлекаемого вихрем революции. Этот регресс психики, имеющий место в самой жизни, С. Эйзенштейн хотел разгадать. Ему было важно уяснить, как такой регресс воздействует на отношение к кино, на его восприятие. Собственно, режиссер как раз и выявляет этот самый виртуал.

П. Сорокин описывает этот виртуал в революционной ситуации. «Его (революционного населения. – Н. Х.) представление о мире, о среде и характере совершающихся процессов, его понимание и оценка того или иного явления представляют собой полное искажение действительности. Невозможное ему кажется вполне возможным, и наоборот, гибельное – спасительным, иллюзия – реальностью. Он начинает жить не в мире реального, а в мире фантастики. Он начинает “бредить” и галлюцинировать» [1, с. 170]. Смысл эстетики С. Эйзенштейна заключается в том, что он не просто воспроизводит события революции, а воспроизводит в соответствии со структурой психики человека, охваченного вихрем революции. Воспроизводя картину первой фазы русской революции 1917 г., характеризующейся угасанием нравственно-правовых и религиозных ценностей, эту двойственность революционной ментальности, связанной с несовпадением реального и виртуального, П. Сорокин улавливает. «Происходит разлив самых низменных, самых эгоистических поступков, – пишет он. – Правда, многие наивные люди, гипнотизируемые великолепными речевыми рефлексам, судят о действительности по ним и только по ним. Но давно уже было сказано: “важны не слова, а дела”. Дела же, т. е. фактические поступки актеров и статистов революционной трагедии, совершенно противоположны их словам» [1, с. 149].

Именно это, например, объясняет, почему мы не можем существовать без окружающих нас врагов. Миф стал сильнее реальности. Получается, что мы оказались неспособными воспринимать реальность в неискаженном виде. Эту ситуацию нельзя описать лучше, чем ее описал П. Сорокин. В революционной ситуации массы уверовали в революцию, а следовательно, в возможность осуществления самых несбыточных фантазий и самых утопических идеалов. Реальность, однако, уже давно подтверждает, что такая реализация невозможна, но этого не видят. «Вокруг творятся зверства и убийства – они твердят о начавшемся осуществлении братства. Усиливаются голод и нищета – они этого не видят и верят, что завтра революция даст не только сытость, но райское блаженство всем и вся. Разрушается народное хозяйство, пустеют поля, перестают дымиться фабрики, растёт дороговизна, – они ничуть не беспокоятся об этом: “это простая случайность, завтра же революционный гений произведет чудеса”. Повсюду идет внешняя и внутренняя война – массы усматривают в этом начало создания вечного и универсального мира. В реальном мире идет рост небывалого неравенства:

большинство лишается всяких прав, меньшинство – диктаторы – становятся неограниченными деспотами – массы продолжают видеть в этом реализацию равенства. Кругом растет моральный развал, вакханалия садизма и жестокости – для масс это подъем морали» [1, с. 170]. Вот заключение П. Сорокина, что подтверждает виртуальную сущность революции: «Словом, перед нами общество, потерявшее всякое чувство реальности и живущее в мире иллюзий и фантазмов» [1, с. 141].

Конечно, кинематографисты не могли закрывать глаза на человеческие гнусности и мерзости. В кино можно отыскать все – и документ, и миф. Конечно, неплохо было бы воссозданное экраном и не только в 20-е гг., но и в последующую эпоху соотносить с историческими исследованиями и попытаться понять, как все же в реальности было дело, ведь именно это и является, по признанию историков, предметом исторической науки. Какое отношение имели воссозданные экраном картины к реальной истории? Казалось бы, странно этот вопрос задавать, ведь уроки истории мы уже давно начали усваивать по фильмам, в которых революционные события воспроизводились. Но теперь мы уже знаем, что в реальности взятие, скажем, Зимнего происходило совсем не так, как это показано у С. Эйзенштейна. Да и о какой реальности может идти речь, если режиссер представляет авангард.

Пытаясь выявить виртуальное начало в образе революции, а следовательно, и в идентичности нового человека, рождение которого произошло именно в революции, мы при расшифровке этого виртуального начала в виде синонимов употребляли понятия «миф» и «архетип». Но вместе с этими признаками того, что стоит за понятием «виртуальный», в круг нашего внимания должно войти понятие сакрального. Самое значительное и все определяющее содержание виртуального содержания образа революции связано именно с ее сакрализацией. Не случайно Н. Бердяев писал, что русская революция – это факт не только политической, но и религиозной истории, хотя, естественно, сакральное и религиозное не являются синонимами.

В фильмах о революции последних десятилетий уже меньше звуков фанфар и больше размышлений, подчас даже пессимистических. Это «Белая гвардия» С. Снежкина, «Жила-была баба» А. Смирнова, «Тихий Дон» С. Урсуляка. По сути, в фильме С. Урсуляка в сравнении с кинороманом С. Герасимова речь идет не о предпочтении красным или белым, а о трагедии расколовшейся нации, о ситуации варварского самоистребления народа в эпоху Гражданской войны.

Но как уже отмечалось, революция стала основой нашей коллективной идентичности. Разрушается с помощью фильмов героическая и оптимистическая аура революции, следовательно, развертываются подспудные разрушительные процессы, связанные с коллективной идентичностью. Она тоже разрушается. Но это латентный процесс. Мы его не замечаем и осознать не готовы. Но это может привести к непредсказуемым последствиям. Русская революция уже в который раз подводит к краю бездны. Ведь мы существуем от одной революции к другой. А в ходе революции на поверхность вырываются такие разрушительные комплексы, над которыми культура работала тысячелетия, чтобы их вытеснить, смягчить и нейтрализовать. Их выход способен обесценить любые достижения, ради которых приносились многочисленные жертвы.

Что же это за разрушительные комплексы, которые в ситуации революции вырываются на поверхность, способствуя тому, что она каждый раз оказывается скомпрометированной, а ее результаты выглядят ничтожными. Как это ни странно, понять эти комплексы помогает исследователь древнейших представлений Д. Фрезер. Он утверждает, что варварские инстинкты, а именно они и прорываются в момент ослабления и, тем более, разрушения общества, способны вырваться, выходить на поверхность. Смысл этих инстинктов – в распечатывании стихии разрушения и саморазрушения, насилия. «В нашу задачу, – пишет Д. Фрезер, – не входит рассмотрение того, какое воздействие оказывает на будущее человечества наличие в жизни каждого общества глубинного пласта дикости, не затрагиваемого поверхностными изменениями религии и культуры. Проникнув в глубины магии, беспристрастный наблюдатель увидел бы в ней не что иное, как постоянную угрозу цивилизации. Мы, как видно, движемся по тонкой корке, которая может в любой момент треснуть под воздействием дремлющих подземных сил. Время от времени глухой рокот или неожиданно вырвавшийся на поверхность язык пламени указывает на то, что происходит под нашими ногами» [2, с. 69].

Рассматривая общую тенденцию обращения режиссеров последних десятилетий к теме революции и формулируя ее как десакрализацию революции, мы, однако, вовсе не считаем, что проблема, поставленная русской революцией, разрешена, – существуют мощные меха-

низмы, которые этой десакрализации препятствуют. А это связано с коллективной идентичностью, которая, с одной стороны, питается реальными историческими событиями, а с другой, как уже отмечалось, – виртуальной стихией. Ответ на этот вопрос приходится давать уже нашему поколению. Только вот оптимизма по поводу устранения несовпадения, кажется, быть не может. Другое дело, что эти трудности все-таки можно попытаться объяснить.

Список литературы

1. Сорокин П. Социология революции. М., 2008. С. 169.
2. Фрезер Д. Золотая ветвь. М.: Изд-во полит. лит., 1980. С. 69.

Russian cinema at the turn of XX–XXI centuries: revolution and its role in the formation of collective identity

N. A. Khrenov

Doctor of philosophy, professor, State Institute of art. Russia, Moscow. E-mail: nihrenov@mail.ru

Abstract: the article deals with the specifics of the reception of the revolutionary era in the domestic cinema in the context of the evolution of collective identity, the cause of the destruction of which was the debunking of the stereotypical image of the revolution.

Reproduction of the revolution, which was a sacred phenomenon, excluding negative assessments, is always carried out in an emphatically idealized form ("October" by S. Eisenstein). The sacralisation of the revolution in early Soviet cinema defined the relationship between cinema and the mass public, broadcasting in screen forms the illusion of the whole nation about its historical vocation and understanding of world history. A certain role in this process is given to the idea and aesthetics of the avant-garde.

Turning to the films of recent years (S. Snezhkin, S. Ursulyak, A. Smirnov), the author shows the movement towards the de-centralization of the revolution; at the same time, the mythological component of the "virtual element" as one of the properties of collective identity hinders the process of desacralization of the revolution.

Keywords: revolution, Russian cinema, collective identity.

References

1. Sorokin P. Sociologiya revolyucii [Sociology of revolution]. M. 2008. P. 169.
2. Frezer d. Zolotaya vetv' [Golden bough]. M. Publ. of polit. lit. 1980. P. 69.

Организационная культура как объект культурологического исследования

М. А. Макаркина

старший преподаватель кафедры всеобщей истории и политических наук,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0001-7350-1453. E-mail: usr11888@vyatsu.ru

Аннотация: в статье рассматривается относительно новый феномен – организационная культура. Явление «организационная культура», по мнению исследователя, имплицитно существовало всегда, несмотря на недавнее появление термина в научном обиходе. Актуальность данного исследования объясняется слабой изученностью культурно-исторических составляющих организационной культуры в России, а также необходимостью определения доминанты в существующем понятийном ряду «организационная культура», «корпоративная культура», «производственная культура». Уделяя особое внимание национально-историческим аспектам, автор обращается к работам как отечественных, так и западных исследователей: А. К. Гастева, М. Вебера, Г. Форда и др.

Автором выделяются основные подходы научных исследований данного явления: социально-психологический, экономический, философский, педагогический, культурологический, что позволяет разграничить исследуемые понятия, определить доминанту в этой парадигме. Вместе с тем усилившееся внимание к организационной культуре со стороны бизнес-сферы привело к смещению акцента в сторону экономическую и управленческую, вытеснив культурологическую составляющую на периферию научного знания. Проведенный обзор свидетельствует о необходимости более глубокого и подробного анализа культурно-исторических составляющих организационной культуры в России.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная культура, подходы к организационной культуре, национально-исторические аспекты.

Теория организационной культуры, сформировавшись на перекрестке научно-практических знаний (психологии, социологии, менеджмента и т. д.), развивалась не совсем равномерно. В различных науках предпринимаются попытки осмысления ее теоретического и практического значения. Однако усилившееся внимание к этому феномену со стороны бизнес-сферы привело к смещению акцента в сторону экономическую и управленческую, вытеснив культурологическую составляющую на периферию научного знания. Культурно-историческая составляющая организационной культуры в России характеризуется слабой изученностью, а экономические отрасли знания сосредоточены лишь на ресурсных аспектах управления и производственной системы. Между тем на фоне пристального внимания к культуре профессиональных сфер деятельности и ее влияния на хозяйственно-экономическую жизнь общества диктуется необходимость расширения гуманитарного потенциала этой сферы.

Вместе с этим можно отметить понятийную нечеткость, вызванную различными подходами к данному термину: в результате многочисленных исследований сформировался понятийный ряд, определяющий данную среду: «организационная культура», «корпоративная культура»¹, «трудовая культура» и т. д.

Практически все исследователи организационной культуры предлагают ее расширенное значение, распространяющееся практически на все исторические этапы. Явление, которое сейчас получило название «организационная культура», имплицитно существовало всегда. Так, уже в Средние века в Европе возникали цеха со своими законами, правилами, ценностями, а в России первый «этический кодекс» – «Домострой» – содержал информацию о должном поведении «торговых людей и земледержцев».

В России до начала XX в. научная полемика о культуре внутриорганизационных взаимоотношений отсутствовала. Это можно объяснить существовавшей системой правоотноше-

© Макаркина М. А., 2018

¹ В XIX в. Г. К. Мольтке использовал определение «корпоративная культура», применяя его к армейской среде. Военный теоретик определяет «писанные» и «неписанные» правила поведения, иные культурные атрибуты, отличающие членов военной «корпорации» от других. При этом Г. К. Мольтке характеризует не культуру организации, а сложившиеся цеховые (корпоративные) ценности и нормы поведения, регулирующие взаимоотношения между членами конкретного сообщества.

ний – крепостным строем. Хотя крепостничество официально было отменено в 1861 г., до конца века – начала следующего сохранялись присущие ему явления: в таком контексте подобные исследования не имели смысла.

В начале XX столетия возникла потребность в разработке единых ценностных доктрин предпринимательства, поскольку к этому времени сложились два основных типа управления: артель и мануфактура. В результате этого было выработано семь принципов ведения дел в России [9]. На наш взгляд, данные позиции актуальны и по сей день, благодаря четкой структуре и ясному изложению доступны для широкого круга лиц, кратко и лаконично изложены. Принципы носят общий характер, могут служить основой для формирования надлежащей морали в сфере предпринимательства, уважительного отношения к работникам и потребителям.

В результате октябрьских событий 1917 г. прежняя система была упразднена, в том числе и отношений внутри организаций. Новая идеология требовала новую «пролетарскую» культуру, ценности, законы для хозяйственно-экономической жизни общества. Идеи Пролеткульта получили развитие во всех направлениях советской культуры и искусства: в литературе (М. А. Шолохов, Е. Нечаев, Ф. Шкулев), кинематографе (А. Г. Зархи, Ю. П. Егоров), изобразительном искусстве (А. А. Дейнека, Ю. И. Пименов), скульптуре (В. И. Мухина, И. Д. Иванов) и т. д. На протяжении всего советского периода организационная культура («производственная культура», «культура труда») была направлена на формирование единой для страны идеологии, а не культурной целостности предприятия. На первое место выходит создание новых имажем пролетариата, где важная роль отводилась рабочему классу. Масштаб и значимость организационной культуры значительно увеличивается: должна происходить идентификация человека не с предприятием, а со страной.

Параллельно формируется научная организация труда. В 1921 г. А. К. Гастев, поэт, писатель, руководитель Центрального института труда, в книге «Как надо работать» впервые применяет термин «трудовая культура». Он определяет данный вид культуры как «новое социальное движение», такое мировоззрение трудового народа, которое было бы направлено на реализацию и оптимизацию производственного процесса. «Культура – это сумма привычек народа, его умение трудиться, сумма его обработочных возможностей» [6]. Рассуждая о культуре труда, он оперирует понятиями «организационная культура», «производственная культура» и т. д. Автор продолжает развивать пролетарскую составляющую в художественных произведениях: стихах, стихах в прозе, версэ [7].

Позднее такие исследования были признаны несовместимыми с существующим строем – «буржуазными», самого А. К. Гастева расстреляли, а деятельность Центрального института труда была перепрофилирована, сконцентрировавшись на авиационной промышленности². Результаты А. К. Гастева и его единомышленников «канули в Лету»: так, С. С. Невская говорит, что «потомки не взяли у него ничего – ни идеи развития рабочего, ни методик» [18]. Фактически в СССР с этого времени до 1990-х гг. такие исследования были прекращены.

В США, «культурном антиподе» СССР [6], Генри Форд, находящийся в регулярной переписке с А. К. Гастевым, в своей книге «My Life and Work» (1922 г.) [26] говорит о необходимости создания «собственной промышленности и собственной культуры» каждой нацией, подчеркивая необходимость «деловой этики» в условиях крупного промышленного производства. Воспоминания современников свидетельствуют о высокой степени внимания, которое промышленник уделял культурным составляющим производства, о его уникальной этико-культурной концепции. В итоге его книга стала основой для такого социально-экономического явления, как «фордизм», которое наряду с экономико-управленческой стратегией включает и культурно-этическую составляющую.

На Западе в связи с промышленной революцией раньше, чем в России (в XIX в.) стали разрабатывать культурные аспекты организации труда. Одним из первых к данной тематике обращается М. Вебер («Протестантская этика и дух капитализма», 1905 г.). Автор, исследуя эффективность труда, вводит понятие «протестантская трудовая этика». Этим он объясняет успех отдельных стран, где данная конфессия является доминирующей, а также протестантских общин Германии, отмечая, что последователи протестантства работают не только ради личного блага: коммерция – это добродетельный вид деятельности [3].

Дж. Рокфеллер, частично подтверждающий гипотезу М. Вебера, в книге «Мемуары» (1908) акцентирует внимание на гуманитарном аспекте мотивации работников в системе от-

² В конце 1940 г. ЦИТ передан в наркомат авиационной промышленности (ныне Национальный институт авиационных технологий).

бора персонала. По мнению Д. Рокфеллера, в их семейном банке «Чейз» существовали свои особые устои и нормы, которые он называет «чейзовской» культурой [27]. Надо отметить, что все Рокфеллеры занимались благотворительностью: ими открыты образовательные и научные учреждения, большие средства тратились на проведение глобальных научных исследований [25].

Если проследить дальнейшую эволюцию и трансформацию всего понятийного ряда, связанного с организационной культурой, можно выделить несколько направлений. Э. Мэйо, проведя Хоторнские эксперименты в 1928–1932 гг., выявил *социально-психологические аспекты* данного явления [5; 10; 14; 17; 21]. К представителям этого направления можно отнести, например, Д. Мацумото, который использует такое понятие, как «разнообразные психологические конструкты». В унисон ему П. Вейл говорит об «уникальной общей психологии», Р. Гэлэгер употребляет словосочетание «поощряемое поведение». Т. Соломанидина считает, что культура – это «социально-духовное поле», О. Виханский и А. Наумов размышляют об «ценностных ориентациях» и др. В целом, можно выявить определенную тенденцию к синонимичности культуры и организационного поведения.

Менеджеры и экономисты, обратив внимание на значительный экономический эффект должной организационной культуры, источником ее считают человека как главный ресурс любой производственной системы. На *экономическом аспекте* строится значительное число исследований (Б. Карлофф, О. Г. Переяслова, Н. В. Кондратова, Е. В. Трушкин и др.). Авторы представляют культуру организации в виде некой системы духовных ценностей и материальных артефактов, напрямую влияющую на производственный процесс и его эффективность. Последовательный ряд зарубежных и отечественных изысканий демонстрируют глубокую изученность отдельных аспектов, однако говорить о завершенности исследований в таком направлении пока рано.

В *философском аспекте* организационная культура предстает в виде некой непостижимой/труднопостижимой совокупности интеграционных символов, «идеалообразующей стороны деятельности организации». Так, Б. Феган считает, что это «история, представленная в настоящем», Л. Смирнич использует словосочетание «приобретенные смысловые системы», Б. Сафоновский определяет этот тип культуры как «паттерн коллективных базовых представлений», Д. В. Львов – «единство и борьбу противоположностей» [2; 20; 28]. Несмотря на то что в базисе лежит философский аспект, надстройки исследований могут формироваться в разных областях: социологии, экономике и т. д.

Педагогический аспект акцентирует внимание на социально-педагогическом феномене такой культуры, считая его в первую очередь инструментом воспитания, при этом не делая различий между учащимися образовательных организаций и сотрудниками организаций [1; 4; 22]. Т. А. Антопольская представляет организационную культуру в виде «системообразующей доминанты социокультурного пространства», Ю. Ю. Темрюков говорит об «инструменте формирования и развития норм». В. А. Виноградова считает культуру «инструментом анализа образовательной ситуации».

Специалисты-культурологи считают, что основой для формирования организационной культуры является внутренняя культура каждого человека. Чем больше внутренних установок сотрудника соответствует ценностям организации, тем больше идентификация человека с местом работы. В то же время, анализируя культурологические исследования, можно заметить, что и здесь есть тенденция к некоторому смещению смысловых акцентов в трактовках организационной культуры [8; 11; 13; 16]. Так, например, И. В. Ивлева и Л. В. Купфер рассматривают организационную культуру в первую очередь как «стратегический инструмент», позволяющий объединить, ориентировать все подразделения организации и отдельных лиц на общие цели и т. д., что, на наш взгляд, более характерно для экономического подхода. Н. А. Королева и М. С. Герасимова оперируют формулировкой Г. Н. Соколовой, что свойственно социологическому подходу.

Вместе с тем голландский антрополог Г. Хофстеде определяет культуру как «коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других» [12]. В первую очередь ему интересна организационная культура как часть культурной реальности, культуры страны. С. В. Кузичев, Н. И. Фатиев, А. Ю. Хабаров представляют ее в виде «социокультурного феномена». Л. А. Туринова считает «фактором снижения социального напряжения», а Л. А. Пичугина – «многогранным социокультурным явлением» [15; 19; 23; 24].

При всем многообразии подходов к организационной культуре исследователи сходятся во мнении, что она зависит от национально-этнических составляющих. Организация формирует свою уникальную культурную среду, сохраняя духовные традиции страны, аккумулируя ее традиции и обычаи (М. Айкен, С. Б. Бачарач, Ф. Тромпераарс, Г. Хофстеде). Историко-культурные факторы накладывают отпечаток на все сферы жизнедеятельности человека. Культура организации не исключение. Игнорирование данного факта может привести к весьма плачевным результатам. Известен факт, когда иностранная компания, придя на российский рынок, за основу брала ценностные нормы своей страны. Возникший культурный диссонанс пришлось срочно ликвидировать, поскольку работоспособность сотрудников значительно упала.

Как следует из представленного обзора, понятия «организационная» и «корпоративная» культура были введены российскими практиками. Это явление неоднозначное, понятийный ряд требует систематизации в силу своей многозначности. Российские национально-исторические аспекты организационной культуры требуют подробного культурологического анализа.

Разграничивая исследуемые понятия, необходимо придерживаться трактовок, наиболее близких по своему духу первоначальным определениям: корпоративная культура – это неформальные ценности и нормы поведения сотрудников организаций, иных объединений, возникающих на основе единства внутренних установок людей. А организационная культура – это конструкт материальных и духовных ценностей, определяемый организацией, который необходим для должного функционирования всей системы. Соответственно, понятие «организационная культура», на наш взгляд, шире, чем «корпоративная», являющаяся частью организационной. В этом заключается ключевое различие трактовок в зарубежных и российских исследованиях.

Список литературы

1. Антопольская Т. А. Организационная культура учреждения дополнительного образования детей: теория и практика развития. М., 2009. 316 с.
2. Астапов В. В. Организационная культура как объект философского исследования : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2000. 149 с.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения / пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдов. М. : Прогресс, 1990. С. 44–271.
4. Виноградова В. А. Механизмы изменения организационной культуры развивающейся сельской школы : дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 234 с.
5. Виханский О. С., Наумов А. И. «Другой» менеджмент: время перемен // Российский журнал менеджмента. 2004. Т. 2. № 3. С. 105–126.
6. Гастев А. К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. М. : Экономика, 1972. 478 с.
7. Гастев А. К. Поэзия рабочего удара: [Факсимильное переиздание в редакции 1919 года]. СПб. : Свое изд-во, 2013. 48 с.
8. Герасимова М. С. Организационная культура предприятия книжного дела на примере научно-издательского центра «Древности Севера» // Вестник Московского государственного университета печати. 2015. № 2. С. 165–172.
9. Голиков И. Ф. Вековые принципы ведения дел в России // Информационный бюллетень Санкт-Петербургской торгово-промышленной палаты. 2012. № 4. С. 3.
10. Гэлэгер Р. Душа организации. Как создать успешную корпоративную культуру. М., 2006. 352 с.
11. Ивлева И. В. Лицо организации в зеркале общественного мнения // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 4 (050). С. 67–69.
12. Коллонтай М. М. Влияние национальных культур на становление и развитие менеджмента в разных странах // Институт приватизации и менеджмента. URL: <http://old.research.by/pdf/1999n2r06.pdf>.
13. Королева Н. А. Культура управления и принцип комплексности в разработке ее функционирования // Аналитика культурологии. 2010. № 18. С. 167–181.
14. Коэн А. Р. Курс МВА по менеджменту / А. Р. Коэн, П. Б. Вейл, Д. Л. Брэдфорд и др.; ред. А. Р. Коэн; науч. ред. А. Куницын; пер. с англ. А. Исаенко, А. Лисовского. 4-е изд. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. 506 с.
15. Кузичев С. В. Корпоративная культура как социокультурный феномен : дис. ... канд. культурологии. М., 2004. 150 с.
16. Купфер Л. В. К вопросу об организационной культуре и других видах культуры в компании // Приволжский научный вестник. 2014. № 10 (38). С. 60–64.
17. Мацумото Д. Психология и культура. СПб. : Питер, 1-е изд., 2003. 718 с.

18. *Невская С. С.* Вклад М. Н. Скаткина, С. Т. Шацкого, А. С. Макаренко в развитие и формирование человеческого и социального потенциала и капитала // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 6 (27). С. 48.

19. *Пичугина Л. А.* Российская корпоративная культура: генезис и исторические трансформации : монография. М., 2008. 112 с.

20. *Сафоновский С. Б.* Организационная культура: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. 152 с.

21. *Соломанидина Т. О.* Организационная культура как социально-экономическое пространство управления человеческими ресурсами : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2003. 356 с.

22. *Темрюков Ю. Ю.* Формирование и развитие организационной культуры в общеобразовательной школе // Преподаватель XXI век. 2008. № 2. С. 219.

23. *Туринова Л. А.* Культура ведения бизнеса в постиндустриальном обществе и ее представление в современной англоязычной литературе : дис. ... канд. культурологии. М., 2008. 220 с.

24. *Фатиев Н. И., Хабаров А. Ю.* Организационная культура и парадоксы ее развития // Вопросы культурологии. 2010. № 11. С. 77–82.

25. *Chernow R.* Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr.. N. Y. : Random House, 1998. 774 p.

26. *Ford H., Crowther S.* My Life and Work. Garden City Publishing Company, Inc. 1922. 289 p.

27. *Rockefeller D.* Memoirs. N. Y. : Random House, 2002. 517 p.

28. *Smircich L.* Concepts of culture and organizational analysis // Administrative Science Quarterly. 1983. P. 339–358.

Organizational culture as an object of cultural research

M. A. Makarkina

senior lecturer, Department of general history and political science, Vyatka State University. Russia, Kirov.

ORCID: 0000-0001-7350-1453. E-mail: usr11888@vyatsu.ru

Abstract: the article analyzes the national and historical aspects of the phenomenon of "organizational culture". The phenomenon of "organizational culture", according to the researcher, has always existed implicitly, despite the recent appearance of the term in scientific use. The relevance of this study is explained by the weak knowledge of cultural and historical components of organizational culture in Russia, as well as the need to determine the dominant in the existing conceptual range of "organizational culture", "corporate culture", "industrial culture". Paying special attention to national-historical aspects, the author refers to the works of both domestic and Western researchers: A. K. Gasteva, M. Weber, G. Ford, etc.

The author distinguishes the main approaches of research of this phenomenon: the socio-psychological, economic, philosophical, pedagogical, cultural, which allows to distinguish between the concepts studied, to determine the dominant paradigm in this synonymous. At the same time, the increased attention to organizational culture on the part of the business sector has led to a shift in the focus towards economic and managerial, displacing the cultural component to the periphery of scientific knowledge. The review highlights the need for more in-depth and detailed analysis of the cultural and historical components of organizational culture in Russia.

Keywords: organizational culture, corporate culture, approaches to organizational culture, national and historical aspects.

Reference

1. *Antopolskaya T. A.* *Organizacionnaya kul'tura uchrezhdeniya dopolnitel'nogo obrazovaniya detej: teoriya i praktika razvitiya* [Organizational culture of the institution of additional education of children: theory and practice of development]. M. 2009. 316 p.

2. *Astapov V. V.* *Organizacionnaya kul'tura kak ob'ekt filosofskogo issledovaniya : dis. ... kand. filos. nauk* [Organizational culture as an object of philosophical research: dis. ... PhD of philos. sciences]. Krasnoyarsk. 2000. 149 p.

3. *Weber M.* *Protestantskaya ehtika i duh kapitalizma. Izbrannye proizvedeniya* [Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works] / transl. from Germ. and general editorship: Y. N. Davydov. M. Progress. 1990. Pp. 44–271.

4. *Vinogradova V. A.* *Mekhanizmy izmeneniya organizacionnoj kul'tury razvivayushchejsya sel'skoj shkoly : dis. ... kand. ped. nauk* [Mechanisms of changing organizational culture of developing rural schools : dis. ... PhD of ped. sciences]. M. 2003. 234 p.

5. *Vihanskij O. S., Naumov A. I.* «*Drugoj*» *menedzhment: vremya peremen* ["Another" management: time for a change] // *Rossijskij zhurnal menedzhmenta* – Russian management journal. 2004, vol. 2, No. 3, pp. 105–126.

6. *Gastev A. K.* *Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizacii truda* [How to work. Practical introduction to the science of labor organization]. M. Ekonomika. 1972. 478 p.

7. Gastev A. K. *Poehziya rabocheho udara: [Faksimil'noe pereizdanie v redakcii 1919 goda]* [The Poetry of the worker's stroke: [Facsimile reissue in the edition of 1919]. SPb. Publishing house Svoe izdatel'stvo. 2013. 48 p.
8. Gerasimova M. S. *Organizacionnaya kul'tura predpriyatiya knizhnogo dela na primere nauchno-izdatel'skogo centra «Drevnosti Severa»* [Organizational culture of the enterprise of book business on the example of the scientific publishing center "Antiquities of the North"] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati* – Herald of the Moscow State University of the Press. 2015, No. 2, pp. 165–172.
9. Golikov I. F. *Vekovye principy vedeniya del v Rossii* [The principles of doing business in Russia] // *Informacionnyj byulleten' Sankt-Peterburgskoj trgovno-promyshlennoj palaty* – Information bulletin of the St. Petersburg Chamber of Commerce and Industry. 2012, No. 4, p. 3.
10. Gallagher R. *Dusha organizacii. Kak sozdat' uspešnyu korporativnyu kul'turu* [The soul of the organization. How to create a successful corporate culture]. M. 2006. 352 p.
11. Ivleva I. V. *Lico organizacii v zerkale obshchestvennogo mneniya* [The face of the organization in the mirror of public opinion] // *Social'no-ehkonomicheskie yavleniya i processy* – Socio-economic phenomena and processes. 2013, № 4 (050), pp. 67–69.
12. Kollontaj M. M. *Vliyanie nacional'nyh kul'tur na stanovlenie i razvitie menedzhmenta v raznyh stranah* [Influence of national cultures on the formation and development management in different countries] // *Institut privatizacii i menedzhmenta* – Institute for privatization and management. Available at: <http://old.research.by/pdf/1999n2r06.pdf>.
13. Koroleva N. A. *Kul'tura upravleniya i princip kompleksnosti v razrabotke ee funkcionirovaniya* [Culture of management and the principle of comprehensiveness in the development of its activity] // *Analitika kul'turologii* – Analysis of cultural studies. 2010, No. 18, pp. 167–181.
14. Cohen A. R. *Kurs MBA po menedzhmentu* [MBA course in management] / A. R. Cohen, P. B. Vail, D. L. Bradford and others; edited by A. R. Cohen; scientific ed. A. Kunitsyn; transl. from English by A. Isaenko, A. Lisowski. 4th publ. M. Alpina Business Books. 2007. 506 p.
15. Kuzichev S. V. *Korporativnaya kul'tura kak sociokul'turnyj fenomen : dis. ... kand. kul'turologii* [Corporate culture as a socio-cultural phenomenon of dis. ... PhD of cultural studies. M. 2004. 150 p.
16. Kupfer L. V. *K voprosu ob organizacionnoj kul'ture i drugih vidah kul'tury v kompanii* [On the issue of organizational culture and other types of culture in the company] // *Privolzhskij nauchnyj vestnik* – Volga scientific bulletin. 2014, No. 10 (38), pp. 60–64.
17. Matsumoto D. *Psihologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. SPb. Piter. 1st publ. 2003. 718 p.
18. Nevskaya S. S. *Vklad M. N. Skatkina, S. T. SHackogo, A. S. Makarenko v razvitie i formirovanie chelovecheskogo i social'nogo potenciala i kapitala* [The Contribution of M. N. Skatin, S. T. Shatsky, A. S. Makarenko to the development and formation of human and social capacity and capital] // *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika* – Domestic and foreign pedagogy. 2015, № 6 (27), p. 48.
19. Pichugina L. A. *Rossijskaya korporativnaya kul'tura: genezis i istoricheskie transformacii : monografiya* [Russian corporate culture: Genesis and historical transformations: monograph]. M. 2008. 112 p.
20. Safonovskij S. B. *Organizacionnaya kul'tura: social'no-filosofskij analiz : dis. ... kand. filos. nauk* [Organizational culture: socio-philosophical analysis: dis. ... PhD of philos. sciences]. Rostov-on-Don. 2006. 152 p.
21. Solomanidina T. O. *Organizacionnaya kul'tura kak social'no-ehkonomicheskoe prostranstvo upravleniya chelovecheskimi resursami : dis. ... d-ra ehkon. nauk* [Organisational culture as a socio-economic space of human resource management: dis. ... Dr of econ. sciences]. M. 2003. 356 p.
22. Temryukov YU. YU. *Formirovanie i razvitie organizacionnoj kul'tury v obshcheobrazovatel'noj shkole* [Formation and development of organizational culture in the secondary school] // *Prepodavatel' XXI vek* – Teacher. XXI century. 2008, No. 2, p. 219.
23. Turinova L. A. *Kul'tura vedeniya biznesa v postindustrial'nom obshchestve i ee predstavlenie v sovremennoj angloyazychnoj literature : dis. ... kand. kul'turologii* [The business culture in post-industrial society and its representation in modern English literature : dis. ... PhD of cultural studies]. M. 2008. 220 p.
24. Fatiev N. I., Habarov A. YU. *Organizacionnaya kul'tura i paradoksy ee razvitiya* [Organizational culture and the paradoxes of its development] // *Voprosy kul'turologii* - Questions of cultural studies. 2010, No. 11, pp. 77–82.
25. Chernow R. *Titan: The Life of John File Rockefeller, Sr.*. N. Y. : Random House, 1998. 774 p.
26. Ford H., Crowther S. *My Life and Work*. Garden City Publishing Company, Inc. 1922. 289 p.
27. *Rockefeller File Memoirs*. N. Y. : Random House, 2002. 517 p.
28. Smircich L. *Concepts of culture and organizational analysis* // *Administrative Science Quarterly*. 1983. Pp. 339–358.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 008(049.32)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.013

Коршунков В. А. Греколатиника: отражение классики. Системный подход к истории и культуре

В. А. Поздеев

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
и методики обучения, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров.

E-mail: slavapozd@yandex.ru

Аннотация: в рецензии рассматривается вышедшая в издательстве «НЕОЛИТ» в 2018 г. книга В. А. Коршункова «Греколатиника: отражение классики». Рецензент отмечает, что каждая глава содержит заметки и очерки, которые знакомят с античной культурой и цивилизацией, с греко-римским наследием в современном мире. Анализ книги показывает, что в ней можно видеть и это наследие, и его восприятие в разных культурах: славянских и западноевропейских. Отмечается, что в книге различные тексты литературы, слова, фразы и словосочетания, языковые явления, античные, библейские, средневековые сюжеты, культурные и бытовые ситуации поясняются, комментируются, исследуются с точки зрения греколатиники.

Ключевые слова: В. А. Коршунков, греколатиника, культурное наследие, античность, латинский язык, греческий язык.

В книге В. А. Коршункова «Греколатиника: отражение классики»¹ заметки и очерки размещены по восьми главам, каждая из которых объединена особыми темами. Автор выстраивает главы, как бы указывая на времена глаголов в латинском языке: от «Времени давнего прошедшего» до «Времени настоящего продолженного». В каждой главе заметки и очерки знакомят с античной культурой и цивилизацией, с греко-римским наследием в современном мире.

Язык – основа культуры, поэтому автор начинает свои заметки с алфавита. Это своеобразное подспорье для тех, кто не знает греческого и латинского алфавитов, так как в книге много цитат на греческом и латинском. По мнению автора, знание древнегреческого и латинского на протяжении всего периода российского образования воспринималось двояко: изучение обоих языков (либо только латыни) зачастую вызывает у ученика/семинариста/студента отторжение, а с другой стороны – в современных языках так много отражений этих культурно-языковых влияний, что без знания их некоторые тексты недоступны для понимания.

В последние годы в исследованиях историков, философов, культурологов, социологов, антропологов, фольклористов все чаще выходит на первый план интерес к культуре как некоему тексту, в котором отразилось многообразие видов и форм разновременной социокультурной действительности. Книга, на наш взгляд, является не столько лингвистическим исследованием, сколько культурологическим, поэтому в ней большое внимание уделяется системным подходам как к истории, так и к современным явлениям культуры. Это способствует более глубокому пониманию социокультурных процессов не только в древности, но и в XX и XXI вв. Почти вся европейская культура использует античное наследие, трансформируя, приспособляя его к национальным особенностям. Однако при более глубоком анализе можно видеть и это наследие, и его восприятие в разных культурах. Поэтому очень важно, что в книге различные слова, фразы и словосочетания, языковые явления, античные, библейские, средневековые сюжеты, культурные и бытовые ситуации поясняются, комментируются, исследуются с точки зрения греколатиники.

Важным моментом в первой главе является объяснение того, как В. А. Коршунков определяет, что такое «классика» в понимании прошлого и в настоящем времени, так как в подзаголовке он акцентирует внимание именно на «отражениях классики».

© Поздеев В. А., 2018

¹ В. А. Коршунков *Греколатиника: отражение классики*. М., Неолит. 2018.

Вторая глава посвящена отражению понятий, образов, имен Ветхого Завета и Нового Завета в древнегреческих и латинских вариантах Библии. Автор рассказывает о том, как из древнеегипетского города Библ шла торговля шероховатой писчей бумагой. Именно от «папирусного свитка, книги» и произошло название Библии. Есть сюжет, связанный с вятским купцом Ксенофонтом Анфилатовым. Автор отметил, что в книге об Анфилатове приведены названия кораблей, отправленных в Америку. Эти названия там пояснены: «Иоганнес Баптист» – «Иоанн Креститель» и «Эрц-Энгель Михаэль» – «Архистратик Михаил». Объясняя такие названия, В. А. Коршунков раскрывает один из библейских сюжетов об Иоанне Крестителе, который путем погружения в воды Иордана крестил Иисуса, то есть поясняется происхождение слова «баптист». Есть в этой главе заметки о символике рыбы, связанной с новой, христианской, религией и первоучениками Христа. Есть разыскания о слове Люцифер, о том, как оно трансформировалось из «светильника», античного Люцифера (сына богини Зари) в одно из дьявольских имен.

В третьей главе «Латинский Запад» читатель найдет много известных и неизвестных сведений о том, как греколатиника проникала в западноевропейские языки и культуру. В таких заметках, как «Римский культурный слой», «Что кричала ворона», «Мы не рабы, рабы немые», «Убогий», «Языческий гриб», «Латинское Средневековье» и других серьезное сочетается не только с занимательным, но и курьезным. Например, в заметке «Фокус-покус» трактуется, как слово «фокус» вошло в России в идиому «Фокус, покус, филипокус!».

В четвертой главе «Славянство и Россия» В. А. Коршунков рисует картину мифогеографии славянства, того, как в названиях и топографии переплетаются различные античные сведения и названия русского этноса, кто и как влиял на именование русских. Интересный сюжет связан с Екатериной II, которая способствовала распространению параллели «русские – скифы». Эти заметки подкреплены многочисленными ссылками не только на исторические, но и на литературные источники.

Все последующие главы так или иначе раскрывают связь русской культуры с греколатиникой. В пятой главе «Бурса, гимназия, университет» В. А. Коршунков достаточно подробно, с интересными примерами раскрывает особенности изучения древнегреческого и латинского в России с XVII в. до настоящего времени. Уже в предисловии автор пишет, что «классические языки непросты. В школе и университете не вырабатывается привычка упорно и систематически познавать обширные, многоаспектные знаковые системы – те, что сложнее разговорного английского. Даже поверхностное изучение этих двух языков (либо только латыни) на гуманитарных факультетах зачастую вызывает у неподготовленного ученика отторжение. Вроде бы то, что кроется за полузнакомыми словесами, любопытно и важно, но как-то зубрить неправильные глаголы! Да еще когда на школьных уроках так и не уразумел, чем склонение отличается от спряжения и зачем нужны падежи!...». Поэтому В. А. Коршунков, который ведет курсы латинского языка, предлагает свой опыт. Он начинает курс «с примечательных и неожиданных греко-латинских слов, фраз, языковых и мировоззренческих явлений, с античных, библейских, средневековых культурных и бытовых ситуаций».

Филолог найдет в этой книге немало интересных наблюдений из литературы разных периодов. Фольклорист – исследования, связанные с мифопоэтикой, с семиотическим подходом к различным явлениям литературы, художественного творчества, бытовым явлениям, которые позволяют сделать интересные выводы, по-новому раскрывают, казалось бы, известные тексты и произведения. Так, в главе «Греколатиника в советскую эпоху» В. А. Коршунков приводит достаточно много «анекдотических» случаев, связанных с советской политической, бытовой действительностью. Автор раскрывает, как Сталин пытался «поднять» образование в советской школе. Поэтому в период конца 1940-х – начала 1950-х гг. хотели возродить изучение латинского языка в средней школе. В 1948 г. был выпущен учебник латинского языка, а в 1950 г. – хрестоматия латинских текстов. Однако автор цитирует Ю. Шичалина, который сводит это начинание к «имперской амбиции Сталина». Не все отрицательно воспринималось в этот период. Так, Михаил Леонович Гаспаров, известный филолог, который учился в университете именно в эти годы, вспоминал о своих учителях греческого и латинского, которые его привели к пониманию необходимости классического образования, особенно для литературоведов.

Каждое исследование, очерк, заметка так многогранны и насыщены информацией, что о них можно много писать, удивляться и даже восхищаться дотошностью автора.

Можно отметить оформление и верстку книги, в которой ссылки даются прямо в тексте, но они выделены «бледным» шрифтом, поэтому не влияют на общее восприятие текста. Есть несколько фотографий словарей, книг, современных артобъектов, все они визуально дополняют текстовую информацию. В книге имеется указатель имен и географических названий, а также греческих и латинских слов и выражений, приведенных в текстах. Книга очень «плотно» сверстана, так как автор и издатели пытались вместить достаточно большой информационный объем. Автор отмечает, что «большинство заметок – это, по сути, комментарии», однако, на наш взгляд, некоторые комментарии к «комментариям» были бы нужны, так как автор всем содержанием и логикой построения своей книги демонстрировал, что нынешний школьник, студент, аспирант, ученый «знает латынь хуже не только гимназиста либо семинариста, но даже ученика уездного духовного училища...» (цитата В. А. Коршункова из статьи Льва Морских-Касаткина «О смертях преследователей (или апофеоз гуманистической науки)»).

Книга В. А. Коршункова доказывает, что изучение «греколатиники» будет полезно старшеклассникам, студентам, аспирантам и всем, кого интересуют историко-культурные традиции Западной Европы и России.

Korshunov V. A. Greek-Latin: reflection of classics Systematic approach to history and culture

V. A. Pozdeev

Doctor of philological sciences, professor of the Department of Russian and foreign literature
and teaching methods, Vyatka State University. Russia, Kirov.
E-mail: slavapozd@yandex.ru

Abstract: the review considers the book by V. A. Korshunova "Geek-Latin: a reflection of the classics" published in publishing house "NEOLITH" in 2018. The reviewer notes that each chapter contains notes and essays that introduce the ancient culture and civilization, the Greco-Roman heritage in the modern world. Analysis of the book shows that both this heritage, and its perception in different cultures: Slavic and Western – can be seen. It is noted that in the book various texts of literature, words, phrases and collocations, linguistic phenomena, ancient, biblical, medieval subjects, cultural and everyday situations are explained, commented, investigated from the point of view of Greek-Latin.

Keywords: V. A. Korshunov, Greek-Latin, cultural heritage, antiquity, Latin, Greek.

УДК 947.084.2(049.32)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.014

Российская революция 1917 года: власть, общество, культура

А. С. Позднякова

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук,
Кировский ГМУ. Россия, г. Киров. E-mail: Pozdnyakova.med@gmail.com

Аннотация: в 2017 г. вышла коллективная монография Института российской истории РАН к 100-летию российской революции «Российская революция 1917 года: власть общество, культура». В рецензии дается обзор некоторых глав книги, резюмируются основные выводы авторов. Отмечается, что в данной монографии представлены наиболее взвешенные оценки событий Февральской и Октябрьской революций в России, а также то, что авторы стремятся объяснить события 1917 г. в стране многими факторами. Сильными сторонами монографии является подробный историографический обзор, который представлен целым разделом, глубокий анализ событий, предшествующих революции, изучение разных сфер жизни страны в данный период. Сделан вывод о том, что российское общество еще не готово к единой взвешенной оценке событий тех лет.

Ключевые слова: Февральская революция, Временное правительство, Октябрьская революция, становление советского государства, Гражданская война в России.

В 2017 г. отмечалось столетие русской революции. Несомненно, юбилей придал новый импульс дискуссиям историков, политологов, философов, представителей других общественных, гуманитарных и социальных дисциплин. Проблемы послеоктябрьского века российской истории широко освещались в средствах массовой информации, широко обсуждались общественностью в самых различных форматах. То, что 1917 г. перевернул историю страны, повлиял на мировую историю, не вызывает никаких сомнений. Очевидно, что и сегодня оценка этого события является одной из актуальных задач исторической науки. Для историков Февральская и Октябрьская революции представляют интерес и с проблемной, и с гносеологической точки зрения. Каждый год открываются все новые и новые источники для изучения данных событий, изменяются методологические подходы к их исследованию, возникают оригинальные интерпретации исторического процесса. Российское общество нуждается в современном освещении революции, в первую очередь для создания цельной картины прошлого, свободной от деформаций и умалчиваний, характерных для десятилетий гражданского раскола. Без этого невозможно формирование адекватного фундамента национальной идентичности: у единого народа должна быть общая историческая память, даже в том случае, если она, наряду с событиями гордости и славы, хранит знание о противоречивых и трагичных «смутных временах». О том, что до сих пор не преодолены крайности в оценке революции, говорит проблема мемориализации 1917 г. Примером могут служить общественные дискуссии по вопросу установки памятников в г. Кирове Ф. Э. Дзержинскому в 2017 г. и царской семье Романовых в 2018 г.

Говорить о том, что сейчас в обществе относительно 1917 г. достигнут консенсус, нельзя. Скорее, наоборот: после 80-летней советской эпохи восхваления и празднования Октября, в перестроечные годы маятник резко качнулся в другую сторону. До сих пор на пике популярности «белого» движения. В настоящее время в стране запущен национальный туристический проект «Императорский маршрут», в городах Урала и Сибири крайне популярны экскурсионные программы «Белая Пермь», «Белый Омск», с середины 1990-х гг. несколько лет активно обсуждается вопрос переименования города Кирова в Вятку и т.д.

Россияне по-прежнему расходятся в оценках результатов Октябрьской революции [5; 6]. Что же историческая наука?

1917 г. нуждается в объективном изучении, взвешенных выводах, где следует избегать политизации, поверхностных оценок. Именно такой подход, который преодолевает «сохраняющуюся в общественном сознании дихотомию восхваляющего мифотворчества (“революция – локомотив истории”) и идеологически ангажированного негативизма (“революция –

абсолютное зло")» был провозглашен авторами коллективной монографии в двух томах «Российская революция 1917 года: власть, общество, культура»¹.

Разные подходы в изучении российской революции представлены авторами монографии в разделе I, который целиком посвящен историографии данной проблемы. Важнейшим выводом, к которому пришли авторы, является то, что события 1917–1921 гг. современными историками трактуются как единая Великая российская революция, прошедшая в своем развитии несколько этапов: Февраль, Октябрь, Гражданская война. В научной среде, как отмечается, утвердилось представление о революции как о сложном, многофакторном процессе. Несмотря на давность революции и множество работ по данной тематике, авторы монографии подчеркивают, что с развитием новых методологических подходов (социальной истории, культурной антропологии, микроистории и т. д.) старые темы приобретают новое звучание, ставятся новые вопросы и исследуются неизученные темы.

Временные рамки монографии – с кануна падения монархии до принятия Конституции 1918 г. – дают возможность оценить события как непрерывный процесс, увидеть причинно-следственные связи между чередой событий, оценить явления в динамике. Особое внимание авторами было уделено структуре общества, чему посвящен раздел III двухтомника «Российское общество накануне и в годы революции». В ходе большой работы был сделан вывод, который звучит, с одной стороны, довольно банально, а с другой – напоминает об одной из главных причин революций: «Тенденцией России начала XX в. являлось численное преобладание низших, малообеспеченных слоев населения и ничтожно малая доля высших состоятельных групп, а также колоссальная разница между ними в имущественном положении» [4].

Большой объем работы был выполнен авторами в ходе подготовки раздела V «Трансформация властных институтов», где была представлена эволюция всей системы управления с марта 1917 г. до июля 1918 г. Исследователи отмечают, что государственные учреждения на время утратили свое положение, произошел так называемый выброс масс в политику, приведший к тому, что в «жизнь ворвались общественные структуры, которые явочным порядком захватывали свою, негосударственную, власть» [2, с. 596]. Авторы развеивают старый миф о том, что двоевластие – строгая система советов и Временного правительства. Во-первых, советы в регионах могли выполнять совершенно разные политические функции, они быстро эволюционировали и меняли свою роль в жизни страны. Во-вторых, помимо советов в классическом понимании этого слова в обществе появились и другие структуры – различные союзы, кооперативы и т. д. После Октября страну буквально захлестнула общественная активность. Особенно бурно она проявлялась в создании правоохранительных структур: к примеру, желание создать революционные трибуналы, дружины общественного порядка, красную гвардию, ревкомы было отмечено в Вятской губернии во многих волостях и даже деревнях. Похожие процессы развивались и в других регионах страны.

Одним из самых интересных и новаторских разделов монографии является раздел VII «Социальные структуры и массовые движения». Авторы подчеркивают стихийность Февральской революции, ее беспартийность, опровергают миф о ее бескровности, приводя массу примеров жестокости толпы. Подтверждается тезис о так называемой революционной эйфории, восторге от произошедшего, которая охватила все слои населения, однако продлилась только до конца марта 1917 г. Крайне важен вывод о снижении влияния церкви на общественную жизнь во время Февральской революции, о том, что антицерковные настроения возобладали еще до Октября. В итоге церковь не смогла стать сдерживающим фактором, предотвратить озверение масс.

Глава 4 «Борьба за выживание в условиях нарастающего хаоса» данного раздела описывает настроения самых влиятельных в условиях революции социальных групп – солдат, крестьян и городских жителей – в динамике от марта до октября 1917 г. Впечатляющая панорама фактов увенчивается констатацией важнейшей качественной характеристики российского общества: к середине октября властью были недовольны все, поднималась волна протеста, люди требовали немедленного решения всех насущных вопросов. Крестьяне к осени 1917 г. повсеместно вершили свою аграрную революцию: производили описи имений, захватывали угодья, мельницы, чинили самосуд, делили хлеб. Как пишут авторы, «к моменту захвата власти большевиками земельный вопрос в России уже был принципиально решен так, как этого желало общинное крестьянство» [4].

¹ *Российская революция 1917 года. Власть, общество, культура. В 2 т. Москва, Изд-во РОССПЭН. 2017.*

Октябрьская революция, как и Февральская, сопровождалась насилием, так называемыми «пьяными погромами». Но неверно полагать, что участники данных акций – большевики. Они, скорее, открыли «ящик Пандоры»: дали народу лозунги о власти народа, рабочих, крестьян, солдат. На деле же они всего лишь предоставили возможность для оправдания любых деструктивных действий. Во многих городах были разграблены винные склады, магазины, в деревне продолжался «черный передел», это была власть толпы, полный хаос и анархия, такая, что сами большевики не знали, что с этим делать. Как пишут авторы, «выплеснулась разрушительная энергия крестьян, никаких новых ценностей при этом не возникло»

Раздел VII заканчивается важной, крайне интересной и содержательной главой «Слухи и массовые настроения». Как пишут авторы, «в среде историков все еще заметно желание отыскать конкретных – если не крупных, то хотя бы второстепенных “руководителей” событий» [4, с. 339]. В отечественной историографии недооценена роль «тонкой материи», духа революционных событий, то есть слухов, сплетен, пересудов. В переломную эпоху все это превращается в крайне действенный фактор. Изучение слухов может приблизить нас к пониманию того, что революция «развивалась по своей собственной синергетической логике, а не по кабинетным предписаниям тех или иных политиков» [4, с. 340]. К примеру, одним из катализаторов Февральской революции можно считать слух о недостатке продовольствия в Петрограде. Дополнял атмосферу ненависти и страха в столице слух о якобы расставленных полицией пулеметах на крышах домов и колоколен. Самыми сильными и живучими были слухи, которые порождались страхами. Летом 1917 г. это были сплетни о скором восстании большевиков, о взятии Петрограда немцами. После Октябрьской революции страну наводнили слухи о расправах над «буржуями», о страшных пьяных красногвардейцах.

На начальном этапе Гражданской войны слухи приобрели гипертрофированный характер. К примеру, в Вятке, ввиду приближения чехословаков, последним приписывались чудовищные зверства. Чем ближе к Вятке был Восточный фронт, тем больше рождалось слухов: о Колчаке, который накормит губернию («Долой Ленина с кобылой, да здравствуют белые с хлебом и свиной!» [2]), накажет большевиков («Советы – преступники и тираны, обируют крестьян, фронт уже близко...скоро разберемся с коммунистами» [1]), о том, что в Петрограде уже пала советская власть.

Несомненно, изучение таких «тонких материй» открывает новые знания о революции, не ограничивает ее обусловленность социально-экономической сферой, работой партий, внешними обстоятельствами, приближает современного человека с его проблемами к человеку 1917 г., который был также окружен заботами, страхами, чувствами.

В заключительном разделе монографии «Культура в революции – революция в культуре» целая глава посвящена проблеме коммеморации 1917 г., где авторы замечают, что «споры о революции у нас, по сути, никогда не утихали» [4, с. 515]. Идеологической задачей в год столетия революции, как пишут авторы, стало политическое успокоение, примирение российской нации. Было ли это достигнуто? Скорее нет, что связано с излишней политизацией темы 1917 г., целым рядом неоднозначных смысловых потоков внутри данного процесса.

Подводя итоги, можно отметить, что авторы преодолели крайности в оценке революции, сняли многие «клише» (например, критикуется «теория заговора»), сложилось ощущение многофакторности революционного процесса, его стихийности, неизбежности. Монография приближает читателя к реальной истории, которую творят не единицы, а массы. Приводя множество примеров, авторы позволили увидеть человека в революции, не только идейных лидеров, но и толпу с неприглядными поступками, озверевшую, требующую жить иначе «здесь и сейчас». 1917 г. – это миллионы покалеченных судеб, разбившихся надежд, это коренной перелом для всей нации, разрушение всей традиционной русской культуры. Именно эта мысль должна быть усвоена современным российским обществом в контексте недопущения новых социальных взрывов.

Авторы неоднократно обращают внимание на то, что революционные процессы в разных регионах отличались друг от друга. Для историков эта мысль может быть воспринята как призыв к изучению региональных материалов. Необходимо разрабатывать новые подходы к изучению революции, постараться очеловечить историю того периода, представить разные лица эпохи. Возможно, тогда мы сможем преодолеть крайности в восприятии и оценках событий Февраля и Октября 1917 г.

Список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 733. Л. 9.
2. ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1506. Л. 23.
3. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Ю. А. Петров. М. : Полит. энцикл., 2017. С. 223.
4. Российская революция 1917 года: власть, общество, культура : в 2 т. Т. 2 / отв. ред. Ю. А. Петров. М. : Полит. энцикл., 2017. С. 210.
5. <https://ria.ru/society/20171011/1506603638.html>
6. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>

Russian revolution of 1917: power, society, culture

A. S. Pozdnyakova

PhD of historical sciences, lecturer of the Department of humanities and social sciences,
Kirov State Medical University. Russia, Kirov. E-mail: Pozdnyakova.med@gmail.com

Abstract: in 2017 the collective monograph of the Institute of Russian history of the Russian Academy of sciences dedicated to the 100th anniversary of the Russian revolution "Russian revolution of 1917: power society, culture" was published. The review provides an overview of some chapters of the book, summarizes the main conclusions of the authors. It is noted that this monograph presents the most balanced assessment of the events of the February and October revolutions in Russia, as well as the fact that the authors seek to explain the events of 1917 in the country by many factors. The strengths of the monograph is a detailed historiographical review, which is represented by a whole section, a deep analysis of the events preceding the revolution, the study of different spheres of life in the country in this period. It is concluded that the Russian society is not yet ready for a single balanced assessment of the events of those years.

Keywords: February revolution, Provisional government, October revolution, formation of the Soviet State, Civil war in Russia.

Reference

1. State archive of the Kirov region. P-1322. Inv. 1A. File 733. Sh. 9.
2. ГАКО. P-1322. Inv. 1A. File 1506. Sh. 23.
3. *Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* – Russian revolution of 1917: power, society, culture: in 2 vol. Vol. 1 / resp. red. Yu. A. Petrov. M. Polit. encycl. 2017. P. 223.
4. *Rossijskaya revolyuciya 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura* – Russian revolution of 1917: power, society, culture: in 2 vol. Vol 2. / resp. red. Yu. A. Petrov. M. Polit. encycl. 2017. P. 210.
5. <https://ria.ru/society/20171011/1506603638.html>
6. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116446>

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 1 (2018)

16+

Редактор *О. И. Коробкова*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Н. Петрова*
Компьютерная верстка *Л. А. Кислицына*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.10.2018 г.
Дата выхода в свет 30.11.2018 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 14,0. Тираж 100. Заказ № 5458.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36